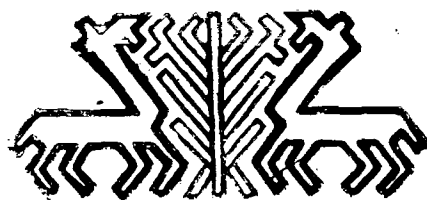

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

РЭФ

АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов.
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черёмушкинская, 19

Т-03464	Подписано к печати 6/IV — 1961 г.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Тираж 1925 экз.	Бум. л. 5	Заказ 3682 Печ. л. 13,7 Уч.-изд. л. 16,6

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

К СОБЫТИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

Прошло около года со дня торжественного провозглашения независимости Конго и официальной ликвидации многолетнего колониального господства Бельгии в этой стране. Весь краткий период своего существования Республика Конго является ареной ожесточенной борьбы между патристическими силами, отстаивающими законное право конголезского народа на свободу, и силами империализма, которые пытаются снова навязать ему колониальное рабство.

В этой борьбе решается будущее Конго. Более того, исход ее во многом определит дальнейшее развитие других африканских стран и народов.

Империалисты рассчитывали подорвать молодую республику и развернуть широкое контрнаступление против победоносного национально-освободительного движения народов Африки. Однако планы империалистов потерпели неудачу уже на первом этапе: им не удалось уничтожить Республику Конго и подавить сопротивление конголезского народа.

Империалистические державы стремятся продлить свое господство в Конго прежде всего ради того, чтобы и дальше эксплуатировать богатейшие естественные ресурсы этой страны. Здесь имеются бесчисленные месторождения ценнейших полезных ископаемых, колоссальные гидроэнергетические ресурсы, неистощимые растительные богатства, огромные сельскохозяйственные возможности. Однако в этой богатой тропической стране жил один из самых обездоленных, несчастных народов на земле. Причиной бедственного положения коренного населения Конго был колониальный режим, установленный бельгийским империализмом силой оружия и обманом в 70—80-х годах прошлого столетия.

В течение нескольких десятилетий империалистические монополии Бельгии, США, Англии и других держав расхищали огромные природные богатства Конго, извлекая колоссальные прибыли. Ни в одной другой стране колониальное рабство не принимало таких отвратительных, бесчеловечных форм. Захватив Конго, европейские колонизаторы под руководством бельгийского короля Леопольда II ввели в повседневную практику массовые убийства, зверские пытки и истязания, жертвами которых стали миллионы ни в чем неповинных конголезцев. По приблизительным подсчетам, за первые тридцать лет колонизации Конго численность коренного населения страны уменьшилась вдвое, с 30 млн. до 15 млн. человек. На крови и страданиях беззащитных негров Леопольд II и возглавляемая им клика авантюристов создали себе баснословные состояния. Они вывезли из Конго колоссальные богатства, разорили страну и привели население на грань вымирания. После краха преступного режима Леопольда II конголезский народ попал в рабство к европейским и американским монополиям.

В условиях колониального режима конголезцы подвергались зверской эксплуатации и угнетению, жили в ужасающей нищете, страдали от бесправия и расовой дискриминации, вымирали от голода и болезней, прозябали в бескультурье и неграмотности. Повсеместное применение принудительного труда и системы контрактации рабочей силы пре-

вратило конголезских трудящихся в бесправных рабов колониальных компаний, которые выжимали из них все силы на плантациях, в рудниках и на предприятиях. За свой изнурительный труд, приносивший иностранным дельцам неслыханные прибыли, конголезские крестьяне и рабочие получали жалкие гроши, которых не хватало даже на самое скудное пропитание. Конголезцы были полностью лишены политических прав. На каждом шагу они подвергались жестоким гонениям и унижительным ограничениям. С малых лет каждый конголезец постоянно испытывал гнетущую силу «цветного барьера». До последних лет к конголезцам применялись телесные наказания. Колонизаторы сознательно стремились держать конголезский народ в темноте и невежестве. Религиозные миссии, в ведении которых находилось подавляющее большинство учебных заведений, заботились не столько о распространении грамотности, сколько о воспитании конголезцев в духе рабской покорности колонизаторам. О характере «просветительской деятельности» колонизаторов, которую они бесстыдно рекламируют, можно судить по тому факту, что за многие годы колониального господства Бельгии в Конго из среды коренного населения подготовлены сотни священников, но ни одного врача, инженера, юриста или агронома. В результате изнурительной эксплуатации, хронического недоедания и отсутствия медицинской помощи средняя продолжительность жизни конголезца составляла не более двух третей длительности жизни бельгийца. Чрезвычайно высокой была смертность среди коренного населения Конго, особенно среди детей. Из каждых 10 родившихся детей 6 погибали в возрасте до 15 лет. В ряде районов постепенно вымирали некоторые племена и этнические группы.

Конголезский народ никогда не мирился с навязанным ему колониальным рабством. Борьба конголезцев против иноземных колонизаторов не прекращалась с момента вторжения европейцев. Колониальная история Конго полна эпизодов героической борьбы народных масс за свободу и человеческие права, кровавых репрессий и расстрелов. Но разрозненные, неорганизованные антиимпериалистические выступления легко подавлялись колонизаторами. Положение изменилось после второй мировой войны, когда в Конго вырос многочисленный пролетариат и когда всемирноисторические победы СССР и других социалистических стран создали предпосылки для успешного развития антиимпериалистического национально-освободительного движения в колониальных странах. В последние годы борьба народа Конго против колониального режима развертывалась с небывалой силой. Все провокации и жестокие репрессии колонизаторов разбили о непреклонную решимость конголезского народа добиться независимости. Мощный подъем национально-освободительного движения в Конго грозил смести до основания прогнившую систему бельгийского колониального владычества. В этих условиях правящие круги Бельгии вынуждены были согласиться на независимость своей колонии.

Но они надеялись ограничиться фиктивной независимостью, поставить у власти в Республике Конго своих марионеток. Однако после провозглашения Республики Конго 30 июня 1960 г. назначенное парламентом правительство во главе с Патрисом Лумумбой взяло твердый курс на защиту коренных интересов конголезского народа и не проявило готовности подчиниться диктату колонизаторов. Добившись независимости, конголезский народ был полон решимости преодолеть в кратчайший исторический срок тяжелые последствия колониального режима и начать строительство новой жизни. Осуществление этих планов грозило полностью подорвать господство империалистов в Конго, лишить монополию огромного источника сверхприбылей. Такая угроза побудила империалистов Бельгии, США и других держав к бешеному наступлению против Республики Конго и прежде всего против законного правитель-

ства, возглавляемого пламенным патриотом П. Лумумбой и пользовавшегося поддержкой широких народных масс.

Ослепленные злобой колонизаторы развязали вооруженную интервенцию против Республики Конго, создали в стране хаос и анархию, с помощью своих марионеток откололи от Республики наиболее богатые районы — провинцию Катангу и часть провинции Касаи. Поставленные у власти с помощью иностранных штыков реакционные клики начали зверский террор против патриотов и мирных жителей. По просьбе правительства Лумумбы Совет Безопасности направил в Республику Конго войска ООН с целью помочь ее законному правительству навести порядок в стране. Однако администрация ООН в сговоре с колонизаторами стала на путь борьбы против правительства Лумумбы и активной поддержки антинародных, раскольнических элементов.

Поправ все нормы международного права и элементарные права конголезского народа, колонизаторы и их ставленники добились устранения парламента Республики Конго, избранного на основе всеобщих выборов, и парализовали деятельность законного правительства. В результате агрессивных действий колонизаторов и попустительства ООН во многих районах страны воцарилась кровавая диктатура империалистических марионеток. Ставленники колонизаторов бросили в застенки и подвергли пыткам Лумумбу и других конголезских лидеров, усилили террор против патриотических сил. Используя царящую в стране анархию, империалисты приступили к реставрации колониальных порядков. В Конго вернулись тысячи бельгийцев и американцев, взявших в свои руки экономические и административные рычаги.

Логическим завершением преступных действий колонизаторов, их союзников в ООН и их конголезских марионеток явилось злодейское убийство великого сына конголезского народа Патриса Лумумбы и его соратников. Лумумба был подлинным сыном пробудившейся Африки, олицетворением ее неиссякаемой энергии и воли к борьбе за полное и окончательное избавление от колониального рабства. Но в расчете на то, что гибель Лумумбы укрепит их позиции в Конго, империалисты ошиблись. Это злодеяние обернулось против его зачинщиков, оно лишь ускорило полное банкротство империалистов в Конго и во всей Африке. Убийство Лумумбы вызвало взрыв скорби и гнева во всем мире. Оно отчетливо показало всем народам опасность империалистических авантюров в Африке для всеобщего мира, повысило бдительность мировой демократической общественности к преступным проидам колонизаторов, усилило решимость конголезских патриотов отстаивать независимость своей родины. Народ Конго, свободолюбивые народы Африки, все прогрессивное человечество навсегда сохранят в памяти замечательный подвиг Патриса Лумумбы, никогда не забудут его слов, обращенных к своему народу:

Брат негр!
 Нет, никогда не замолчу!
 Хочу,
 чтоб для тебя — долины рек!
 Чтоб Африка тебе —
 того хочу!
 Чтоб вся земля,
 весь блеск ее,
 весь цвет,
 чтоб солнца жар полуденный
 все —
 нам!
 Брат негр!
 Пусть будет так,
 что горя —
 нет!
 Что мы придем
 к счастливым временам!

Хочу, брат негр,
стереть позор веков,
чтоб прочь ушли тиранов корабли,
чтоб твой народ
сразил
своих врагов,
чтоб счастье конголезцы
обрели!

(пер. Мих. Вершинина)

Бельгийские империалисты предпринимают отчаянные усилия, чтобы удержать позиции в Конго. Заручившись поддержкой своих союзников по колониальному грабежу и по агрессивному блоку НАТО, они идут на военные и политические авантюры в Катанге и Руанда-Урунди, посылают своим ставленникам деньги, оружие и так называемых добровольцев для борьбы против свободолюбивого конголезского народа. Но бельгийские империалисты оказались не в состоянии только своими силами вновь надеть колониальное ярмо на Конго. Тогда на помощь своим бельгийским «друзьям» пришли французские и английские империалисты, которые непосредственно заинтересованы в сохранении колониального режима в Конго и как огня боятся революционизирующего воздействия происходящих там событий на народы еще зависимых от них африканских стран.

Империалистические хищники делают последнюю ставку на предателей своего народа, марионеточных «правителей» Чомбе, Калонжи, Касавубу, Илео, власть которых держится на иностранных штыках. Эти провокаторы и агенты колонизаторов, собравшись на конференцию в Тананариве (Мадагаскар), объявили о расчленении Республики Конго на множество марионеточных «государств». Тем самым пособники колонизаторов полностью разоблачили себя. Они находятся на краю банкротства. Им не избежать расплаты за свои преступления.

События в Республике Конго особенно отчетливо показали, что империалисты объединили свои силы для борьбы против африканских народов, стремящихся к подлинной независимости. Эти события окончательно подорвали веру некоторых африканских кругов в США как противника колониального рабства и в ООН как беспристрастного арбитра, готового содействовать освобождению народов Африки. Мировая общественность ясно увидела, что против молодой Республики Конго организован международный заговор колониальных держав, возглавленный империалистическими монополиями США, которые давно стремятся прибрать к своим рукам всю Африку. Особенно предательскую роль в этом заговоре сыграли администрация ООН и ее генеральный секретарь Даг Хаммершельд. Сообщничество ООН с колонизаторами подорвало ее авторитет в глазах всех народов. ООН несет прямую ответственность за преступления, совершенные в Конго империалистами и их ставленниками.

Тяжелый период переживает конголезский народ. В стране царит разруха и анархия, во многих районах гибнут от голода и эпидемий сотни и тысячи людей, банды империалистических наемников творят расправу, опустошают города и села. Совершенно очевидно, что положение, сложившееся в Республике Конго, таит серьезную угрозу как для будущего этой страны, так и для других африканских стран. Однако несомненно и большое значение опыта событий в Конго для народных масс и политических лидеров стран Африки: эти события многому учат, рассеивая опасные заблуждения и иллюзии. Они со всей очевидностью разоблачили несостоятельность мифа о возможности мирного достижения подлинной независимости угнетенными народами Африки. В Конго колониализм показал всему миру свой звериный оскал. Еще раз подтвердилась истина, что империализм не дарует независимости и не уступает

по доброй воле своих прибылей и привилегий. Напротив, нет такого преступления и беззакония, на которое не пошел бы умиравший колониализм ради продления своего господства. Успехи национально-освободительного движения народов Африки лишь усиливают отчаянное сопротивление колонизаторов. Империалисты с особым упорством и ожесточением цепляются за последние колониальные владения, используют самые подлые средства, чтобы продлить свое господство над ними, закрепить в новых формах колониальную эксплуатацию. Подлинное и окончательное освобождение угнетенных народов возможно только в результате жестокой борьбы против колонизаторов. Оно требует несокрушимого единства патристических сил, высокой бдительности, решительного отпора империалистическим хищникам и их ставленникам.

События в Конго нанесли также удар по иллюзиям об особом «африканском» пути общественно-политического развития, на котором якобы нет места внутренним антагонистическим противоречиям и классовой борьбе. С развитием антиимпериалистического национально-освободительного движения конголезского народа проявился и углубился раскол между демократическими массами, полными решимости вести борьбу за ликвидацию всех форм колониализма, и реакционным антинародным меньшинством. Раскол произошел прежде всего по кардинальным вопросам, определяющим будущее страны. Реакционные элементы, связанные с католическими миссиями и империалистическими кругами, открыто выступили против единства Конго, против сотрудничества с социалистическими странами и независимыми странами Африки. Борьбу против Республики Конго они ведут под антикоммунистическим флагом. С помощью антикоммунистической и антисоветской пропаганды империалисты и их ставленники пытаются укрепить свои позиции в независимых странах Африки. Но все их усилия не могут скрыть очевидной истины: Советский Союз и все социалистические страны — это самые искренние, бескорыстные и последовательные друзья африканских народов, верные союзники в борьбе за осуществление их вековых чаяний, за полную ликвидацию колониализма, за всестороннее быстрое развитие и подъем стран Африки. Попытки вбить клин между независимыми африканскими государствами и социалистическими странами играют на руку только злейшим врагам мира, демократии и прогресса, ставят под угрозу завоевания национально-освободительного движения. Конголезские реакционеры Касавубу, Илео, Чомбе, Калонжи и их приспешники — это «пятая колонна» колониализма. Они призывают к сотрудничеству с заклятыми врагами конголезского народа — империалистами Бельгии, США и других держав НАТО, восстанавливают конголезский народ против его настоящих друзей — народов социалистических стран. Они объединились с империалистами в стремлении снова навязать народу Конго колониальное ярмо, увековечить в новых, «модернизированных» формах все ту же бесчеловечную колониальную эксплуатацию.

Империалисты и их приспешники стремятся всеми средствами подорвать солидарность африканских стран и единство конголезского народа в борьбе против колониализма. События в Республике Конго явились суровой проверкой этой солидарности. Империалисты и их ставленники в ООН откровенно стремились и стремятся разжечь противоречия между странами Африки, восстановить эти страны против Республики Конго и столкнуть их между собой. Недавние события убедительно продемонстрировали жизненную необходимость всемерно крепить единство и солидарность народов и стран Африки, борющихся против колониализма. Стремление к единству и совместному отпору колонизаторам нашло выражение в конференции глав независимых африканских государств в Касабланке и чрезвычайной сессии Совета солидарности народов Азии и Африки в Каире. Обе эти конференции приняли важные решения в поддержку Республики Конго. Единство народов Афри-

ки — залог успеха в великой борьбе за освобождение многострадаального «черного континента» от оков империализма и колониализма.

Не менее важно прочное единство народных масс в каждой африканской стране. Опыт тяжелой борьбы за независимость и территориальную целостность Республики Конго показывает, что империалисты направляют главные усилия на раскол народа, разжигание внутренних противоречий и провоцирование столкновений между отдельными группами коренного населения. Происки империалистов находят еще благоприятную почву в отжившей родоплеменной организации, в трибализме, в феодальном сепаратизме и региональной разобщенности племен и этнических групп. Все эти явления, долгое время искусственно консервировавшиеся колониализмом и являющиеся его тяжелым наследием, — поистине ахиллесова пята многих народов Африки. Колонизаторы умело используют пережитки прошлого в своих интересах, против самих же африканских народов. Они ищут опору среди наиболее реакционных, отсталых элементов, заинтересованных в сохранении изживших себя родоплеменных и феодальных форм общественной организации.

Национально-освободительная борьба создает огромные сдвиги в сознании конголезского народа. В широких народных массах, среди различных племен и этнических групп распространяется и укрепляется сознание их общности, узкоплеменные и региональные интересы уступают место общенародным, общенациональным идеям, представлениям и интересам. Происходит ускоренный процесс формирования конголезской нации, в ходе которого отмирают архаические пережитки и предрассудки. Ярким проявлением этого процесса является деятельность созданной Патрисом Лумумбой партии «Национальное движение Конго». Еще несколько лет назад деятельность такой партии была здесь немыслима, в настоящее же время ее влияние усиливается во всех районах страны, среди различных племен и этнических групп. Преодоление пережитков трибализма и региональной разобщенности, укрепление национального единства — важнейшая задача патриотов Конго, группирующихся вокруг законного правительства во главе с А. Гизенгой. Стремлению колонизаторов и их марионеток расчленить Республику Конго, восстановить друг против друга этнические группы и племена правительство А. Гизенги противопоставляет политику консолидации всех здоровых сил конголезского народа. На стороне патриотов Конго, дающих отпор колонизаторам и их агентам, — симпатии и поддержка всего прогрессивного человечества.

Свободолюбивый конголезский народ сумеет преодолеть созданные его врагами трудности, сметет со своей земли предателей и раскольников, отстоит независимость и целостность Республики Конго, выйдет на прямую дорогу свободы, мира и процветания. Но для того, чтобы события, подобные событиям в Конго, не повторились, их уроки должны быть учтены всеми другими странами, поднявшимися на борьбу против империалистического рабства. Одним из таких уроков является недооценка трибализма, этнической, региональной и феодальной раздробленности многих африканских стран. В связи с этим перед советской африканистикой и прежде всего перед этнографами-африканистами встает неотложная задача дальнейшего углубленного изучения процессов этнической истории и консолидации наций в странах Тропической Африки, выявление тех отживших, реакционных особенностей этнического развития, которые, служа непосредственной опорой империализма, мешают разворачиванию национально-освободительного движения африканских народов, поднявшихся против колонизаторов.

Марксистская наука не может стоять в стороне от изучения одного из наиболее знаменательных процессов современности — ликвидации остатков колониализма. Всемерно помочь ходу этого процесса — важный и почетный долг советских этнографов.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. Ф. ДЕБЕЦ

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРОЕНИИ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ВИДА *

Вопрос об изменениях физического типа человека современного вида неоднократно привлекал внимание антропологов. Хорошо известные данные об изменениях длины тела в течение последних десятилетий; обширную литературу породила также проблема брахицефализации, наблюдаемой на протяжении последних столетий. Наряду с этим также заслуживает внимания вопрос о так называемой грацилизации черепа.

Было замечено, что современные расы человека отличаются от рас позднего палеолита менее массивным строением черепа. Было замечено также, что в северо-восточных областях древнего ареала европеоидной расы аналогичные изменения имеют место в течение последних трех, четырех или пяти тысячелетий. Эти изменения проявляются главным образом в уменьшении скулового диаметра. Они отчетливо проявляются также в наклоне лба и в развитии надбровных дуг: лоб становится более прямым, надбровные дуги менее развитыми¹.

Масштаб всех изменений подобного рода, конечно, не велик. Все же он иногда считался достаточным, чтобы на основе наблюдаемых фактов строить гипотезы о переселениях людей, коренным образом изменявших расовый состав населения целых частей света. Было время, когда изменения головного указателя являлись основанием для гипотез о массовом вторжении брахицефалов из Азии в Европу². Имеются сторонники взглядов, согласно которым позднепалеолитическое население Европы было в значительной мере вытеснено предками «нордийцев» и «средиземноморцев», пришедших с востока и с юга³.

Имеет место, однако, и тенденция к иному истолкованию этих фактов. Они ставятся в один ряд с наблюдениями, касающимися отличий современного человека от питекантропа и питекантропа от обезьян. На этой основе у авторов фантастических романов, а иногда и в научной литературе возникают образы будущего сверхчеловека, который будет отличаться от нас в том же направлении и в той же (а, может быть, и в неизмеримо большей) степени, в какой мы отличаемся от

* Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов (Париж, июль — август 1960 г.).

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 295—298.

² См., например, G. Poisson, Le peuplement de l'Europe, Paris, 1939, стр. 101.

³ Там же, стр. 93, 112.

обезьян или даже от мезозойских рептилий⁴. Понятен поэтому тот интерес, который представляют данные об изменениях физического типа человека современного вида. К числу этих данных относятся и некоторые результаты изучения древних черепов, найденных на территории СССР.

Археологические раскопки, производящиеся в СССР, дали возможность собрать за последние годы значительное количество костных остатков древних людей разных эпох. Около тридцати исследователей занимаются изучением собранных материалов. Результаты этих исследований, в значительной мере еще не опубликованные, положены в основу предлагаемого сообщения. В общей сложности в нашем распоряжении оказалось 28 серий (около тысячи черепов), относящихся к неолиту и бронзовому веку, 44 серии (свыше двух тысяч черепов) раннего железного века и 54 серии (свыше четырех тысяч черепов) — эпохи средних веков: древние славяне, тюркские кочевники и др.

Ниже речь будет идти не о тех результатах, которые позволяют проследить пути первоначального расселения людей по территориям СССР, пути позднейших переселений и смешения рас, а о тех различиях физического типа людей разных эпох, которые не могут быть объяснены как результат переселений и вызываемых ими смешений. Конечно, обе стороны исследования неразрывно связаны. Надо иметь в виду и переселения и смешения там, где они имели место, чтобы не искать иных причин для объяснения наблюдаемых изменений. Но надо помнить и об этих причинах при объяснении таких изменений.

Чтобы избежать предвзятости в подборе материала, были сопоставлены все серии черепов, находившиеся в распоряжении автора. Результаты сопоставлений представлены в табл. 1. Оказалось, что серии с

Таблица 1

Основные признаки массивности черепа по категориям и эпохам
(без подразделения по расам и географическим зонам)

	Неолит и бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Число серий	28	44	54
Скуловой диаметр: малый (до 130,4 мм)	7%	7%	7%
средний (130,5—136,4 мм)	21%	43%	50%
большой (136,5 мм и выше)	72%	50%	43%
Наклон лба: слабый (83°,5 и выше)	14%	30%	41%
средний (83°,4—79°,5)	54%	59%	55%
сильный (до 79°,4)	32%	11%	4%
Развитие надбровья: слабое (до 2,99)	0	20%	37%
среднее (3,00—3,74)	64%	66%	63%
сильное (3,75 и выше)	36%	14%	0

большими величинами скулового диаметра, с сильным наклоном лба и сильным развитием надбровья чаще встречаются в древности. Это направление отличий выявляется несмотря на то, что среди серий более поздних эпох чаще встречаются относящиеся к монголоидному расовому стволу, точнее говоря — к северной ветви этого ствола, которая отличается более массивным черепом по сравнению с расами европеоидного ствола.

Однако такой суммарный метод сопоставления данных может в свою очередь вызвать вполне обоснованные возражения. Поэтому после того как произведено суммарное сопоставление, необходимо произвести отбор и группировку серий для дальнейшего сравнения.

⁴ К. Э. Циолковский, Монизм вселенной, Калуга, 1931, стр. 21—23.

Прежде всего надо выделить серии, относящиеся к разным расовым стволам (расам первого порядка).

Европеоидный ствол представлен значительно бoльшим количеством материала. В целях соблюдения объективности не следует исключать из дальнейшего рассмотрения данные о сериях, относящихся к монголоидному стволу. Но надо признать, что эти данные еще пока недостаточны для решения вопроса о тех изменениях во времени, которые не зависят от переселений и смешений.

Материалы, относящиеся к европеоидному стволу, как более многочисленные, могут быть распределены по двум территориальным зонам. Первая зона (условно именуемая в дальнейшем северной) охватывает европейскую часть СССР, а также степную полосу азиатской части до Минусинского края включительно, которая в прошлом также входила в область распространения европеоидов. Во вторую зону (условно именуемую южной, или средиземноморской) входят Закавказье и южные окраины Средней Азии.

Особо выделены, наконец, серии смешанного происхождения, в формировании которых в той или иной мере приняли участие как европеоидные, так и монголоидные элементы.

При вычислении средних арифметических серии сгруппированы таким образом, чтобы по мере возможности избежать влияния данных по лучше изученным областям на общие средние. Дело в том, что группировка древних черепов в значительной мере зависит от количества материала. Более многочисленные данные, естественно, распределяются по нескольким сериям для получения более точной информации. Однако в этом случае несколько серий могут представлять меньшее количество населения, чем одна малочисленная и поэтому объединенная серия. Средние величины этих малочисленных серий могут, конечно, значительно отличаться от истинных средних величин того населения, которое они представляют. Наилучшим выходом из этого положения был бы учет численности населения, представленного каждой отдельной серией. Однако в отношении древних эпох введение в подсчет этого фактора также вносит значительный элемент субъективности. Правильнее идти по среднему пути. Серии объединены по большим и более или менее равнозначным территориям (Нижнее Поволжье, Украина, Прибалтика, Закавказье и т. п.). При вычислении средних по хронологическим этапам каждая из этих областей принята за единицу, независимо от числа серий, в нее входящих, и независимо от числа черепов.

Заметим также, что при вычислении приняты во внимание не только мужские, но и женские черепа. Размеры женских черепов использованы, однако, не непосредственно, а с умножением их средних величин на среднюю величину коэффициента полового диморфизма. Поскольку этот коэффициент сам по себе варьирует, то при переводе размеров женских черепов в размеры мужских имеет место некоторая потеря информации, которая исчисляется величиной, равной примерно одной трети общего числа наблюдений. Соединив полученные таким образом средние величины женских черепов со средними величинами мужских, мы получаем суммарные величины, основанные все же на большем числе наблюдений, чем при использовании данных только по мужским черепам.

Результаты вычислений представлены на табл. 2—5. В них приведены данные о всех изученных признаках. Оказалось, что в европеоидных сериях северной зоны именно перечисленные выше признаки (скуловой диаметр, угол профиля лба и развитие надбровья) дают наиболее закономерные различия во времени. К ним можно, правда, присоединить еще продольный диаметр и ширину орбит. Последняя, по всей вероятности, коррелятивно связана с шириной лица. Что же касается продольного диаметра, то его уменьшение отчасти является метриче-

Таблица 2

**Средние величины серий черепов европеоидного ствола на территории СССР
(северная зона)**

	Неолит и энеолит (2500—1500 до н. э.)	Бронзовый век (1500— 800 до н. э.)	Скифское время (800—200 до н. э.)	Сарматское время (200 до н. э.— 500 н. э.)	Средние века (500— 1500 н. э.)
Число черепов *	256/220	215/187	471/390	682/618	1771/1352
» серий	9	7	8	11	20
» объединенных групп	5	5	6	5	5
Назональный угол (77)	138,5	138,1	137,9	138,6	138,4
Зигмаксиллярный угол	126,4	126,6	125,4	125,7	126,2
Глубина клыковой ямки	5,44	5,70	4,87	5,27	5,40
Дакриальная высота (DS)	13,43	13,56	12,56	13,06	12,61
Дакриальная хорда (DC)	22,71	22,64	21,37	21,86	21,53
Симотическая высота (SS)	4,88	5,12	4,80	4,90	4,73
Симотическая хорда (SC)	9,13	9,48	8,87	9,08	9,13
Угол выступания носа (75—1)	33,9	31,9	31,0	30,1	30,4
Длина основания черепа (5)	105,8	105,6	105,2	103,4	102,5
Длина основания лица (40)	101,3	100,6	99,7	98,3	97,5
Общий угол профиля лица (72)	84,8	85,4	85,8	84,7	84,9
Верхняя высота лица (48)	70,9	71,0	72,7	71,1	70,4
Скуловой диаметр (45)	139,8	137,1	136,0	133,7	133,8
Высота носа (55)	52,0	51,8	51,7	51,3	51,1
Ширина носа (54)	25,6	25,4	25,2	25,3	25,1
Частота антропических форм (%)	56,5	56,7	63,9	70,2	74,1
Ширина орбиты (51)	43,8	43,5	42,7	42,1	42,2
Высота орбиты (52)	32,7	32,3	32,6	32,6	32,1
Продольный диаметр (1)	192,5	188,5	188,5	187,9	184,6
Поперечный диаметр (8)	141,2	141,1	141,5	140,1	140,6
Высотный диаметр (17)	138,1	138,4	136,8	136,4	135,9
Наименьшая ширина лба (9)	99,3	98,2	97,8	97,0	97,0
Угол профиля лба (32)	80,8	82,3	82,9	82,9	83,3
Развитие надбровья (средний балл)	4,06	3,80	3,52	3,40	3,12

* Первое число — мозговая коробка, второе — лицевой скелет.

ским выражением уменьшения надбровья и функционально связанного с ним затылочного рельефа. Однако общеизвестные явления брахикефализации черепа лишь отчасти могут быть связаны с уменьшением его массивности. В целом брахикефализация представляет собой иной процесс, протекающий к тому же в более позднее время.

Таким образом, для физического типа европеоидов нашей северной зоны в эпоху, хронологические рамки которой определяются примерно в 2500—1500 лет до н. э., характерна массивность в строении черепа, достигающая такой степени, которая позднее наблюдается только у отдельных индивидов и не встречается или почти не встречается в средних величинах более или менее многочисленных серий. Этот тип практически не отличается от кроманьонского в широком смысле этого термина. В этом смысле кроманьонские черты проявляются как при статическом сопоставлении краниометрических данных, так и при визуальном определении, которое некоторые антропологи считают более убедительным. Характерное для кроманьонцев сочетание признаков можно видеть на черепах, которые следует считать типичными для афанасьевской энеолитической культуры Алтая, для ямной и катакомбной культуры Поволжья и Приазовья, для неолитических могильников Украины и некоторых других областей. С течением времени черты этого типа, который удобнее всего называть протоевропейским, постепенно сглаживаются в разных признаках и в разной степени, в результате чего возникают современные расы европеоидного ствола.

Таблица 3

Средние величины серий черепов европеоидного ствола на территории СССР
(южная зона)

	Бронзовый век (1800— 1100 до н. э.)	Ранний желез- ный век (800— 300 до н. э.)	Эллинистиче- ское и римское время (300 до н. э. — 300 н. э.)	Средние века (500— 900 н. э.)
Число черепов	91/73	105/83	163/123	251/227
» серий	3	4	4	5
» объединенных групп	2	2	2	2
Назomалярный угол (77)	136,9	136,8	138,9	138,1
Зигомаксиллярный угол	124,4	124,1	126,2	125,1
Глубина клыковой ямки	4,94	5,75	5,46	6,07
Дакриальная высота (DS)	13,55	13,75	12,57	12,58
Дакриальная хорда (DC)	22,01	21,75	21,35	21,50
Симотическая высота (SS)	5,58	5,25	5,00	4,98
Симотическая хорда (SC)	9,64	9,30	9,24	9,57
Угол выступания носа (75—1)	33,4	32,7	29,4	32,3
Длина основания черепа (5)	106,3	103,6	102,6	103,2
Длина основания лица (40)	100,5	97,8	96,3	98,4
Общий угол профиля лица (72)	81,4	86,4	85,6	85,8
Верхняя высота лица (48)	73,4	73,6	71,4	73,0
Скуловой диаметр (45)	132,2	130,0	132,6	133,4
Высота носа (55)	52,3	53,4	52,8	53,1
Ширина носа (54)	24,8	24,8	25,0	24,8
Частота антропических форм (%)	67,1	64,4	64,4	68,1
Ширина орбиты (51)	43,1	42,3	42,2	42,9
Высота орбиты (52)	32,8	33,4	33,2	34,1
Продольный диаметр (1)	189,8	188,6	184,2	182,2
Поперечный диаметр (8)	138,9	135,9	140,5	144,2
Высотный диаметр (17)	139,4	135,7	136,1	136,7
Наименьшая ширина лба (9)	97,9	96,9	97,8	98,5
Угол профиля лба (32)	81,7	80,5	82,4	81,9
Развитие надбровья (средний балл)	3,39	3,20	3,00	3,0

В процессе сглаживания черт протоевропейского типа в разных местах возникают комбинации признаков, из которых одни иногда определяются как «нордические» или «протонордические», другие — как «средиземноморские»⁵. Порой подобные определения служат базой для пропаганды расистской идеологии. Известно, однако, что разграничение «нордического» и «средиземноморского» типов по краниологическим данным сталкивается с большими затруднениями. Наиболее распространено мнение, согласно которому черепа «нордического» типа отличаются несколько большей массивностью. Но по законам изменчивости в каждой доликотранной серии европеоидной расы встречаются черепа с относительно более развитым рельефом. Поэтому число относительно массивных черепов — недостаточный критерий для определения доли участия «нордической расы» в составе исследуемой популяции. И если доля таких черепов в древних сериях часто бывает больше, чем в современных, то, принимая во внимание процесс грацилизации, факты подобного рода совсем не обязательно толковать, как уменьшение доли «нордической расы». Заметим кстати, что наблюдаемая в некоторых южных областях депигментация также может иметь, как неоднократно указывали многие исследователи⁶, самостоятельное происхождение, не обязательно свидетельствующее о прямом родстве с населением Северной Европы.

⁵ См., например, W. M. Krogman, *Racial Types from Tepe-Hissar, Iran, from the Late Fifth to the Early Second Millenium B. C.*, «Verhandlingen der koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen», Afd. Natuurkunde, tweede sectie, d. 34, № 2, Amsterdam, 1940.

⁶ E. A. Hooton, *Up From the Ape*, second ed., New York, 1946, стр. 592.

Таблица 4

Средние величины серий черепов смешанного происхождения (европеоиды + монголоиды) на территории СССР (северная зона)

	Неолит, энеолит и бронзовый век (2500—800 до н. э.)	Скифское время (800—200 до н. э.)	Сарматское время (200 до н. э. — 500 н. э.)	Средние века (500—1500 н. э.)
Число черепов	140/118	146/138	277/346	1080/908
» серий	4	6	10	14
» объединенных групп	2	4	4	5
Назомаллярный угол (77)	142,2	144,6	142,1	141,0
Зигмаксиллярный угол	131,1	131,8	130,7	130,0
Глубина клыковой ямки	5,21	4,75	4,87	4,92
Дакриальная высота (DS)	13,03	11,96	11,94	11,82
Дакриальная хорда (DC)	21,62	21,56	22,03	21,70
Симотическая высота (SS)	4,39	4,13	4,21	4,35
Симотическая хорда (SC)	7,91	8,24	8,52	8,87
Угол выступания носа (75—1)	28,8	25,9	26,6	27,8
Длина основания черепа (5)	101,7	102,3	103,0	101,5
Длина основания лица (40)	99,5	99,1	98,9	97,5
Общий угол профиля лица (72)	85,0	84,6	85,7	85,6
Верхняя высота лица (48)	71,5	72,3	72,9	71,8
Скуловой диаметр (45)	141,0	139,3	136,9	136,1
Высота носа (55)	52,3	52,8	52,7	52,4
Ширина носа (54)	25,7	25,9	25,6	25,6
Частота антропических форм (%)	66,9	47,9	63,8	63,2
Ширина орбиты (51)	44,0	43,1	42,9	42,3
Высота орбиты (52)	33,4	33,5	33,2	33,0
Продольный диаметр (1)	184,9	182,9	182,8	179,8
Поперечный диаметр (8)	144,6	144,9	143,2	145,2
Высотный диаметр (17)	133,5	133,4	136,4	134,2
Наименьшая ширина лба (9)	96,7	97,6	97,4	96,2
Угол профиля лба (32)	79,3	81,2	83,2	83,4
Развитие надбровья (средний балл)	3,78	3,27	3,09	2,98

Процесс грацилизации на территории СССР прослеживается также, хотя порой и не столь определенно, и в тех областях, где к основному европеоидному ядру примешивается более или менее значительная доля монголоидного элемента. Однако в сериях, целиком относящихся к монголоидной расе, эти изменения не прослеживаются или же прослеживаются в настолько слабой мере, что на реальность их нельзя настаивать.

В еще меньшей мере изменение массивности черепа на рассматриваемом отрезке времени проявляется в южной зоне распространения европеоидной расы. Вернее, здесь оно в целом совсем не проявляется, хотя по отношению к отдельным сериям, может быть, и позволительно говорить о следах процесса грацилизации даже в сравнительно позднее время. Зато в южной зоне, по-видимому, раньше и интенсивнее, чем в северной, проявляется процесс брахикефализации, хотя в данной зоне сущность его еще недостаточно изучена, в частности, в связи с ролью искусственной деформации под действием распространенной в Передней Азии специфической формы колыбели.

Вернемся к найденным различиям в степени массивности, реальность которых не может, как кажется, вызвать сомнений. Как истолковать полученные результаты?

Иногда различия, подобные описанным выше, объясняли, прибегая к гипотезе «посмертного отбора». Возможно, что более массивные черепа лучше сохраняются и чаще попадают в руки исследователя. Чем древнее серия, тем эта возможность в общем больше. В сводке материала, опубликованной в 1948 г., автор уже разбирал эту возможность⁷.

⁷ Г. Ф. Дебеч, Указ. раб., стр. 302—305.

Таблица 5

Средние величины серий черепов монголоидного ствола на территории СССР

	Неолит, энеолит и бронзовый век (2500—1000 до н. э.)	Ранний железный век (800 до н. э.—200 н. э.)	Средние века (1200—1600 н. э.)
Число черепов	155/141	25/19	94/94
» серий	4	2	2
» объединенных групп	2	1	1
Назомаллярный угол (77)	147,8	150,7	148,8
Зигомаксиллярный угол	138,7	140,8	141,2
Глубина клыковой ямки	3,81	3,60	3,80
Дакриальная высота (DS)	9,98	9,27	8,68
Дакриальная хорда (DC)	21,53	21,62	21,87
Симотическая высота (SS)	2,68	3,05	2,75
Симотическая хорда (SC)	7,07	7,08	7,16
Угол выступания носа (75—1)	23,0	23,2	20,5
Длина основания черепа (5)	101,7	100,8	98,7
Длина основания лица (40)	101,0	98,9	96,8
Общий угол профиля лица (72)	87,1	86,7	86,9
Верхняя высота лица (48)	74,5	75,3	76,9
Скуловой диаметр (45)	142,2	142,9	143,0
Высота носа (55)	53,9	55,0	55,2
Ширина носа (54)	26,2	27,2	26,7
Частота антропических форм (%)	23,9	27,1	32,8
Ширина орбиты (51)	42,8	42,9	43,1
Высота орбиты (52)	34,3	33,8	35,1
Продольный диаметр (1)	188,0	183,1	181,0
Поперечный диаметр (8)	145,2	149,7	151,7
Высотный диаметр (17)	129,8	131,8	129,2
Наименьшая ширина лба (9)	92,8	91,8	94,4
Угол профиля лба (32)	78,8	78,2	79,7
Развитие надбровья (средний балл)	3,63	3,52	2,84

и пришел к отрицательному выводу. Количество массивных черепов в древних сериях больше, чем в более поздних, даже если подсчитывать их не по отношению к числу сохранившихся черепов, а по отношению к числу раскопанных могил. Теперь подобный подсчет произведен еще раз по отношению к черепа из неолитических могильников Украины, где антропологический материал собирался очень тщательно и где все же средняя величина скулового диаметра 61 мужского черепа равна 147,5 мм, а 28 женских — 136,4 мм. Можно полагать поэтому, что гипотеза «посмертного отбора» недостаточна для объяснения полученных результатов.

Часто бывает, что изменения физического типа во времени объясняются тем, что между населением разных эпох нет полной генеалогической преемственности. Возможно (некоторые исследователи так и думают)⁸, что в неолитическую эпоху и в бронзовом веке южные европеоиды, отличающиеся более грацильным строением черепа, постоянно переселялись в северные области. Действительно, население Средиземноморья и Передней Азии в III тысячелетии до н. э. (и ранее) отличалось гораздо более грацильным строением черепа, чем население тех областей, которым посвящено наше исследование. Можно думать, однако, что предками древних средиземноморцев также были люди, отличавшиеся более массивным строением черепа. Главное основание для такого предположения — данные о мезолитических черепах из северной

⁸ W. Kóčka, Zagadnienia etnogenezy ludów Europy, «Materiały i prace antropologiczne», № 22, Wrocław, 1958.

Африки (Афалу и Тафоральт) ⁹. Таким образом, миграционная гипотеза лишь передвигает рассмотрение проблемы на другую территорию, если только не допускать совершенно невероятного предположения о существовании различий между северными и южными европеоидами, начиная с древнейшего этапа существования человека современного вида. Кроме того, миграционная гипотеза ведет за собой предположение о том, что средиземноморцы на севере утратили темную пигментацию волос и глаз на протяжении последних четырех тысяч лет. Тем самым мы все равно вернулись бы к изменениям физического типа, не зависящим от переселений. Возможность переселений с юга нельзя, конечно, отрицать. Но миграционная гипотеза по крайней мере недостаточна для объяснения полученных результатов.

Мы должны, таким образом, прийти к выводу, что дело идет об изменениях, имеющих биологическую сущность.

Можно думать, что наблюдаемые различия лежат в пределах тех изменений, которым подвергается каждый индивид под влиянием тех или иных воздействий внешней среды. Иначе говоря, можно предположить, что современные европейцы стали бы вновь похожими на кроманьонцев, если бы они с рождения попали в те же условия. Для всестороннего разбора этой гипотезы у нас нет достаточных данных. Все же она представляется маловероятной. Наблюдаемые различия гораздо больше, чем различия между конституциональными или профессиональными типами. Гораздо вероятнее, что дело идет о более глубоких различиях, имеющих наследственную основу.

Некоторые биологи полагают, что наследственные изменения в строении организмов являются внутренним свойством живых существ. Не имея возможности останавливаться здесь на этой проблеме, отметим, что гипотеза автогенеза (или, как ее часто, но не совсем точно называют, — ортогенеза) отвергается нами на основе общих соображений.

Наиболее вероятным представляется предположение, что дело идет не об индивидуальных, а о наследственных изменениях, возникших под действием каких-либо условий внешней среды. Оставим в стороне вопрос о путях этого воздействия, рассмотрение которого завело бы нас слишком далеко.

Наибольшее внимание должен привлечь вопрос о том, какие же условия внешней среды могли вызвать наблюдаемые изменения. Сложность этого вопроса совершенно очевидна. Заранее можно быть уверенным в том, что эти условия многочисленны и разнообразны. Весьма вероятно, что в числе условий внешней среды есть и такие, о которых мы можем только смутно догадываться, и даже такие, о которых мы пока совсем ничего не знаем. Материалы, на которых основаны наши наблюдения, дают возможность проследить только общие контуры процесса, детали которого от нас ускользают. Естественно, что наше внимание при попытках объяснения полученных результатов должно быть обращено в первую очередь на те общие причины, которые действовали или могли действовать в течение двух последних тысячелетий до н. э. на всей обширной территории от Днепра и Прибалтики на западе до Минусинской котловины на востоке.

При всех попытках найти во внешней среде причины изменений физического типа людей внимание в первую очередь обращается на физико-географические условия, среди которых наибольшая роль отводится обычно климату. Это направление исследования оказалось, как известно, весьма плодотворным, в частности в работах К. Куна и других

⁹ C. Arambourg, M. Boule, H. Vallois et R. Verneau, Les grottes paléolithiques des Béné-Segoual, «Archives de l'Institut de Paléontologie humaine», mém. 13, Paris, 1934; D. Ferembach, Les restes humains épipaléolithiques de la grotte de Taforalt, «Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences», т. 248, Paris, 1959, стр. 3465—3467.

американских антропологов¹⁰. Однако когда речь идет об изменениях во времени, а особенно о сравнительно ограниченных отрезках времени, роль климатического фактора, естественно, уменьшается, так как существенные изменения климата происходят, как известно, на протяжении весьма продолжительного времени.

Мало вероятно, в частности, что на той территории, где с наибольшей интенсивностью проявляется процесс грацилизации черепа, в течение последних двух тысячелетий до н. э. произошли существенные физико-географические изменения, захватывающие всю эту территорию или по крайней мере значительную ее часть¹¹. Иначе обстоит дело с изменениями в той среде, которая создается самим человеком и связана с формами его хозяйственной и общественной жизни. Здесь можно обнаружить существенные изменения. Исходя из намечающихся рамок процесса грацилизации в пространстве и во времени, следует обратить внимание на такие явления, которые:

а) позволили бы установить различия между южными окраинами СССР и его центральными областями в начале II тысячелетия до н. э.;

б) претерпели существенные изменения в центральных областях на протяжении последних двух тысячелетий до н. э.;

в) в какой-то мере сгладили различия между южными и центральными областями на протяжении этих двух тысячелетий.

Насколько можно судить по археологическим данным, явления, удовлетворяющие этим требованиям, действительно были. Речь идет о распространении земледелия. В эпоху около двух тысяч лет до н. э. в южной Туркмении¹², в Закавказье¹³ и на Украине к западу от Днепра¹⁴ были распространены земледельческие культуры, сложившиеся по крайней мере за много столетий до этой условной даты. В это же время в степной полосе от Днепра до Енисея земледелие только еще зарождалось. Более уверенно можно говорить о существовании скотоводства, но роль охоты и рыболовства была еще очень значительной, а местами, по-видимому, и господствующей. Несмотря на всю фрагментарность имеющихся данных, можно все же с уверенностью утверждать, что последние два тысячелетия до н. э. в степной полосе были временем интенсивного развития производящих форм хозяйства (скотоводства и земледелия) и, соответственно, уменьшения роли присваивающих форм (охоты и рыболовства)¹⁵.

На южных окраинах СССР и на западе Украины в рассматриваемую эпоху существенных изменений в формах хозяйства не происходит. Не наблюдается также существенных изменений в строении черепа. Можно предположить, что эти изменения имели место задолго до того времени, к которому относятся наши данные. В областях Восточной Сибири, заселенных представителями монголоидной расы, в рассматриваемую эпоху может быть констатировано увеличение роли скотоводства, земледелие же даже к приходу русских носило зачаточный харак-

¹⁰ C. S. Coon, S. M. Garn, Y. B. Birdsell, *Races.... a Study of the Problems of Race Formation in Man*, Springfield, 1950.

¹¹ Положение границы лесной и лесостепной зоны не претерпело существенных изменений, начиная с раннего голоцена. Более заметные изменения происходили на крайнем Севере, но у нас почти нет материалов из этой зоны. См. М. И. Нейштадт, *История лесов и палеогеография СССР в голоцене*, М., 1957.

¹² В. М. Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). № 73, М.—Л., 1959.

¹³ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, *Древний Мингечаур*, Баку, 1959.

¹⁴ Т. С. Пассек, *Периодизация трипольских поселений*, МИА, № 10, М.—Л., 1949.

¹⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, *Родовое общество степей Восточной Европы*, «Изв. гос. академии истории материальной культуры», вып. 119, М.—Л., 1935; С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1951.

тер¹⁶. Здесь также не наблюдается существенных изменений в строении черепа.

Можно ли сделать из этих наблюдений вывод о связи этих явлений, вывод о том, что переход к земледелию каким-то образом привел к изменениям в строении черепа? Думается, что такое предположение возможно.

Следует ожидать в таком случае, что отмеченные изменения в строении черепа связаны с изменениями в строении тела в целом. Упомянем об одном из результатов изучения большой серии древних эскимосских скелетов из погребений на мысе Хоп (Аляска), произведенного автором в 1958 г. в Нью-Йорке. Сопоставление краниометрических данных с данными о костях конечностей показало, что наибольшей величиной отличаются коэффициенты корреляции размеров костей конечностей (особенно их окружностей) со скуловым диаметром. Несколько меньшей величиной отличаются коэффициенты корреляции продольного диаметра мозговой коробки. Высота лица и поперечный диаметр мозговой коробки меньше связаны с размерами костей конечностей. Отсюда следует, что увеличение массивности скелета ведет за собой, с одной стороны, уменьшение широтно-продольного указателя мозговой коробки (черепа указателя), а, с другой, уменьшение лицевого указателя. Между обоими указателями возникает, таким образом, соотношение, противоположное тому, которое наблюдается при их непосредственном сопоставлении. Возникает, следовательно, «дисгармония» мозговой коробки и лицевого скелета, неоднократно отмечавшаяся на черепах позднего палеолита. В связи с этим думается, что кости конечностей должны были бы привлечь значительно большее внимание антропологов, чем это имеет место теперь. К сожалению, в коллекциях наших музеев число более или менее полных скелетов во много раз меньше, чем число черепов. Все же нет сомнения в том, что в тех сериях, черепа которых характеризуются признаками протоевропейского типа, кости конечностей отличаются значительно большей массивностью, чем в сериях более позднего времени.

Всегда ли различия в образе жизни между охотниками и земледельцами приводят к образованию различий в физическом типе, подобных тем, которые отмечены выше? Является ли земледелие единственным фактором, приводящим к образованию грацильных форм?

Можно без труда дать отрицательный ответ на эти вопросы. Пигмеи экваториальных стран, в хозяйстве которых охота играет обычно важную, а иногда и главную роль, отличаются от своих соседей, ведущих земледельческое хозяйство, отнюдь не более массивным строением тела вообще и черепа в частности¹⁷. Некоторые серии черепов мезолитического времени из Средиземноморья (черепа из Муге в Португалии¹⁸, натуфийской культуры в Палестине)¹⁹ не обнаруживают, по-видимому, сколько-нибудь значительных отличий от современных средиземноморцев, хотя земледелие у мезолитических племен Средиземноморья либо совсем отсутствовало, либо только еще зарождалось. Возможно, что следует иметь в виду роль собирательства, которая была, вероятно, различной в разных зонах. Так или иначе, земледелие не было единственным фактором, ведущим к образованию грацильных форм.

Представляется весьма вероятным, что на этот раз необходимо иметь в виду географические факторы. И охота, и земледелие оказывают, очевидно, различное воздействие на физические признаки людей в областях умеренного климата, с одной стороны, и тропического, — с другой. Чтобы перейти в этом вопросе от общих деклараций к обсуж-

¹⁶ См., например, «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954.

¹⁷ E. Genet-Varcin, Les Négritos de l'île de Luçon, Paris, 1951.

¹⁸ H. V. Vallois, Recherches sur les ossements mésolithiques de Mugem, «L'Anthropologie», т. XL, 1930.

¹⁹ A. Keith, New Discoveries relating to the Antiquity of Man, London, 1931.

дению фактов, нельзя обойти вниманием те пути, по которым осуществляется воздействие форм хозяйства на строение тела. Играет ли здесь основную роль пища или изменение демографической структуры, являющейся следствием изменения общественных отношений? Через какие физиологические свойства осуществляется воздействие среды? Все эти вопросы не даром привлекают теперь всеобщее внимание. В числе других признаков, изучаемых антропологами, явления грацилизации должны, как кажется, занять свое место в числе актуальных проблем современной антропологии.

В этой связи возникает еще один существенный вопрос общего значения. У всех ли современных антропологических типов, которым в той или иной мере свойственно грацильное строение тела вообще и черепа в частности, были предки, характеризовавшиеся противоположными морфологическими чертами: «кроманьондными», «австралондными» и т. п.? Как и по отношению к другим вопросам, возникающим в связи с явлениями грацилизации, мы снова входим здесь в круг кардинальных проблем антропологии.

В первую очередь возникает вопрос о непосредственных предках *Homo sapiens*. То или иное представление о форме, из которой развился современный вид человека, может в известной мере служить указанием и на особенности строения древнейших представителей этого вида.

Советские антропологи разделяют, как известно, мнение о существовании неандертальской фазы в развитии человечества. Несколько слов в пояснение этой позиции. Теория неандертальской фазы часто противопоставляется теории дивергенции в эволюции живых существ²⁰. Однако это так же ошибочно, как ошибочно противопоставление теории дивергенции взгляду о том, что предки человека проходили через стадию рыб, амфибий, рептилий. Можно по-разному трактовать положение конкретных форм ископаемого человека в родословном древе. Можно допускать, что неандертальцы типа Ла-Шапель или родезийский человек или другие формы не были прямыми предками современных рас. Но если оставаться на монофилетической точке зрения, если полагать, что неандертальцы и современные люди имеют общего предка, который был хотя и примитивным, но все же человеком, если полагать, что питекантроп дает нам известное представление об этом предке, то между питекантропом и современными людьми неизбежно должна была существовать промежуточная (в генеалогическом и морфологическом отношении) фаза развития, которую мы и называем неандертальской фазой. В числе признаков, характеризующих эту фазу, должны, очевидно, фигурировать такие особенности, как большая по сравнению с современным человеком массивность черепа в целом, а в особенности лицевого скелета, больший наклон лба, более сильное развитие надглазничного рельефа. Исходя из представления о существовании неандертальской фазы, вероятнее представить себе, что древние формы современных рас скорее обладали признаками, свойственными, например, скелету Пржедмост III в Европе, Флорисбад и Кэл-Флэте в Африке, Чжоу-коудянь 101 в Азии. Гораздо труднее вообразить, оставаясь на позиции существования неандертальской фазы, что древние представители *Homo sapiens* походили больше на современных обитателей Средиземноморья, Индокитая или Центральной Африки.

Но тут же возникают другие вопросы.

Вряд ли нужно теперь еще раз доказывать, что все без исключения расы современного человечества в равной мере являются представителями вида *Homo sapiens*. Отдельные «примитивные» и «прогрессивные»

²⁰ G. Heberer, Grundlinien in der pleistocänen Entfaltungsgeschichte der Euhominiden, «Quartär», Jahrg. 5, Bonn, 1951; H. V. Vallois, La grotte de Fontéchevade, «Archives de l'Institut de Paléontologie humaine», mém. 29, Paris, 1929.

признаки встречаются у всех рас, но ни одна из них не отличается «примитивным» или «прогрессивным» комплексом признаков, если, разумеется, заранее не считать их таковыми. Это относится и к древним формам современного вида. Если принять в качестве критерия примитивности череп антропоидной обезьяны или хотя бы неандертальца, то протоевропейский тип энеолитической эпохи Русской равнины по сумме признаков вовсе не будет более примитивным, чем тип древних славян или современных украинцев. Правда, для протоевропейского типа характерны более покатый лоб и более развитые надбровные дуги. Но для этого же типа, по сравнению с более поздними, характерен более выступающий подбородок, более развитые сосцевидные отростки, большая высота мозговой коробки по отношению к ее ширине и т. п. Следовательно, основываясь на этом критерии, нельзя в данном случае ставить знак равенства между понятиями «древний» и «примитивный», «поздний» и «прогрессивный».

Но допустим, что строение черепа антропоида не является ни единственным, ни главным критерием для оценки «примитивности». Допустим, что те или иные различия в строении черепа *Homo sapiens*, в частности те различия, о которых сейчас идет речь, являются свойствами типов, в различной мере способных к техническому и научному прогрессу.

Не нужно однако обладать особо углубленными познаниями в расовой антропологии, чтобы убедиться в том, что в наиболее культурной части современного человечества нельзя найти случаев массового распространения крайних морфологических форм, занимающих противоположное положение по степени грациальности в строении черепа. Из этого бесспорного факта родилась известная концепция двух форм «примитивности»: инфантильной (например пигмеи) и «териоморфной» (например австралийцы)²¹. Но не служит ли сходство культурного уровня у народов с противоположными морфологическими признаками доказательством того, что не эти признаки определяют уровень культурного развития? Не правильнее ли объяснить этот факт тем обстоятельством, что рост культуры ведет к увеличению численности населения, к смешению ранее изолированных малочисленных групп и тем самым к ликвидации условий, способствующих сохранению крайних морфологических типов? Не очевидно ли, что зависимость между уровнем культурного развития и теми или иными морфологическими особенностями должна рассматриваться как результат воздействия общественной жизни на характер географического и этнографического распространения различных антропологических признаков?

Таким образом, ни тот ни другой критерий — ни сравнительная анатомия, ни этнография, — не дают нам права считать, что грациальные формы в рамках вида *Homo sapiens* являются более совершенными. Можно ли делать на этом основании вывод о том, что они столь же древние, как и противоположные в морфологическом отношении формы? Такой вывод поставил бы нас перед серьезными затруднениями. Известно, что среди всех больших рас современного человечества встречаются формы, существенно различающиеся по степени грациальности. Вместе с тем каждая из больших рас представляет собой известную общность и, по всей вероятности, происходит от общего предка, в морфологической характеристике которого должна занять какое-то определенное место и степень грациальности.

Исходя из обычно наблюдаемой хронологической последовательности, более вероятным будет предположение, что грацилизация, не выражая собой процесс биологического усовершенствования, все же может рассматриваться в качестве универсального явления, широко

²¹ E. von Eickstedt, Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit, Stuttgart. 1934.

распространенного в ходе формирования антропологических типов современного человечества. Протоевропейский тип, равно как и соответствующие ему формы других расовых стволов, представляет собой не примитивную, но все же древнюю форму современного человечества.

Вряд ли, однако, было бы правильно считать, что универсальность процесса грацилизации имеет абсолютный характер. Очевидна множественность факторов, определяющих темп этого процесса. Очевидно также, что разные признаки (развитие надбровья, наклон лба, ширина лица и связанные с ней, но мало изученные в этом отношении особенности строения нижней челюсти, рельеф других костей черепа, строение костей конечностей и тела вообще) не в равной мере отражают действие этих факторов. Сами эти факторы изменяются неравномерно.

Поэтому в тех случаях, когда в какой-либо отдельно взятой области более грацильный тип сменяется более массивным, предположение о появлении его в результате миграции является лишь наиболее вероятным, но не единственно возможным. В этих случаях необходим особо тщательный анализ всех имеющихся данных.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что успешное объяснение явления грацилизации возможно только при условии сотрудничества биологических и общественных наук. Неизбежная в ходе развития наук специализация не должна углублять разрыв между антропологией и этнографией, так как именно здесь лежит одна из зон наиболее тесного контакта между биологическими и общественными науками. В борьбе против расизма, вызвавшего и вызывающего возмущение и протест всего прогрессивного человечества, честные ученые разных стран мира неоднократно показывали, что расистская идеология опирается на грубую фальсификацию научных данных. В благородном стремлении вложить свою долю в освобождение человечества от мрака расистской идеологии и от ужасов ее практического применения некоторые искренние противники расизма пошли, однако, по мало эффективному пути отрицания какой бы то ни было связи между общественной жизнью и биологическими свойствами человечества и даже по пути отрицания реальности расовых различий²². По мнению советских исследователей, все изменения в биологической жизни человечества (будь то результаты переселений и смешения или явления, подобные тем, которые только что были предметом нашего внимания) представляют собой следствие и отражение общественных явлений. Процесс брахикефализации, которого мы здесь касались лишь полутно, в ряде случаев также объясняется, согласно весьма правдоподобной гипотезе профессора В. В. Бунака²³, как частный результат смешения прежде изолированных групп. В конечном счете мы и здесь видим отражение истории общества.

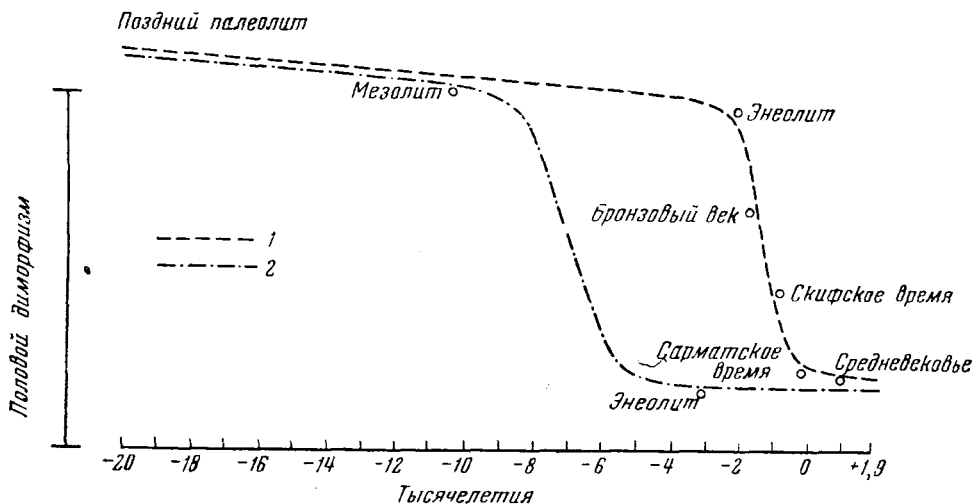
Но обратимся от прошлого к будущему, ибо в конечном счете в этом и заключается главная цель изучения прошлого.

Следует ли из полученных результатов вывод о том, что изменения, подобные описанным выше, будут продолжаться, что они охватят в еще большей мере и еще большее число различных признаков и, следовательно, что наших потомков можно будет определять как новые виды, роды и еще более высокие в таксономическом отношении категории мыслящих существ? По мнению автора, такой вывод не вытекает из полученных результатов. На той территории, которая была предметом нашего внимания, массивность черепа заметно уменьшилась только на протяжении двух тысяч лет до нашей эры. Процесс грацилизации можно представить в виде линии, сохраняющей более или менее горизон-

²² F. Ortiz, El engaño de las razas, Habana, 1946.

²³ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLIX, М., 1959, стр. 223.

тальное направление в течение ряда тысячелетий, после чего на протяжении сравнительно короткого отрезка времени происходит довольно резкое изменение (см. чертеж). Если принять за единицу измерения среднюю разницу в степени массивности мужских и женских черепов, то величина наблюдаемых различий во времени составит, примерно, 0,8. Сама величина различий между мужскими и женскими черепами остается без существенных изменений, по крайней мере на том отрезке времени, к которому относятся наши данные; но древние женские черепа были бы часто определены в качестве мужских в современной

Изменение массивности черепа по эпохам (европеоидная большая раса): 1 — северные области; 2 — южные области

краниологической серии. Однако на протяжении следующих двух тысяч лет заметных изменений в этом отношении не произошло. В графическом изображении процесса линия изменений вновь принимает горизонтальное положение.

Было бы явной ошибкой механически продлить в прошлое намеченную линию на том ее отрезке, где она иллюстрирует начало резкого изменения. В этом случае пришлось бы представить себе людей позднего палеолита, наделенных по меньшей мере признаками гигантопитеков. Столь же необоснованным было бы механическое продление нижнего отрезка этой линии в будущее.

Может ли быть, что в будущем в жизни людей произойдут какие-либо новые события, которые окажут на физический тип человека столь же или еще более значительное влияние, чем события, вызвавшие процесс грацилизации? Для этого нужно, чтобы эти события вызвали дифференцированное воздействие на демографическую структуру, чтобы люди с одними признаками дольше жили и оставляли больше потомства, чем другие. Все, что человечество знает о себе, говорит скорее против такой возможности.

Впрочем, всестороннее изучение этих проблем будет задачей целых международных конгрессов будущего человечества, освобожденного от угрозы взаимного истребления. На этих конгрессах будут представлены специалисты широкого круга областей знания, далеко выходящего за пределы антропологических и этнологических наук, по крайней мере в их современном понимании. Вероятно, наблюдения, подобные тем, о которых говорилось выше, сыграют свою роль при обсуждении этих вопросов, и антропологи нашего времени могут надеяться, что их труд в этой сфере деятельности не пропадет даром.

SUMMARY

The present article is based on the findings obtained in studying the skulls of the early population of the USSR, from the Neolithic to the mediaeval period. It was observed that on the Russian plain (with the exception of the Ukraine right of the Dnieper) and in the steppe belt of Western Siberia, the last two millennia B. C. were characterized by a considerable decrease in the massivity of the skulls. Taking the average difference between the male and female skull as a unit to measure skull massivity, the decrease amounts approximately to 0.8 of this unit. This phenomenon cannot be accounted for by either «posthumous selection» (i. e., the preservation of more massive skulls) or by migration from other areas. In all probability, these modifications were of a hereditary nature and were called forth by environmental changes.

It was observed, moreover, that in the south of Central Asia, in Transcaucasia and in the Ukraine right of the Dnieper there were no perceptible changes in the massivity of the skulls; neither were there any in Lake Baikal area.

While attempting to find certain environmental factors that might have produced these changes on skull massivity, the author of the present article rejects the possibility of a palpable influence exerted by the geographical environment. One is struck by the fact that the changes dealt with in the article coincide in time and space with the spread of agriculture. In the southern regions agriculture became the main economic occupation in a period antecedent to that covered by available data. In these regions the decrease in skull massivity (the author calls this phenomenon «gracilization») occurred at an earlier date. In the area of Lake Baikal agriculture did not play an important part throughout the period considered; gracilization had not yet taken place there.

In those regions where an intensive process of gracilization is observed, it proceeded rather irregularly. The sharp decrease in skull massivity taking place over a period of two thousand years was followed by a two-thousand-year-long period of stability. Therefore, there are no reasons to consider these findings as some sort of forecast as to the physical type of man in the future, which, in the author's opinion, stands little chance of undergoing substantial changes.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ В БЫТУ КОЛХОЗНИКОВ ЛАТВИИ

Двадцатилетие, прошедшее после восстановления советской власти в Латвии, знаменательно не только грандиозными преобразованиями в области экономики и культуры республики, но и коренными изменениями, происшедшими в мировоззрении и образе жизни людей. Это, в частности, находит свое проявление в активном росте атеизма и утверждении новых, безрелигиозных форм быта.

Разрыв с религией и церковью со всей очевидностью обнаруживается как в среде городского, так и сельского населения Латвийской ССР. В настоящей статье излагается материал, характеризующий этот процесс в крестьянской среде, при этом преимущественно в тех сельских районах Латвии, где население придерживалось лютеранского вероисповедания¹.

Для многих латышских крестьян сознательный переход на позиции атеизма представлял собой логическое завершение давно начавшегося процесса отхода от религии и церкви. Другие пришли к этому только теперь, в условиях социалистического строя, в результате пересмотра своих взглядов и большой внутренней борьбы. Вместе с тем имеется немало и таких крестьян, которые уже и ранее, при буржуазном строе, а часть их еще и при царизме, были убежденными атеистами.

Борьба за преодоление религиозных пережитков и утверждение научно-атеистических взглядов с первых же дней восстановления советской власти в Латвии (1940) заняла одно из важных мест в системе коммунистического воспитания трудящихся Латвийской ССР. Коммунистической партией и Советским правительством Латвии были приняты меры к ослаблению влияния церкви: издан декрет об отделении церкви от государства, из школьных программ исключено преподавание религии, закрыт теологический факультет Латвийского государственного университета и т. д. Однако за такой короткий срок, менее года, до начала Великой Отечественной войны, естественно, нельзя было добиться сколько-нибудь значительной ломки мировоззрения крестьян, особенно той части крестьянства, которая в то время еще относилась к категории верующих.

В годы войны лютеранская и католическая церкви вновь, как и при власти буржуазии, обрели неограниченные возможности идеологического влияния на население оккупированной немецко-фашистскими войсками Латвии. Вместе с тем в эти годы с особой отчетливостью обнаружи-

¹ Автор в течение ряда лет проводил этнографические исследования преимущественно в этих районах Латвии.

лась реакционная роль церкви и ее духовных отцов. Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в изменении отношения крестьян к религии, поколебав веру в бога даже у тех из них, кто до этого слепо следовал религиозным догмам.

В первые послевоенные годы и особенно в начальный период коллективизации сельского хозяйства (1949—1950 гг.) в республике протекала острая классовая борьба. Остатки капиталистических элементов общества — буржуазные националисты и кулачество — пытались всеми мерами противодействовать утверждению социалистического способа производства в сельском хозяйстве. В своей агитации они находили поддержку и среди представителей лютеранского и католического духовенства. Имели место факты участия духовенства в бандитских вылазках. Некоторыми ксендзами и пасторами предпринимались попытки вербовки для этого молодежи, часть которой еще находилась в то время под влиянием церкви.

Коммунистическая партия Латвии и правительство Латвийской ССР одновременно с мерами пресечения враждебных вылазок классовых врагов проводили в этих сложных условиях большую, разностороннюю воспитательную работу, особенно в деревне, что оказало огромное положительное влияние на ускорение процесса формирования передовой идеологии латышского крестьянства.

С момента утверждения в Латвии колхозного строя прошло только десять лет, но какие коренные изменения произошли за этот короткий срок в духовном облике латышского колхозного крестьянства! Недавние единоличники, цепко державшиеся за свой клочок земли, разобщенные конкуренцией, а также бывшие батраки и безземельные крестьяне, стали теперь единым дружным коллективом. Рост социалистического сознания колхозников проявляется в их бережном отношении к общественной собственности, в активном участии в общественном труде, в овладении передовыми методами ведения хозяйства, обеспечивающими его высокую продуктивность. Среди латышских колхозников уже немало Героев Социалистического Труда, а также лиц, награжденных орденами и медалями.

Другой чертой, определяющей духовный облик колхозников Латвии, является их активное участие в общественно-политической жизни страны. Лучшим показателем неуклонного повышения политической зрелости и общественной активности крестьян является рост сельских партийных и комсомольских организаций. Так, если в 1949—1950 гг., когда в республике осуществлялась коллективизация сельского хозяйства, в каждой волости имелось только по одной, при этом крайне малочисленной, партийной организации (5—6 человек), то в настоящее время партийные организации, значительно большие по численности, имеются в каждом колхозе или совхозе. То же относится и к комсомольским организациям. В селах Латвии сложился уже большой и сплоченный партийно-комсомольский актив, стоящий в авангарде общественно-политической, производственной и культурной жизни села.

За истекшие годы вырос широкий сельский советский актив, — это депутаты сельских советов и исполкомов районных советов, члены общественных комиссий районных и сельских советов, члены правления колхозов и т. д. Немало рядовых колхозников избирается и в республиканские органы советской власти или привлекается в общественном порядке к участию в их работе.

Неизмеримо возрос культурный уровень колхозного крестьянства, расширился его кругозор и круг духовных интересов. Успешно осуществляется обязательное семилетнее обучение и начат переход к восьмилетнему образованию. Подавляющее большинство молодежи продолжает свое образование и после окончания семи- или восьмилетних школ. Высокий уровень механизации сельского хозяйства и ведение его на

основе научной агротехники потребовали подготовки большого числа механизаторов и специалистов сельского хозяйства. Среди них немало женщин. Благодаря расширению сети школ, культурно-просветительных учреждений (клубов, красных уголков, Домов культуры, библиотек) и открытию при сельских советах и колхозах лечебных учреждений (больниц, амбулаторий, медицинских пунктов) значительно увеличилась прослойка сельской интеллигенции. При этом, в отличие от буржуазного строя, когда специально культивировалась разобщенность отдельных социальных слоев, в советских условиях утвердилось тесное общение в быту представителей различных общественных групп. Теперь уже не редкость семьи, где один из супругов является рядовым колхозником, а другой — относится к числу сельской интеллигенции. Очень много и таких колхозных семей, где молодежь окончила высшие учебные заведения или учится в настоящее время в вузах Латвии или других республик СССР. Наличие в составе колхозных семей лиц, занятых умственным трудом, оказывает весьма заметное влияние на весь бытовой уклад семьи и способствует более быстрому изживанию старых взглядов, привычек, вредных традиций.

Показателем расширения духовных запросов сельского населения является его активное участие в культурно-просветительной работе. При сельских Домах культуры созданы лекторские группы. Лекторами являются учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, партийно-комсомольский актив села. Лекции, читаемые на общеполитические, сельскохозяйственные, медицинские, литературные и научно-атеистические темы, активно посещаются сельскими жителями. Большой популярностью пользуются сельские библиотеки. Подавляющим большинством колхозников выписываются газеты и журналы (многие выписывают по два-три и более названий), во всех колхозах имеются стенные газеты. Общедоступным в селах Латвии стало радио, а за последние годы уже не редкостью являются телевизоры. Широкое развитие приобрела колхозная самодеятельность.

Общему росту культуры и расширению кругозора сельских жителей способствуют неизмеримо возросшие за годы советской власти связи деревни с городом, тем более, что коренным образом изменился и облик самих городов, превратившихся в подлинные центры общественной и культурной жизни соответствующих районов. Достаточно сказать, что во многих районных центрах при Домах культуры функционируют университеты культуры, музыкальные школы и музыкальные лектории, спортивные клубы и другие учреждения, привлекающие к себе большое число колхозников и сельской интеллигенции.

Все это — и утверждение новых социалистических форм собственности в деревне, и коренные преобразования экономических условий жизни крестьянства, и изменение характера крестьянского труда, и вовлечение крестьян в активную общественно-политическую жизнь страны, и обеспечение быстрого роста их культурного уровня — послужило прочной основой для ломки их мировоззрения и широкого распространения атеизма.

Формирование атеистического мировоззрения представляет собой сложный и длительный процесс, интенсивность которого обусловлена рядом факторов. Нельзя не учитывать и степень религиозности населения в прошлом. Изучение вопроса показало, что во многих сельских районах Латвии процесс складывания атеистических взглядов находится уже в стадии завершения, в других религиозные пережитки в сознании крестьян еще в значительной мере ощутимы. Последнее относится главным образом к районам, где население придерживалось католического вероисповедания, так как именно в этих районах трудящиеся больше всего были поработаны эксплуататорскими классами, нарочито державшими трудовое крестьянство в темноте и невежестве.

Разрыв с религией и церковью в крестьянской среде прежде всего проявляется в резком падении числа лиц, посещающих богослужения или обращающихся в церковь за исполнением каких-либо религиозных обрядов. Наблюдения показывают, что в ряде районов на воскресные богослужения в церковь приходит теперь лишь по несколько человек. Как правило, это женщины преклонного возраста. Церкви зачастую остаются пустыми и в двенадцатые праздники (на пасху, рождество) ².

Из-за отсутствия прихожан во многих лютеранских кирхах или католических костелах богослужения стали назначаться значительно реже. Имеется немало церквей, куда священнослужители не заглядывают уже годами. В течение трех последних лет в республике по инициативе населения за ненадобностью было закрыто несколько церквей. Можно назвать ряд приходов, где давно бездействуют или уже распались церковные комитеты, так называемые двадцатки: не находится людей, которых интересовала бы такая деятельность. Все чаще случаи подачи заявлений теми или иными сельскими гражданами о выходе из состава двадцаток. Показательно, что в составе функционирующих двадцаток преобладают женщины самого преклонного возраста, как правило, малограмотные. В числе более молодых членов двадцаток (а таковые составляли теперь редкое исключение) обычно находятся люди, не пользующиеся у окрестного населения особым авторитетом и уважением, их сознание, как приходилось неоднократно убеждаться, отягощено и другими вредными пережитками прошлого (не изжиты частнособственнические наклонности, пережитки национализма, крайний индивидуализм и т. д.) ³.

Наблюдения за процессом отхода населения от исполнения религиозных обрядов, связанных с жизненным циклом человека, свидетельствуют, что наиболее быстро изживаются такие обряды, как конфирмация, венчание. И это понятно, поскольку действующими лицами в этих случаях являющиеся представители молодого поколения, отличающегося в современных условиях наиболее передовыми взглядами, наиболее высоким культурным уровнем и общественной активностью. Значительная часть сельской молодежи состоит в рядах комсомола, а некоторые из тех, кто постарше, уже являются членами или кандидатами КПСС. Их сознание тем более свободно от религиозных пережитков.

О конфирмации в настоящее время уже можно говорить как об обряде, который в одних районах в значительной степени, а в других почти полностью утратил свое значение. Юношей или девушек, достигших совершеннолетия, которые захотели бы еще совершить этот обряд, можно в каждом районе буквально пересчитать по пальцам. Вот как характеризует это одна из пожилых колхозниц Екабпилсского района: «Раньше в нашу кирху собиралось на конфирмацию до 90 человек в год. Еще в войну, при немцах (т. е. в годы немецко-фашистской оккупации.— Л. Т.) у нас конфирмировалось до 20—25 человек в год, а вот в 1949 г. по всей большой округе нашлось только 9 желающих. Среди них из нашего колхоза не было ни одного» ⁴. Данные последующих лет по этому приходу еще более выразительны. В 1956 г. обряд

² Так, в 1960 г. в г. Даугавпилсе на пасхальную заутреню в лютеранскую кирху собралось всего 23 человека, из них трое были в возрасте 23—25 лет, остальные значительно старше. (Материалы Даугавпилсского педагогического института.)

³ В одном из лютеранских приходов, например, долгое время не могли подыскать желающего стать в руководстве двадцаткой. Наконец в 1958 г. такой человек нашелся. Он был, против обыкновения, сравнительно молодого возраста, не являлся жителем данной местности, только что вернулся после отбытия наказания за тяжелые уголовные преступления, в колхоз вступать не пожелал и держался крайне обособленно.

⁴ Сообщение колхозницы К. из колхоза «Селия» Екабпилсского района; записано автором в 1956 г. (Материалы Прибалтийской экспедиции, Архив Ин-та этнографии АН СССР.)

конфирмации пожелала выполнить одна, уже великовозрастная колхозница (27 лет), в 1957 г. в этой кирхе конфирмация вообще не состоялась: в назначенный день никто не явился, и намечавшееся по этому случаю богослужение было отменено. В 1958 г. на конфирмацию привел свою дочь церковный сторож, в 1959 и 1960 гг. желающих снова не оказалось. Аналогичные примеры могут быть приведены и из других районов Латвии.

Близки к этим и данные о бракосочетании с соблюдением церковного обряда. Проведенный автором учет по Екабпилсскому району показал, что за последние десять лет ни в упоминавшейся уже выше селпилсской церкви, ни в церквях соседних приходов этого района никто не венчался. Однако известно несколько случаев венчания с приглашением пастора на дом. Аналогичный учет по одному из сельских советов Даугавпилсского района (Дубенскому, в состав которого входит колхоз «Дзиркстеле») показывает, что даже там, где современная молодежь выросла в крестьянских семьях, придерживавшихся католического вероисповедания, отношение к обряду венчания резко изменилось: из 22 молодых пар, вступивших в брак за последние четыре года (1957—1960), венчались только четыре пары, и обращение их в костел нашло отрицательный резонанс среди их сверстников⁵.

Обряда крещения детей пока еще придерживается значительная часть колхозных семей. Однако, если сопоставить число крещений, совершающихся в настоящее время, с тем, о которых говорят данные за предыдущие годы, в особенности за годы буржуазного строя, станет очевидным, что и этот обряд находит теперь все меньшее число последователей, особенно в среде бывшего протестантского населения. В республике имеется немало сельских советов и колхозов, где от этого обряда уже отказалось подавляющее большинство семей. Автору известны, например, многие такие сельские советы в Екабпилсском, Кулдигском, Салдусском, Даугавпилсском и других районах. В этой связи небезынтересно указать на часто встречающиеся случаи, когда в одних и тех же семьях старшие дети (рожденные в годы Великой Отечественной войны или в первые послевоенные годы) были еще крещены, а в отношении младших детей, родившихся за последние восемь-десять лет, родители уже сознательно не совершали этого обряда⁶.

При выяснении вопроса об отношении колхозников, крестивших своих детей, к данному обряду реже всего получаешь ответ, который указывал бы на то, что они придают ему какое-то особое значение и считают его исполнение для себя обязательным. Молодые пары обычно указывают, что на этом настояли родители или бабушки; супруги средних лет нередко ссылаются на то, что так всегда было принято и они просто следуют старым традициям. Лишь в некоторых восточных районах республики, где еще заметно влияние католической церкви, обряд крещения детей нередко воспринимается в крестьянских семьях как жизненно необходимый акт, отвечающий религиозным убеждениям тех, кто намерен его совершить.

Погребение умерших с соблюдением религиозного обряда также представляет собою еще довольно распространенное явление в Латвии. По данным церковной статистики, в 1959 г. число таких погребений составляло около половины общего числа захоронений умерших. Выборочный учет показывает, что подавляющее большинство таких погребений

⁵ Необходимо подчеркнуть, что колхоз «Дзиркстеле» Даугавпилсского района, как и упоминавшийся выше колхоз «Селия» Екабпилсского района, являются первенцами колхозного строя, организовавшимися еще в 1947 г., т. е. на два-три года раньше большинства колхозов Латвии.

⁶ С подобными фактами автор встречался, в частности, в Екабпилсском районе (см. Материалы Прибалтийской экспедиции, Архив Ин-та этнографии АН СССР).

бений также падает на восточные районы. Наблюдения, проведенные автором в течение ряда лет в различных сельских пунктах Латвии свидетельствуют о том, что этот религиозный обряд постепенно утрачивает свое прежнее значение. Это выражается как в его упрощении, так и во все более частой замене религиозного ритуала гражданским.

До недавнего времени в сельских местностях Латвии целиком в руках церкви находились все церемонии, связанные с поминанием умерших. Еще два года тому назад повсеместно на сельских кладбищах два раза в год церковью назначались моления, посвященные поминанию умерших. Одно из них — «капу святки» (праздник на могилах) проводилось летом, другое — «мирушо диена» (день умерших), или «свечишу вакарс» (вечер свеч), поздней осенью, в так называемое «время душ» (велю лайка). В эти дни на кладбища стекалось довольно много людей разного возраста и общественного положения. Принято было приходить всей семьей, с детьми, но все же, как показывают наши материалы, за последние годы в этих религиозных церемониях в большинстве случаев преобладали женщины более пожилого возраста. Могилы к этим дням тщательно очищали от травы и украшали живыми цветами. В день назначенного поминовения все приходило с венками и букетами живых цветов. Ритуал включал богослужение, проводимое непосредственно на кладбище. В «вечер свеч» моление проводилось с наступлением темноты. На могилах зажигали множество свечей (на некоторых могилах до 30—40). Отношение населения к такому религиозному оформлению дней поминовения умерших, как нам пришлось убедиться, было двоякое. Одна часть сельских жителей, составлявшая до недавнего времени в этом вопросе большинство, воспринимала эти церемонии как положительную старинную традицию и осуждала тех, кто не приходил в назначенные церковью дни на кладбище или у кого хотя бы могилы не были к этим дням приведены в порядок. Другие, находившиеся вначале в меньшинстве, но представлявшие собой более передовую часть сельского общества, относились отрицательно к этим обычаям, и хотя некоторые из них и посещали кладбище в день молений, но открыто выражали мнение, что следовало бы изъять из ведения церкви инициативу в проведении этих памятных дней. Таким образом, по мере развития атеистических взглядов стало меняться отношение и к таким наиболее стойко сохраняющимся религиозным церемониям, как обряд погребения и поминание усопших.

Параллельно с отказом от исполнения перечисленных религиозных церемоний в Латвии повсеместно наблюдается активный процесс формирования новых обычаев и обрядов, складывания новых традиций. Одни из них уже завоевали прочное место в быту населения, другие находятся еще в процессе формирования. Прежде чем перейти к их описанию, укажем на два существенных обстоятельства — на стремление латышского населения, особенно крестьян, придать и новым обрядам и празднествам национальный колорит и на явно проявляющуюся тенденцию перенести действие этих празднеств или обрядов из сферы семейной в сферу общественную.

Начнем с описания обрядов, связанных с рождением ребенка. Весть о таком событии быстро облетает колхозников, особенно членов тех коллективов, где работают мать и отец. Свое внимание колхозники выражают устными, а иногда и письменными поздравлениями. Принято даже посылать телеграмму или красочную поздравительную открытку, особенно если новорожденный является первенцем у молодой пары.

Через некоторое время после возвращения матери с новорожденным из больницы семью начинают усиленно посещать гости. Они приходят или приезжают без специального приглашения, по своей инициативе, когда сами надумают посмотреть новорожденного и пожелать благополучия ему, матери и всей семье. Называются эти посещения старым тер-

мином «раудзибас» (смотрины). Круг лиц, приезжающих на смотрины, теперь значительно расширился: он включает не только родственников или ближайших знакомых, но и представителей колхоза, в котором работают мать или отец. Такие посещения, одно за другим, нередко продолжаются целый месяц, а то и больше. Приезжающие на смотрины привозят с собой подарки, причем главное место, как и раньше, занимают пироги, торты и другие кулинарные изделия, а также вино. Хозяева в свою очередь не должны оказаться неподготовленными к приезду любого числа гостей, они должны встретить их обильным угощением.

За последние три-четыре года довольно широкое распространение в республике получил новый обычай общественно отмечать момент наречения имени новорожденному и принятия нового члена общества в сельский коллектив. Этот торжественный момент получил название «варду дошанас диена» (день наречения имени), или «бернибас святки» (праздник детства). Большой опыт в проведении этих торжественных церемоний накоплен в Кулдингском районе, где они проводились в районном Доме культуры, а также на машинно-ремонтной станции и в нескольких колхозах. Хорошо были организованы эти празднества в Тукумском районе (особенно торжественно было в рыбацком колхозе «Селга»), а также во многих колхозах и совхозах Валкского, Эргльского, Цесисского, Ауцского, Руйенского, Екабпилсского и других районов республики. Даты проведения «праздника детства» различны, но предпочтительно его проводят летом, когда много цветов и стоит теплая погода. Во многих районах его приурочивают к Международному дню защиты детей — 1 июня. По своему замыслу праздник посвящается тем детям, которые родились в течение последнего года, но в связи с тем, что он введен еще совсем недавно, во многих местах республики (особенно там, где он проводится впервые) на праздник приглашают и детей, родившихся в предыдущие годы: в одних случаях, в зависимости от обстоятельств, ограничиваются трехлетними, в других — устанавливают в виде исключения предел в пять лет. В ближайшие годы, когда эти праздники станут проводиться регулярно, они будут охватывать только тех детей, которые родились в текущем году.

Интересно отметить, что, кроме родителей с детьми, на этот праздник принято также приглашать кумовьев. Эти персонажи и в современных условиях, — при отказе от крещения детей, — не утратили своей значимости в семейном быту крестьян, но их воздействию на детей придается теперь совершенно иной смысл: в их обязанности входит не воспитание религиозных чувств, а утверждение в сознании детей норм социалистической морали. Поэтому им отводится особая роль и на общественном празднике в честь наречения имени опекаемых ими новых членов общества.

Организаторами праздника придается большое значение оформлению помещения, где предстоит провести торжество. Обычно для этого предоставляется сельский клуб, иногда здание школы. Сцену и зал украшают зеленью, цветами и красочными плакатами, включающими стихи и изречения латышских поэтов и писателей или народные песни, по своему содержанию соответствующие празднику.

Для родителей с детьми и кумовьев в зале перед сценой либо на сцене выделяются специальные кресла или стулья, их обычно обвивают гирляндами из зелени или цветов. Виновников торжества при входе в клуб встречают звуками музыки, некоторыми самостоятельными коллективами разучивается специальный репертуар (например, колыбельные и детские песни). Праздник начинается с поздравления родителей представителями колхоза, сельского совета, школы и т. д. Им желают успеха в воспитании детей высокоценными членами социалистического общества и дают обещание оказать в этом всемерную помощь со стороны

коллектива. Выступающие с пожеланиями обычно обращаются и к кумовьям, призывая их активно участвовать в воспитании своих подопечных. Составной частью торжественного акта является вручение детям специальных, красиво оформленных удостоверений или, вернее, памятных книжек (так как они не являются какими-нибудь официальными документами), в которые записываются имя ребенка, дата праздника и название коллектива, являющегося организатором торжества. Не менее важным моментом является запись детей в книги колхозов или сельских советов (в зависимости от того, кем устроено торжество). Председатель сельского совета (колхоза) обычно приглашает для этого к столу не только родителей, но и кумовьев; их имена также записываются в книгу против имени ребенка, с тем чтобы они чувствовали и свою ответственность за его воспитание. В некоторых местах, когда дата праздника совпадает с близкой к этому датой рождения ребенка, во время торжества производится и официальная регистрация его. В этих случаях праздник наречения имени становится еще более торжественным и значимым. Официальную часть торжества принято завершать вручением памятных подарков. Продолжением праздника является небольшой концерт художественной самодеятельности. Некоторые коллективы, — там, где сравнительно небольшое число участников, — устраивают затем и угощение. Из личных наблюдений и из рассказов многих участников таких праздников можно сделать вывод, что «дни наречения имени» уже завоевали широкую популярность и признание в среде сельского населения. Показательно, например, что в тех пунктах, где праздники детства организуются еще не регулярно или где они еще ни разу не назначались, само население, и прежде всего женщины-матери, высказывают настоятельные просьбы, адресованные сельским советам и общественным организациям, об их проведении. Можно также констатировать, что там, где эти праздники уже проводятся регулярно (ежегодно), они играют большую положительную роль в вытеснении из крестьянского быта церковного обряда крещения. На это указывает статистика; об этом говорят и сами колхозники.

Еще большую популярность и всеобщее признание трудящихся Латвии, в том числе сельских жителей, приобрели также совсем еще недавно возникшие «праздники совершеннолетия» (пилнгадибас святки). Эти замечательные праздники юности, инициатором создания которых явился Центральный Комитет комсомола республики, стали здесь впервые отмечаться в 1957 г. и за этот короткий срок привлекли к участию в них основную массу молодежи. В Екабпилсском районе, например, праздники совершеннолетия впервые стали отмечать в 1958 г., и в них тогда приняли участие свыше 150 юношей и девушек; в 1959 г. в этом же районе в праздниках участвовало уже в четыре раза больше молодежи; в Добельском районе в 1960 г. на праздники совершеннолетия не пришло лишь 12 человек. Эти данные имеют прямое отношение к вопросу о высвобождении молодежи из-под влияния церкви. Выше уже сообщалось об активном отказе молодежи от обряда конфирмации. Новый общественный праздник в честь достижения совершеннолетия вытесняет этот отживший религиозный обряд, и юноши и девушки, участвующие в празднике, — это та современная молодежь, которая сознательно отошла от церкви.

«Праздник совершеннолетия» также проводится в летние месяцы и зачастую приурочивается к празднику советской молодежи, который по всему Советскому Союзу отмечается в последнее воскресенье июня. В этих случаях в различных мероприятиях, организуемых для молодежи, кроме восемнадцатилетних участвует и вся остальная молодежь. Но в центре внимания в эти дни — восемнадцатилетние. Во многих районах республики вошло в традицию собирать молодых людей, которым в текущем году исполняется восемнадцать лет, за несколько дней до празд-

ника в районные центры. Там для этих юношей и девушек читают лекции на различные темы: о правах и обязанностях советских граждан, о коммунистической морали, проводят беседы о поведении молодежи в обществе, об основах здорового быта, с ними разучивают новые советские песни и танцы. Они участвуют в спортивных состязаниях. Часто во время этих сборов устраивают встречи с молодежью старых революционеров, передовых людей колхозов и предприятий, писателей, художников, артистов. В программу сборов входит также организация экскурсий по району и по туристическим маршрутам республики, посещения театров и кино.

Такая многогранная подготовка к дню совершеннолетия вызывает в среде молодежи особый интерес к этому празднику, и подавляющее большинство юношей и девушек ожидают его с большим нетерпением. В день праздника, если он проводится в масштабе всего района, церемонии начинаются с торжественного шествия молодежи от назначенного места сбора к месту празднования. Красочная колонна молодежи привлекает всеобщее внимание окрестных жителей, собирающихся к началу торжества на улицах районных центров: девушки в белых платьях с букетами цветов, юноши — в темных костюмах и белых сорочках, впереди их духовой оркестр, исполняющий бодрые и радостные марши и мелодии. Возглавляют колонну представители комсомольской организации района.

У входа в районный Дом культуры колонну ожидают пионеры, старшие комсомольцы, гости, родители. После открытия торжества юбиляров, разместившихся в первых рядах зала, сердечно поздравляет кто-нибудь из руководителей праздника. Затем начинается торжественная церемония вручения «Грамот совершеннолетия».

Грамоты совершеннолетия, введенные в республике по инициативе Центрального Комитета комсомола, представляют собою красиво оформленные памятные книжечки, где записываются имя юноши или девушки, дата исполнения совершеннолетия и различные пожелания, выраженные обычно в стихах. Вместе с грамотой юбилярам вручаются какие-нибудь подарки, чаще всего книги.

После завершения церемонии вручения грамот молодежь поздравляют представители общественных организаций, пионеры, товарищи по работе, знакомые, родные. Юбиляры получают множество цветов. Весь праздник проникнут весельем и радостью. Из соседних с залом помещений доносится музыка, исполняющая народные мелодии и песни советской молодежи, под ее аккомпанемент проходит вся торжественная часть праздника. От времени до времени и в зале возникают массовые песни: «Широка страна моя родная», «Гимн демократической молодежи» и другие; их поют все участники праздника, заражая своим юным задором и старших гостей. В одних случаях сразу же после торжественной части, в других — вечером, после некоторого перерыва, проводятся большие концерты, организуются карнавалы, спортивные состязания, факельные шествия, гуляния в парках и другие массовые развлечения.

Праздники совершеннолетия либо проводятся в масштабе всего района, и в этом случае молодежь приглашают в районный центр, либо отмечаются в сельских советах, где организаторами их являются производственные коллективы предприятий, колхозов и совхозов, а также местные учебные заведения. Там, где общерайонный праздник совершеннолетия не проводится, восемнадцатилетние юноши и девушки, отметившие знаменательную дату в своих коллективах, особенно стремятся затем принять участие в общерайонном празднике советской молодежи.

По своему содержанию праздники совершеннолетия, организуемые колхозами или другими производственными коллективами, почти ничем

не отличаются от общерайонных. И гостей на них собирается немало: они приезжают из соседних колхозов и школ, из Риги или других городов и сельских пунктов республики, с которыми эти коллективы связаны в производственной или общественно-культурной жизни. В колхозах праздники также проходят очень радостно и весело. А тон праздника, благодаря тому, что все его участники хорошо друг друга знают и составляют единый спаянный дружной трудовой коллектив, отличается особенной теплотой и сердечностью. На этих праздниках принято устраивать и товарищеский ужин, приветствия и тосты на котором обращены к юным членам коллектива, достигшим гражданского совершеннолетия. Дата совершеннолетия обязательно отмечается и в семье.

Существенно изменилось в современных условиях отношение сельских жителей к факту создания новой семьи, равно как принципиально изменилось и все оформление связанных с этим церемоний. Если раньше, в среде единоличников, к созданию новой семьи относились как к частному делу небольшого круга лиц, то теперь, в условиях советской и колхозной действительности, этому событию придается большая общественная значимость, и члены тех сельских коллективов, в среде которых намечается образование молодой семьи, не остаются к этому безучастными. Они заботятся (если в этом есть необходимость) о создании надлежащих материальных условий для жизни возникающей новой семьи (об укреплении их будущего хозяйства, строительства дома и т. д.), принимают живейшее участие в подготовке и проведении свадьбы, а нередко принимают на себя целиком все ее устройство. Такие свадьбы получили название общественных, или комсомольских, свадеб.

Сам свадебный обряд в среде колхозников сейчас значительно упростился. Отпали не только венчание, но и сватовство и сговор сторон о приданом; свадьба происходит теперь обычно не в двух пунктах, как было раньше; вначале в доме родителей невесты, затем в доме родителей жениха, — а в одном, там, где будут жить новобрачные.

Беседуя с колхозниками и колхозницами об их отношении к устройству свадьбы и записывая ритуал современных свадеб, мы убедились, что если принимается решение отпраздновать свадьбу без венчания, то организаторы и участники стараются все же соблюдать многие старые народные традиции, сочетая их с новыми, зародившимися совсем недавно.

В подавляющем большинстве случаев регистрация брака осуществляется обязательно в день свадьбы и воспринимается как составная часть всей свадебной церемонии.

В колхозах Даугавпилсского района ЛССР мы столкнулись с другим порядком, а именно: регистрация брака происходит там не менее чем за два-три месяца до свадьбы и рассматривается скорее как своеобразное обручение жениха и невесты, после которого в семьях официально объявляют о предстоящем бракеосочетании; однако молодые фактически еще не вступают в брак, считаются женихом и невестой и вплоть до свадьбы продолжают жить в семьях своих родителей. Брак они считают состоявшимся лишь после того, как отпразднуют свадьбу. Сказанное относится и к свадьбам без венчания.

Свадьбы проводят в любое время года, но чаще празднуют осенью и весной. Из дней недели предпочтение отдается субботе (канун нерабочего дня). Начало свадьбы назначается на вечерние часы. В тех случаях, когда день регистрации брака и свадьбы совпадает, началом торжественной церемонии является поездка в ЗАГС. Свадебный поезд направляется к сельскому совету, где в торжественной обстановке происходит регистрация брака. Председатель и секретарь сельского совета приходят для этого в сельсовет вечером нарядно одетыми (в некоторых сельских советах они надевают народные костюмы); во многих сель-

ских советах помещение специально оформляется, у дверей ставят березки или елочки, стулья для новобрачных обвиваются гирляндами зелени.

Новобрачные приезжают для регистрации брака в сопровождении посаженных родителей и большой группы молодежи, нередко с музыкантами. Конные упряжки для свадебного поезда теперь используют редко, предпочитая автомашины. Для молодой пары и посаженных родителей обычно вызывают из ближайшего города легковые такси или используют чьи-либо личные легковые машины. Все остальные едут на грузовиках, выделяемых колхозами. Машины украшают березками (зимой елками). Жених и невеста обычно уже одеты в свадебные костюмы: невеста в белое платье и фату, жених — в черный костюм и белую сорочку с светлым галстуком. Если место свадьбы далеко от места регистрации, то участники церемонии здесь же, в сельском совете, торжественно поздравляют молодых; музыканты играют туш, предусмотрительные хозяйки подносят молодым и гостям по рюмке вина и угощают тортом. Нередко к этому торжественному моменту заранее присылают для молодых по адресу сельского совета поздравительные телеграммы или оставляют им подарки.

Последующие церемонии, относящиеся к свадебному ритуалу, содержат многие традиционные черты. Свадебному поезду на пути его следования обычно устраивают заграждения в виде закрытых ворот и тому подобных препятствий, преодоление которых полагается «выкупить». Такие заграждения нередко устраивают и перед воротами той усадьбы, куда направляется свадебный поезд. Молодую пару, прибывшую после регистрации брака в дом родителей мужа (или в дом, где устраивают свадьбу), встречают на пороге родители с «хлебом-солью» (его заменяют кусочки торта) и вином. Молодая перед тем, как войти в дом, одаривает свекровь, свекра и ближайших родственников мужа (в некоторых случаях подарки вручаются позднее, перед окончанием свадебного пира). Свадебный пир продолжается чаще всего два дня: субботу и воскресенье. •

На тех свадьбах, где придерживаются старых традиций, исполняется церемония «мишошана» (снятие с молодой девичьего головного убора — венка и замена его головным убором замужней женщины — платком; иногда вместо платка прикалывают в волосы цветок). Видное место на свадьбах и сейчас отводится состязанию в островах и песнях двух сторон — жениха и невесты. Это особенно распространено в Латгалии.

Интересно отметить изменившийся по сравнению с прежними временами принцип приглашения гостей. Круг их значительно расширился, но не за счет родственников, а за счет товарищей по совместной работе (например, членов бригады) и представителей колхозной и сельской общественности. Теперь часто можно услышать такие слова: «У нас в бригаде была свадьба».

Комсомольские или общественные свадьбы проводятся обычно в помещении колхозных клубов, Домов культуры или в школах (если в колхозе еще нет клуба). Ритуал этих свадеб также включает многие старые народные традиции; вместе с тем здесь наиболее широко проявляется инициатива молодежи в поисках и исполнении различных новых церемоний, преимущественно шуточного и увеселительного характера. Такие свадьбы бывают особенно многолюдны — «праздновали всем колхозом», как можно часто услышать о комсомольских свадьбах.

В наибольшей мере переплетаются старинные народные традиции с формирующимися новыми обычаями при похоронах, и именно в этих обрядах более стойко сохраняются и некоторые локальные черты.

Умершего сразу же обмывают, одевают и до изготовления или покупки гроба оставляют на кровати, покрыв с головой простыней. На следующий день его укладывают в гроб. Далее поступают по-разному. В большей части Латвии гроб выносят из дома в какую-нибудь из надворных построек: клеть, сарай, погреб. Помещение перед этим очищают, освобождают от лишних вещей и украшают ветвями елок. Гроб ставят на какой-нибудь невысокий постамент (например, на табуретки), покрытый домотканым одеялом, и закрывают крышкой. В этом положении умершего держат, как правило, не меньше недели, пока не подготовят все к похоронам. Все эти дни почти никто не заходит в это помещение, и никаких почестей умершему не воздается (следят лишь, чтобы покойник не начал «портиться»). В восточных же районах Латвии — в Латгалии покойника держат в доме, не оставляют его одного и хоронят обязательно на третий день.

Приходить на похороны принято только по приглашению, которое воспринимается как знак уважения. Отбор приглашаемых, в том числе и родственников, производится с учетом того, каковы были взаимоотношения у умершего, а также у членов его семьи, с этими людьми. Теперь принимается также во внимание, с каким трудовым или общественным коллективом был связан умерший: приглашаются на похороны его товарищи по производственной и общественной работе. На многие похороны приглашают также колхозных музыкантов, иногда и хор.

Сбор на похороны назначается, по традиции, во второй половине дня, а сама процедура захоронения на кладбище происходит перед закатом солнца. Все приглашенные приходят в дом умершего с цветами или венками и кладут их к гробу. Далее обычно происходит трапеза, после которой все выходят во двор и поочередно подходят к гробу проститься с покойником. Центральной фигурой церемонии с этого момента становится «проводжающий умершего». Для исполнения такой почетной роли родственники приглашают кого-нибудь из наиболее авторитетных и красноречивых местных жителей, предпочтительно мужчину (известны случаи приглашения и женщин). Нередко выбор падает на учителя. Провожаящий произносит речь перед отправлением процессии со двора покойного и затем еще раз на кладбище у могилы, перед опусканием гроба. В обоих случаях оратор рассказывает о жизненном пути умершего и описывает его достоинства.

Распространенным явлением стало использование для похоронной процессии грузовых автомашин. Но пожилые люди часто заранее оговаривают, чтобы их везли в последний путь по старому обычаю — на лошадях. Возглавляет траурную процессию провожающий. Если на кладбище отправляются на автомашине, ему предоставляется место в кабине той машины, на которой везут гроб. По прибытии на кладбище гроб снова открывают, и около него происходит процедура прощания с умершим: говорит свое последнее слово провожающий, произносят прощальные речи и некоторые из присутствующих, хор исполняет несколько песен соответствующего содержания, звучат горестные мелодии оркестра. Провожаящий предлагает проститься с умершим, затем гроб опускают в могилу, убрannую по дну и стенкам еловыми ветками, сверху его покрывают одеялом. Каждый из присутствующих бросает на крышку гроба по три горсти земли, приговаривая: «легкого песка!».

После захоронения гроба участники похорон подходят с венками к могиле, произносят, обращаясь к покойному, еще несколько теплых прощальных слов и возлагают венки на могилу. Потом родственники обносят собравшихся вином и хлебом с просьбой помянуть умершего. Затем приглашенные отправляются в дом умершего, где совершается традиционная трапеза.

Повсеместно, кроме Латгалии, допускаются на похоронах и разного рода увеселения. Нередко можно услышать, что умерший любил веселье, песни, музыку и завещал, чтобы на похоронах было весело.

К новым явлениям в этой области должны быть отнесены общественные похороны, организуемые сельскими советами, правлениями колхозов и общественными организациями. Так хоронят тех, кто имел значительные революционные, общественные или производственные заслуги. Гроб с телом умершего в этих случаях устанавливается в сельском Доме культуры, у гроба несет вахту почетный караул; проводится траурный митинг. В похоронах принимает участие большое число местных жителей: члены окрестных колхозов, сельская интеллигенция, учащиеся школ.

Заканчивая описание современных обычаев и обрядов, нам остается ознакомить читателя с только еще формирующимся гражданским обрядом, посвященным памяти умерших.

Выше мы уже сообщали о все чаще высказывавшихся за последние годы пожеланиях сельских жителей освободить от религиозной оболочки традицию коллективного посещения в определенные дни могил своих близких. Откликаясь на эти пожелания, некоторые сельские советы и общественные организации колхозов Латвии решили взять в свои руки инициативу в проведении дней памяти умерших. Вот как прошло, например, проведение этого дня по-новому на одном из сельских кладбищ Екабпилсского района (Селпилсский сельский совет, 1959 г.).

Подготовку к этому дню провели депутаты сельского совета, представители партийных и комсомольских организаций селпилсских колхозов и учителя. Местные жители были заранее оповещены о предстоящем проведении дня памяти умерших и о новом содержании этой церемонии. Инициатива сельской общественности нашла широкий отклик в среде рабочих, колхозников и сельской интеллигенции. Они задолго до назначенного дня привели в порядок могилы своих близких, посадили цветы, посыпали песком дорожки. На кладбище в этот день собралось много народа — гораздо больше, чем во время богослужений, практиковавшихся в предыдущие годы. Руководил церемонией председатель сельского совета. В кратком слове, обращенном к односельчанам, он призвал их почтить память своих близких и друзей, обретших покой на старом селпилсском кладбище.

Проникновенную речь произнесла после этого заведующая школой, много лет работающая в Селпилсе и хорошо знающая жизненный путь большинства местных жителей. Она напомнила о суровых днях революции 1905 г. и назвала имена революционеров, ныне покоящихся на селпилсском кладбище. Много теплых слов нашлось у оратора о безвременно ушедшем молодом и талантливым композиторе Петере Барисоне — уроженце Селпилсской волости. Над его могилой прозвучали созданные им прекрасные мелодии в исполнении колхозного оркестра. Оратор посвятил свою речь и многим простым людям и активистам нового общественного строя, оставившим о себе добрую память.

Один из бывших участников комсомольского подполья 1920—1930-х гг., присутствовавший на кладбище, посвятил свою речь прежним жителям волости, отдавшим свою жизнь в борьбе за восстановление советской власти в Латвии. Объединенным хором селпилсских колхозов было исполнено много красивых латышских песен. На могилы революционеров и общественных деятелей Селпилса присутствовавшие возложили венки и гирлянды цветов.

Оценка, данная подавляющим большинством селпилсских жителей новому ритуалу проведения дня памяти умерших, отражена в названии

заметки, вскоре появившейся в районной газете: «Пасторам больше нечего делать»⁷.

В 1959 г. наряду с новой, гражданской церемонией, посвященной памяти умерших, на этом же кладбище проходили и церковные «капу святки». Однако в этот день на кладбище собралось всего несколько старушек.

В 1960 г. на селпилсском кладбище был вновь проведен «день памяти умерших» по гражданскому ритуалу, и в нем, как и в предыдущем году, участвовало большинство окрестных жителей.

За последние два года гражданские обряды, посвященные памяти умерших, стали проводиться и на многих других сельских кладбищах, где они также привлекли значительное число участников. Можно думать, что в самые ближайшие годы старый церковный обряд поминовения умерших полностью изживет себя в республике.

Характеризуя сложный процесс отхода сельского населения от религии и замены старых, утративших свой смысл и значение церковных обрядов новыми обрядами и праздниками, отвечающими современному образу жизни и утверждающемуся материалистическому мировоззрению людей, необходимо подчеркнуть, что церковнослужители встречают все это далеко не безразлично. Одни из них (пока лишь единицы) в результате тяжелой внутренней борьбы изменяют свои прежние убеждения и переходят на позиции атеизма; другие (их еще большинство) пытаются всеми средствами удержать население под своим влиянием.

За последние годы в республике публично отреклись от духовного сана десять священнослужителей (ксендзы, пасторы и баптистские пресвитеры). Мотивы, побудившие к отречению от духовного сана, ясно выразил в своем письме бывший пастор Ольгерд Робежниека, обслуживавший последние годы четыре прихода в Екапилсском районе. В пространным письме, опубликованном в районной газете, он пишет, что после двадцати долгих лет служения церкви он тяжелой ценой преодолел свои внутренние сомнения и теперь познал подлинную правду жизни. Окончательно убедившись в несостоятельности религиозных догм, он не намерен более пропагандировать и защищать их. «Я не хочу больше ни одного дня своей жизни тратить на работу священника,— пишет он,— хочу заняться каким-нибудь полезным для общества трудом».

В своем письме О. Робежниека говорит о растущем в народных массах атеизме. Отмечая активный отход населения от религии, он пишет, что церковь сохранила еще какое-то значение лишь для небольшой части старшего поколения, а также для тех немногих представителей молодежи, кто еще в той или иной мере находится под влиянием отсталых взглядов своих родителей. «Но я все чаще замечал,— подчеркивает он,— что и сами верующие не были подлинно религиозными людьми, они обращались к религии в лучшем случае ради соблюдения старых традиций, которые сами они не пытались заменить чем-то другим». «Нельзя было не видеть,— продолжает он далее,— что именно молодежь, которой принадлежит все наше будущее, отходит от церкви, увлекаясь теми широкими перспективами, какие ей открывает современная жизнь. Церковь является лишней в этой жизни, а работа духовенства — не только не нужной, но и вредной»⁸.

Случаи отречения представителей церкви от духовного сана вызывают бурную реакцию в среде сельского населения, как и в церковных кругах. Бывший ксендз Б. Звейсалниека, ныне лектор Общества по распространению научных и политических знаний ЛССР, касаясь в своей лекции этого вопроса, сообщил: «Фанатически настроенные католики,

⁷ «...Macītajam vairāk nau ko darīt» (газ. «Brīvā Daugava», 18 августа 1959 г.).

⁸ Газ. «Brīvā Daugava», 23 октября 1959 г.

узнав о моем публичном отречении, пытались убедить окружающих, что в меня вселился антихрист. Но многие, в том числе и мои бывшие прихожане, поняли меня и одобрительно отнеслись к моему решению. Я получаю много писем, из которых вижу, что мой разрыв с религией поколебал веру ранее религиозных людей или привел их к атеизму»⁹.

Отречение от духовного сана упоминавшегося выше бывшего пастора О. Робежниака встретило одобрение подавляющего большинства жителей Екабпилсского района, известных и ранее своими передовыми взглядами. Это, в частности, нашло свое выражение в том, что группа бывших прихожан селпилсской церкви вслед за его отречением подала в сельский совет заявление о закрытии церкви.

Противодействие растущему атеизму, оказываемое со стороны лютеранской и католической церкви, выливается в различные формы. В данном случае в упомянутые выше приходы Екабпилсского района был назначен новый, «более надежный» пастор. Одним из первых его устремлений было предотвратить закрытие селпилсской церкви. Путем индивидуальной агитации среди наиболее отсталой части местного населения ему удалось добиться того, чтобы лица, подавшие заявление в Селпилсский сельский совет о закрытии церкви, взяли его обратно. Спустя некоторое время, в расчете на укрепление позиций религии, в селпилсскую церковь для проведения торжественного богослужения прибыл сам епископ. Однако его появление не произвело сенсации, со всей большой округи собралось очень мало народа.

Уже из приведенных фактов видно, какая острая идеологическая борьба идет вокруг этих вопросов. К этому можно было бы добавить и известные нам многие другие факты, указывающие на ухищрения служителей церкви в погоне за сохранением своего влияния. Сюда относятся, например, явное приспособленчество церковников при определении возраста молодежи для прохождения конфирмации у лютеран или первого причастия у католиков. Наблюдения показывают, что там, где подобные случаи еще имеют место, эти обряды, рассчитанные на подростков и молодежь, совершаются теперь в значительно более раннем возрасте и в такие моменты, когда дети в наименьшей мере связаны со школой (например, в летние каникулы, при переходе из одной школы в другую, из начальной в семилетнюю, или сразу же после окончания семилетней школы) или пока дети младшего возраста не вступили в ряды пионерской организации, а старшие — в комсомол. Свое влияние на детей церковники стараются осуществлять через родителей, а в их среде есть еще такие, кто пытается под воздействием церкви применять угрозы и насилия по отношению к детям, отказывающимся исполнять религиозные обряды. В одном из районов ЛССР мы столкнулись, например, с фактом, когда мать-колхозница выгнала из дома 11-летнего сына за то, что он отказался посещать церковь и вступил в пионерскую организацию. Потребовалось вмешательство школы и сельского совета, чтобы убедить мать в ошибочности ее поступка¹⁰.

К запугиванию верующих не стесняются прибегать и некоторые представители церкви. Так до последнего времени поступал ксендз Калныш из Ликсненского прихода (Даугавпилсский район). Он в своих проповедях угрожал верующим адскими муками за непосещение церкви и за отказ от крещения детей. Для большей убедительности он прибегал к индивидуальному воздействию на верующих. Одну из колхозниц колхоза «Дзимтене» он вызвал однажды к себе и угрожал ей тем, что, если она не приведет своих детей на первое причастие, то не найдет

⁹ Из лекции Б. Звейсалниака, прочитанной в 1959 г. в Екабпилском районном Доме культуры (записано мной.— Л. Т.).

¹⁰ Материалы Прибалтийской экспедиции, 1960 г. (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

людей, которые похоронят ее самое и ее детей на кладбище. Напуганная женщина, сознание которой находилось еще целиком во власти религиозной мистики, привела вскоре после этого своих детей в костел¹¹.

Все это указывает на то, что вопросы высвобождения известной части населения из-под влияния церкви, преодоления религиозных пережитков и формирования атеистического мировоззрения требуют к себе постоянного и неослабного внимания. Учитывая это, республиканские общественные организации совершенствуют методы и содержание научно-атеистической пропаганды.

В каждой местной группе Общества по распространению политических и научных знаний в республике создаются секции по научно-атеистической пропаганде. За последние годы значительно возросло число лекций, читаемых на научно-атеистические темы. По своему содержанию эти лекции стали более целенаправленными, в них включается также и конкретный материал, характеризующий действия местных церковников и сектантов. Кроме лекций, пропаганда научно-атеистических взглядов осуществляется путем проведения бесед, вечеров вопросов и ответов, диспутов, выставок, тематических вечеров, практикуется проведение химических опытов, разоблачающих различные «чудеса» церкви, и т. д.

Следует отметить, что ко всем этим мероприятиям заметно возрастает интерес со стороны сельских жителей, в том числе и со стороны верующих. Среди посетителей всегда оказывается большая или меньшая группа верующих или колеблющихся в отношении религии. Одни из них нередко вступают в активные споры с устроителями подобных вечеров и явно не хотят сдавать своих позиций, другие черпают из этих лекций новые научные сведения, помогающие им окончательно освободиться от религиозных взглядов. Многие из них впоследствии сообщают об этом устроителям вечеров в письмах или устно.

В этой связи заслуживает быть отмеченной большая и разносторонняя работа, проводимая коллективом преподавателей и студентов Даугавпилсского педагогического института. По их инициативе при Институте создан Клуб воинствующих атеистов, ставший в районе одним из главных центров научно-атеистической пропаганды¹².

Значительно возросло внимание общественности Латвийской ССР и ко все шире проявляющейся со стороны трудящихся инициативе создания новых, безрелигиозных обрядов и празднеств. В республике изучается и обобщается опыт организации этих новых торжественных церемоний¹³. Эти вопросы являются предметом обсуждения специальных конференций, организуемых Центральным Комитетом комсомола или соответствующими отделами Министерства культуры ЛССР. Для участия в этих заседаниях привлекаются местные этнографы, фольклористы, музыканты, поэты, писатели. О состоявшихся в тех или иных пунктах республики новых празднествах или «памятных днях» сообщается республиканской и районной печатью.

Личные наблюдения автора за процессом формирования новых обычаев и обрядов, а также ознакомление с некоторыми материалами заседаний, посвященных обсуждению этих вопросов, и с прессой свидетельствуют, что имеется много еще нерешенных и спорных моментов, но в целом деятельность общественных организаций Латвии, возглавивших важное движение за создание безрелигиозных форм быта, заслуживает всемерного одобрения.

¹¹ Там же.

¹² См. «Клуб воинствующих атеистов», Рига, 1960.

¹³ Некоторое ознакомление с этим дает брошюра А. Серданта: A. Serdants, Sadzivei jaunās tradīcijas!, Rīgā, 1958.

SUMMARY

The two decades following the restoration of Soviet power in Latvia are marked both by tremendous changes in the Republic's economy and culture and by radical changes in the people's outlook and way of life. This is manifested specifically in the active spread of atheism and the establishment of a new way of life that eliminates religion.

Among the peasantry, the break with religion is manifested primarily in the sharp decrease in the attendance of church service and the performance of religious rites. At the same time, the past three-four years saw the spread of a new custom, under which the naming of a new-born child and the admittance a new member into the village community are an occasion for public celebration. Still more popular is the recently established «majority celebration». These new solemn ceremonies play an important part in village life in superseding the religious ceremonies of baptism, confirmation, etc.

In the present setting the attitude of the village people to the rise of new families and the attendant ceremonies has changed considerably. Under the conditions of Soviet and collective-farm life this is regarded as a matter of profound public significance, with the members of the respective village communities and public bodies taking an active part in arranging and celebrating the wedding. Weddings of this type have been called public, or Komsomol weddings.

Doing away with the survivals of religion and shaping an atheistic outlook calls for unflinching concern. The public organizations of Latvia strive to perfect the methods and content of the propaganda of scientific atheism. Apart from lectures, the dissemination of atheistic views proceeds in the form of talks, replies to answers, debates, exhibitions, etc. Interest in such undertakings on the part of the village people, including the believers, is rising steadily.

Я. С. СМЕРНОВА

ОБЫЧАИ ИЗБЕГАНИЯ У АДЫГЕЙЦЕВ И ИХ ИЗЖИВАНИЕ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

«Избеганием», или «ограничительными отношениями», в этнографической литературе называется совокупность различных запретов, соблюдаемых супругами в отношении друг друга, своих детей и известных категорий родственников и свойственников. Хотя обычаи избегания принадлежат к числу широко распространенных традиций семейного быта многих народов, они остаются сравнительно мало описанными и совершенно не исследованными. Обычаи избегания не привлекли к себе сколько-нибудь заметного внимания этнографов, изучающих семью и семейный быт народов СССР. Между тем, как мы увидим дальше на примере адыгейцев, внимание к этим обычаям со стороны как этнографов, так и практических работников культурно-просветительных учреждений может иметь определенное значение в деле дальнейшего переустройства семейного быта народов Советского Востока на путях перехода к коммунизму.

Обычаи избегания у адыгейцев — в том виде, в каком отдельные литературные данные и полевые этнографические материалы¹ позволяют восстановить их применительно к дореволюционному прошлому, — можно условно подразделить на четыре группы. К первой группе относятся запреты в отношениях между супругами, ко второй — запреты в отношениях между родителями и их детьми, к третьей — запреты в отношениях между женщиной и родственниками ее мужа и к четвертой — запреты в отношениях между мужчиной и родственниками его жены. Мы не включаем сюда особый, предваряющий избегание, комплекс отношений жениха и невесты с их старшими родственниками, действующий лишь на протяжении свадебного цикла и обычно называемый в этнографической литературе «скрыванием».

1. Избегание во взаимоотношениях между супругами неоднократно отмечалось многими дореволюционными бытописателями адыгейских племен. Паллас сообщал, что вслед за годичным периодом свадебного скрывания от родителей «муж столько же времени посещает свою молодую жену все еще только тайно, через окно комнаты, и в течение всей своей жизни не показывается вместе с ней при посторонних лицах»². Клапрот³, Белл⁴ и Тетбу де Мариньи⁵ отметили, что супруги

¹ Используемые в настоящей статье полевые материалы собраны автором в 1959—1960 гг. в селениях Шовгеновск (бывш. Хакуринохабль), Мамхег, Хатажукай, Псейтук, Афиписп, Большой Псеушко и в городах Майкоп и Туапсе.

² P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, т. I, Leipzig, 1799, стр. 388, ср. там же, стр. 329.

³ J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, т. I, Halle und Berlin, 1812, стр. 574.

⁴ J. S. Bell, Journal of residence in Chircassia during the Years 1837, 1838 and 1839, т. II, London, 1840, стр. 222.

⁵ Taitbout de Marny, Voyage en Chircasie, Odessa et Simpheropol, 1836, стр. 40.

могут быть вместе лишь в ночное время, а по словам Дюбуа де Монпере «подобно тому, как это было в Лакодемони, черкес, вступивший в брак, не смеет видаться на людях со своей женой; он может посещать ее только тайком; заговорить с ним о его жене или хотя бы спросить о ее здоровье — верх неучтивости. Только возраст может внести некоторое смягчение в этот церемониал»⁶. Сталь, наблюдая обычаи избегания между супругами, подметил, что наряду с возрастными в них наличествуют и социальные оттенки: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью, и то украдкой. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»⁷. Другие литературные сообщения⁸ и главным образом полученная нами полевая информация⁹ показывают, что обычай запрещал мужу и жене не только находиться днем в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, но и появляться вместе на улицах селения, совместно посещать празднества, поминки и т. п. Считалось предосудительным, чтобы один из супругов, в особенности муж, в чем-либо присутствии проявлял заботу о другом супруге, как-нибудь выказывал свои супружеские чувства, помогал в работе, ухаживал в случае болезни, даже оплакивал после смерти. Ни в глаза, ни за глаза супруги не должны были называть друг друга «мужем» и «женой», а также по имени: говорили «он» и «она». Еще одним проявлением этого показного отчуждения был распространенный у адыгейцев (более всего у шапсугов) обычай, согласно которому женатый мужчина свободно и даже демонстративно посещал дома девушек-невест, ухаживал за ними, делал им в шутку брачные предложения; при этом считалось неприличным, чтобы кто-нибудь напомнил ему, что он женат, или чтобы его жена выказала признаки ревности.

Важно отметить, что адыгейский обычай («адыгэ хабзэ») считал особенно недопустимым нарушение норм избегания в отношениях между супругами при ком-нибудь из старших членов семьи и вообще старших родственников мужа. По словам наших информаторов, в этих случаях большинство запретов обычно строго соблюдалось даже пожилыми людьми, не принадлежавшими к высшим слоям адыгейского общества.

2. Избегание в отношениях между родителями и детьми в значительно большей степени касалось отца нежели матери. Считалось вопиющим нарушением приличий, если отец в присутствии посторонних людей и особенно в присутствии своих старших родственников брал ребенка на руки, играл с ним, говорил о нем, оплакивал его в случае смерти или каким-нибудь другим образом проявлял отцовские чувства. По замечанию Белла, молодого мужчину, особенно если он принадлежал к сословиям уорков или пши, на протяжении многих лет нельзя было «увидеть рядом с его детьми, тем более в то время как он разговаривает со своими родителями»¹⁰. Строгое соблюдение

⁶ Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие вокруг Кавказа, Труды Института абхазской культуры, т. I, вып. VI, Сухуми, 1937, стр. 43.

⁷ Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», вып. 21, Тифлис, 1900, стр. 28.

⁸ Н. Карлгоф, Политическое устройство черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря, «Русский вестник», т. 28, кн. 2, 1860, стр. 524; Н. Дубровин, Черкесы (адыге), Краснодар, 1927, стр. 93—95, 112; Ф. А. Леонтович, Адыты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 254—255; А. М. Ладженский, Обычное семейное право черкес, «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 226.

⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 18, 20, 24, 27, 28-а.
¹⁰ J. S. Bell, Указ. раб., т. II, стр. 222; ср. P. S. Pallas, Указ. раб., т. I, стр. 388; J. Karloff, Указ. раб., стр. 575; Н. Карлгоф, Указ. раб., стр. 524; Н. Дубровин, Указ. раб., стр. 94—95, 108.

«адыгэ хабзэ» предполагало, чтобы в присутствии старших отец даже не находился в одной комнате со своим малолетним ребенком: если один входил, другой должен был выйти. В Адыгее широко известно предание, может быть несколько утрированно, но тем более выразительно характеризующее непреложность норм избегания между отцом и его ребенком. Как-то группа людей стояла на краю обрыва; здесь же играл сын одного из присутствующих мужчин. Внезапно ребенок поскользнулся и покатился в пропасть. Отец неторопливо шагнул вперед и, как бы невзначай наступив ногой на рубаху сына, удерживал его над пропастью, покауда подоспевший подросток не схватил ребенка и не унес его домой. По мере подрастания детей, их отношения с отцом постепенно становились менее отчужденными, но обычай по-прежнему предписывал проявлять взаимную сдержанность в проявлении родственных чувств. Обращения «отец», «сын», «дочь» не употреблялись на протяжении всей жизни: и отец, и его дети называли друг друга только по имени.

Что касается матери, то в семьях простых крестьян необходимость вскармливания ребенка, а затем повседневного ухода за ним исключала возможность сколько-нибудь полного и длительного соблюдения обычаев избегания. В больших семьях этих обычаев строго придерживались в течение некоторого времени после рождения ребенка; молодая мать с утра выносила колыбель из своей комнаты в общее помещение и, делая вид, что не имеет никакого отношения к ребенку, в присутствии других лиц, особенно старших родственников мужа, даже не подходила к нему близко. Однако обычно уже через месяц мать, бабка и другие старшие женщины семьи просили невестку не стесняться их присутствием, брать ребенка на руки и кормить его грудью при них. Нормы избегания постепенно ослабевали; все же и в дальнейшем воспитанием ребенка в основном занимались другие женщины дома, а самой матери полагалось воздерживаться от сколько-нибудь заметных проявлений материнских чувств. В частности, мать, как и отец, не должна была оплакивать своего ребенка в случае его смерти и даже подходить к его смертному одру¹¹.

3. Избегание в отношениях между женщиной и родственниками ее мужа касалось главным образом старших из них. Женщине полностью запрещалось всякое общение с отцом и дедом мужа — с ними нельзя было разговаривать, находиться в одном помещении, показываться им на глаза за пределами дома. Если невестке было необходимо пройти мимо свекра, кто-нибудь из младших членов семьи подходил к нему и просил отвернуться; если невестка и свекор случайно сталкивались, оба делали вид, что не замечают друг друга. Обычай допускал, чтобы через несколько лет после свадьбы свекор обратился к невестке с предложением прекратить избегание, однако такие случаи были очень редки и всегда вынуждались какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами, например, невозможностью полного отчуждения в силу отсутствия в семье других женщин. В принципе аналогичный характер имели нормы избегания между женщиной и старшими братьями ее мужа, с той разницей, что пожизненное соблюдение их не считалось столь желательным. Обычно через год — другой после свадьбы девери просили невестку не стесняться их, показываться в их присутствии и разговаривать с ними. Отмена запрета всегда сопровождалась обменом небольшими подарками. Еще слабее было выражено избегание между невесткой и свекровью, тесно связанными необходимостью совместного хозяйствования. Как правило, оно сводилось к запрещению разговаривать в течение нескольких месяцев после свадьбы (объясняться посредством жестов и мимики было можно); после этого

¹¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361. лл. 15, 18, 19, 64, 66, 67, 97.

свекровь предлагала невестке не стесняться ее и прекратить избегание. Она делала невестке подарок — отрез на платье, платок и т. п.; та, в свою очередь, одаривала свекровь какой-либо аналогичной вещью, присланной ей специально для этого родителями. Резали петуха, созывали пожилых родственников и соседей и устраивали небольшое празднество, знаменовавшее снятие разговорного запрета. Однако и после этого обычай предписывал невестке держаться «скромно», «незаметно», не вступать самой в разговор, а лишь отвечать на вопросы, не раздеваясь и не причисываясь в присутствии свекрови и т. п.

В отдаленном прошлом сроки избегания между невесткой и свекровью были более длительными. Доминиканец д'Асколи, посетивший в первой половине XVII в. адыгейские племена северо-западного побережья Кавказа, сообщает, что «по выходе замуж женщина долгое время, иногда годами, не показывается ни теще (по-видимому, ошибка переводчика: следует читать «свекрови». — Я. С.), ни зятям, ни близким родственникам, живя отдельно от них, хотя бы в одном и том же доме, а при случайной встрече она отворачивается и склоняет лицо, дабы не видеть их. По истечении этого времени молодую женщину угощают обедом и дарят ей хорошее платье или шубу, или же что-то другое, по ее вкусу, предварительно узнав, чем бы ей угодить. Затем ее принимают в дом с поцелуями и добрыми пожеланиями; тогда у нее, быть может, уже двое или трое детей»¹². В другом месте д'Асколи отмечает, что исповедующие христианство черкешенки даже не ходят в церковь, чтобы не встретиться здесь со своими свойственниками¹³.

Избегание распространялось и на более дальних старших родственников мужа, прежде всего — его дядей. Даже в их отсутствие невестка не должна была появляться у них дома, пока не совершался специальный обряд «ввода», сопровождавшийся угощением и обменом подарками.

В отношении младших родственников мужа, в особенности тех из них, кто родился уже после появления в доме невестки, избегание не практиковалось. За исключением запрета произносить имена, распространявшегося на всех членов семьи мужа, других его родственников и ближайших соседей (некогда также являвшихся родственниками). Свекра невестка называла «мой князь», свекровь — «моя княгиня», старших братьев мужа — «мой старший брат», всех остальных — особыми, специально придуманными ею условными именами, например, «мое золото», «мой ясноглазый», «та, которую нужно беречь» и т. д. В свою очередь, члены семьи мужа и его другие родственники и соседи не произносили настоящего имени невестки, заменяя его каким-нибудь условным наименованием. Так, старшую невестку данной семьи звали просто «невесткой», следующую — «красивой невесткой», третью — «тихой невесткой» и т. д.¹⁴.

4. Избегание между мужчиной и родственниками его жены касалось исключительно старших родственников — отца, матери, деда, бабушки, дядей, теток. Со всеми ими нельзя было не только разговаривать, но даже и показываться им на глаза. Завидев тестя, зять сворачивал с дороги, а столкнувшись с ним, отворачивался в сторону. Родственники замужней женщины также не посещали дом своего зятя. Исключение могло быть сделано лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Так, бывало, что в случае крайней нужды мать навещала дочь в доме ее мужа, но она делала это как бы тайком, плотно закутавшись в платок и всегда под покровом ночи¹⁵. Насколько позволяют судить наши по-

¹² Э.-Д. д'Асколи, Описание Черного моря и Татарины. 1634, «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXIV, 1902, стр. 127.

¹³ Там же, стр. 128.

¹⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 18, 19, 26, 27, 28-а.

¹⁵ Там же, л. 20.

левые материалы, адыгейцы, в противоположность другим адыгам¹⁶, не знали обычая «знакомства» молодого мужа с родителями его жены. Поэтому избегание в отношении этих последних не было ограничено каким-либо сроком и практиковалось на протяжении всей жизни.

Какова была реальная роль обычаев избегания в семейном и общественном быту адыгейцев?

Как уже говорилось, этнографически обычаи избегания пока еще не исследованы. А. Даринский, собравший некоторые наиболее общие данные по избеганию у ряда народов Северного Кавказа, высказал предположение, что связанные с ним обычаи, равно как и институт аталычества, возникли в процессе перехода от группового брака к индивидуальному и имели своей целью вуалирование этого перехода. «Лицо, взявшее себе жену в исключительное пользование, совершило преступление против своей семьи и потому должно было стараться скрывать плоды этого преступления; плодами же этого преступления были жена и дети. Вот почему его близкие отношения к ним должны были быть скрываемы. Жену он посещает тайно, не говорит с ней, не называет ее по имени, такое же отношение и со стороны жены, с детьми оба холодны, их воспитывают на стороне, не ласкают, не говорят о них и т. д.»¹⁷. Точка зрения Даринского заслуживает внимания, однако с меньшим основанием можно предположить, что обычаи избегания отразили переход от матрилокального поселения к патрилокальному и от матрилинейного счета родства к патрилинейному, возникнув, следовательно, как своеобразная условность, при помощи которой в формировавшемся отцовском обществе поддерживалась иллюзия отсутствия в данной семье незаконно вошедших в нее молодоженов и какой-либо связи между ними и родившимися у них детьми. Кроме того, некоторые нормы избегания — например, запрет произносить имена¹⁸, причесываться в присутствии старших свойственников, — явственно отразили и магические воззрения, присущие первобытности. Однако независимо от того или иного решения вопроса о происхождении обычаев избегания — вопроса, еще ждущего своего детального исследования, — для нас важно отметить одну их существенную особенность, родившуюся в процессе развития патриархально-родового, а затем патриархально-феодального строя. Если первоначально нормы избегания, по-видимому, в равной степени касались обоих супругов, то с течением времени в силу самого факта патрилокальности поселения и общего духа законов патриархального общества они легли главным образом на плечи женщины. Муж после заключавшего его свадебное «скрывание» обряда «примирения» с родителями свободно общался со всеми членами своей семьи, разговаривал с ними, ел за одним столом и т. п.; напротив, жена в течение длительного времени, подчас в течение всей жизни, должна была соблюдать по отношению к членам этой семьи, в которой она проводила почти всю жизнь, многочисленные тягостные запреты. Вынуждая женщину быть постоянно настороже, постоянно следить за своими словами и, казалось бы, самыми малозначительными поступками, обычаи избегания бесконечно усложняли и отягчали ее и без того нелегкое существование. Избегание оказывало определенное воздействие и на воспитание ребенка, связанного в

¹⁶ См.: Т. Т. Шикова, *Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем*, кандидатская диссертация, М., 1955, стр. 119.

¹⁷ А. Даринский, *Семья у кавказских горцев*, «Записки об-ва истории, филологии и права при Варшавском университете», вып. 2, Варшава, 1903, стр. 149.

¹⁸ См.: Г. Ф. Чурсин, *Магическое значение имени у кавказских народов*, «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», Тифлис, 1928, № 4, стр. 20.

своем поведении рядом традиционных запретов и в значительной степени лишенной родительской ласки и заботы.

К этому следует добавить, что если генетически обычаи избегания и не связывались с какими-либо специфически патриархальными привилегиями или ограничениями, то в ходе времени они в известной мере переплелись с нормами поведения, отразившими патриархальное и шариатское неполноправие женщины и младших членов семьи. В патриархально-феодальной Адыгее женщина не должна была присутствовать на народных собраниях и празднествах, находиться на улице в обществе посторонних мужчин или выезжать одна за пределы аула, сидеть или принимать пищу при старших мужчинах; дети также не имели права сидеть или есть в обществе старших, участвовать в их разговоре и т. п.; и женщины, и младшие члены семьи были лишены ряда наиболее существенных имущественных прав¹⁹. Естественно, что в этих условиях многие из связывавших женщину и ребенка норм избегания стали восприниматься как отражение их приниженного, неполноправного положения. Сказанное прямо подтверждается некоторыми замечаниями бытописателей старой адыгейской семьи, замечаниями, которые при всей своей научной неточности, по-видимому, не лишены известной жизненной правды. Так, по мнению А. Намитокова, жена «не дерзала», а муж «не снисходил» называть другого супруга по имени²⁰, а по словам адыгейского писателя А. Евтыха, родители не оплакивали своего ребенка, потому что они его «не считали за человека»²¹.

Все сказанное позволяет заключить, что обычаи избегания в XIX — начале XX в. не являлись нейтральными традициями адыгейского народного этикета. Они были вредным наследием патриархального строя, одним из отрицательных пережитков быта староадыгейской патриархальной семьи.

Очень медленное изживание или, точнее, ослабление норм избегания началось у адыгейцев еще до Великой Октябрьской социалистической революции, в период, последовавший за крестьянской реформой (1867 г.). Этот процесс был естественным следствием далеко зашедшего процесса разложения большесемейной организации. По собранным Е. С. Зевакиным архивным данным, в 1886 г. в двенадцати адыгейских аулах семьи до 6 человек составляли 63%, от 6 до 8 человек — 19,5%, от 8 до 10 — 9%, от 10 до 15 — 7,5% и от 15 до 20 — только 1% всех семей²². В условиях малой семьи, в состав которой не входили родители, старшие братья или другие старшие родственники мужа, практически рождалась большая свобода во взаимоотношениях между супругами и в их отношениях со своими детьми. В условиях малой семьи, включавшей кого-либо из родителей мужа, а также в условиях неразделенной, но численно сократившейся большой семьи весь уклад хозяйственной и домашней жизни небогатых людей заставлял постепенно сокращать сроки некоторых традиционных запретов и ослаблять их строгость. Так, в частности, именно в это время, по-видимому, сократился до двух недель срок, в течение которого невестка не должна была появляться перед старшими женщинами семьи со своим ново-

¹⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 15, 24, 25, 27, 28, 86; Н. Карлгоф. Указ. раб., стр. 524; Ф. А. Леонтович, Указ. раб., вып. 1, стр. 152—153; А. М. Ладыженский, Указ. раб., стр. 226 сл.; К. Р. Мирам, Этнографический очерк, Сб. «Адыге, их быт, физическое развитие и болезни», Ростов-на-Дону, 1930, стр. 8; С. В. Побудейская, Быт и половая сфера адыгейской женщины, там же, стр. 66—67; «Очерки истории Адыгеи», т. I, Майкоп, 1957, стр. 246—247.

²⁰ А. Намитоков, Черкешенка, М., 1928, стр. 20.

²¹ А. Евтых, У нас в ауле, «Новый мир», 1953, № 5—6.

²² «Очерки истории Адыгеи», т. I, стр. 461.

рожденным ребенком; во многих семьях молодые супруги по прошествии нескольких месяцев стали показываться вместе в присутствии матери, сестер и даже братьев мужа²³. Но в целом система обычаев избегания в дореволюционное время оставалась еще мало поколебленной традицией семейного и общественного быта адыгейцев.

Положение существенным образом изменилось только в советскую эпоху, когда общий процесс социалистического переустройства Адыгеи повлек за собой ряд принципиальных сдвигов в быту и культуре народа. В Адыгее, как и в других областях Советского Востока, с первых же лет существования советской власти развернулась активная борьба против вредных пережитков патриархально-феодального быта, за юридическое и фактическое раскрепощение женщины, привлечение ее к производительному труду, общественно-политической и культурной жизни. Вопрос о раскрепощении адыгейской женщины был поставлен уже в 1921 г. на Втором областном горском съезде в Краснодаре и в следующем году на Первом беспартийном окружном съезде адыгеек. С этого же времени государственные, партийные и общественные организации повели борьбу с преступлениями, составляющими пережитки родового быта (умыкание, покупной брак, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних девушек), неполноправием и затворничеством адыгеек. Велась борьба за вовлечение женщин в колхозное строительство, их участие в политических кампаниях, в работе Советов депутатов трудящихся и во всей общественно-политической жизни страны²⁴. В официальных документах 1920-х годов много говорится о трудностях работы среди адыгейских женщин, связанных в своем поведении «бытовыми национальными традициями» и поэтому значительно менее активных, нежели русские женщины Адыгеи²⁵. К числу таких традиций, тормозивших раскрепощение адыгейки, принадлежали, в частности, обычаи избегания.

Когда в годы коллективизации развертывалось движение за вовлечение женщин в колхозы и повышение их производственной и общественной активности, многие адыгейки отказывались посещать собрания и, в особенности, выступать на них, так как здесь присутствовали их старшие свойственники, по отношению к которым должен был строго соблюдаться разговорный запрет. Бывший председатель одного из первых в области колхоза «Зелимхан» (Шовгеновский район) А. Потоков рассказывал нам, что эту коллизию лишь отчасти удавалось устранить следующим образом: перед началом выступления колхозницы председатель просил всех старших родственников ее мужа временно покинуть собрание, чтобы не стеснять своим присутствием невестку²⁶. Аналогичная проблема вставала при проведении предвыборных и выборных кампаний, привлечении женщин к работе сельсоветов и т. п., причем и здесь также приходилось принимать «меры к тому, чтобы на заседаниях сельсоветов и других общественных организаций создавалась такая обстановка, которая давала бы возможность присутствовать черкешенке на таковых»²⁷. Неудивительно поэтому, что уже в 1928 г. Северокавказский краевой исполнительный комитет Со-

²³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 19, 66.

²⁴ Сведения о борьбе за раскрепощение адыгейской женщины и о работе по улучшению ее труда и быта см. в делах Адыгейского областного государственного архива, ф. Р-1: оп. 1, д. 126, лл. 11—12, 60; д. 174, лл. 7—16; д. 230, лл. 90—101, 109—110, 122, 129—130; д. 270, л. 216; д. 278, лл. 87, 92, 115, 133—196; д. 299, лл. 36—37, 40—45; д. 302, лл. 7—17; д. 424, лл. 5—7; д. 487, л. 2; д. 553, лл. 50—51.

²⁵ Там же, ф. Р-1: оп. 1, д. 237, л. 10; ср. там же, д. 177, л. 222; д. 240, л. 11.

²⁶ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, л. 25.

²⁷ Адыгейский областной государственный архив, ф. Р-1: оп. 1, д. 278, л. 194; ср. там же: д. 126, л. 12; д. 200, л. 71.

ветов рабочих, крестьянских, казачьих, горских и красноармейских депутатов в своем обращении «Об уравнивании прав горянки и горца» призвал трудящихся горцев Северного Кавказа развернуть борьбу не только с такими позорными явлениями, как многоженство и покупной брак, но и с обычаями избегания, запрещающими женщине говорить в присутствии старших родственников мужа, сидеть за одним столом с мужчинами и пр.²⁸

Окончательное разрушение большесемейной организации в период коллективизации адыгейской деревни, вовлечение женщины в общественно-полезную деятельность и, как следствие этого, коренное изменение ее семейного и общественного положения, общий рост культурного уровня адыгейцев и ряд специальных мероприятий партии и правительства, направленных на ликвидацию вредных пережитков прошлого,— все это в очень короткий исторический срок сказалось на адыгейской семье: на ее составе, взаимоотношениях между ее членами, общем семейном укладе. Однако преобразование различных сторон быта проходило неодинаковыми темпами. Естественно, что внимание государства и общественности было обращено в первую очередь на быстрейшее искоренение наиболее вредных пережитков — прямых проявлений затворничества женщины, ущемления ее имущественных и наследственных прав (так же, как и прав младших членов семьи), преступлений, составляющих остатки родового быта, и т. п. По сравнению с этим традиции избегания все же являлись более или менее частным, не имевшим столь большого общественного значения элементом семейно-родственных отношений. Кроме того, сам характер этих традиций, в большинстве относившихся к интимной сфере внутрисемейных взаимоотношений, делал их относительно устойчивыми и затруднял борьбу с ними со стороны общественных и государственных организаций. Вот почему обычаи избегания, закономерно изживаясь в общем ходе социалистического переустройства семейного и общественного быта адыгейцев, тем не менее исчезали медленнее других патриархальных пережитков. Так, если покупной брак, многоженство, левират уже к началу 1930-х годов перестали быть сколько-нибудь распространенными явлениями народного быта, то многие обычаи избегания еще продолжали соблюдаться в большинстве адыгейских семей, а некоторые из них в том или ином виде дожили до настоящего времени.

Посмотрим, как далеко продвинулся сегодня процесс изживания интересующих нас обычаев. В подавляющем большинстве семей адыгейских колхозников, если муж и жена не преклонного возраста и если в состав семьи не входит кто-либо из престарелых родственников мужа, супруги в семейном кругу свободно общаются, едят за одним столом, не стесняются оказывать друг другу различные знаки внимания и называть друг друга по имени. Однако присутствие старших, тем более престарелых родственников мужа — отца, деда, дяди, а подчас и посторонних людей,— все еще продолжает в той или иной степени связывать супружескую пару. Особенно упорно держится обычай, запрещающий женщине садиться за стол в обществе мужа при его старших родственниках и посторонних. Нам приходилось наблюдать этот обычай не только в домах многих колхозников, но и в домах сельской интеллигенции и даже городских жителей²⁹.

В отличие от горожан, молодые супруги-колхозники еще стесняются вдвоем гулять по улицам, ходить в кинотеатр, в клуб, на танцы, посещать свадьбы и другие семейные празднества. Отказавшимся следовать этой традиции, в особенности мужчинам, нередко приходится выслушивать различные, впрочем всегда добродушные, насмешки зна-

²⁸ Газ. «Адыгейская жизнь». 29 октября 1928 г., № 90.

²⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 20, 21, 25, 28-а, 102, 103.

комых и родственников. Некоторые молодые супружеские пары стараются выйти из этого положения компромиссным путем: так, они посещают кинотеатр вместе, но не вдвоем, а еще с несколькими приятелями, или же отправляются на свадьбу вместе, но держатся там подальше друг от друга³⁰. Такие компромиссные, как бы «переходные» формы поведения супругов в общественных местах свидетельствуют о несовместимости современного общественного быта адыгейских колхозников с древними традициями избегания и отражают быстрый процесс изживания этих традиций.

Почти не соблюдаются, даже при старших родственниках, обычаи избегания в отношениях между родителями и детьми. Правда, иногда еще приходится сталкиваться с отдаленным отголоском этих обычаев — некоторой показной сдержанностью отца, проявляемой им на людях в обращении со своими детьми. Но даже такие случаи теперь редки. Как правило, не только мать, но и отец непринужденно разговаривает с ребенком, берет его на руки, покупает ему игрушки и лакомства, не считает предосудительным говорить о нем с родственниками или посторонними людьми. Посетив в селении Шовгеновск дом М. Дагуфова, мы видели, как отец с удовольствием принимал участие в «концерте», во время которого его дети исполняли песни и танцы, выученные ими в детском саду³¹. Сходные сцены, свидетельствующие о полном забвении старых традиций, доводилось нам наблюдать во многих семьях селений Шовгеновск, Мамхег, Большой Псеушко и ряде других.

Медленнее изживаются традиционные запреты в отношениях между одним из супругов и старшими родственниками другого. Это и понятно, так как объектом избегания в данном случае обычно являются престарелые люди, многие из которых воспринимают нарушение старых обычаев как неуважение к старости или даже как сознательное стремление нанести им обиду. Считаюсь с этим, молодые невестки еще довольно часто в течение того или иного времени избегают родителей (главным образом свекра) и других старших родственников мужа. Так, во время нашего пребывания в селении Мамхег невестка 73-летнего колхозника, уже шесть лет живущая в его семье, еще ни разу не сталкивалась с ним лицом к лицу; в селении Шовгеновск невестка одного из наших информаторов, которому 75 лет, уже в течение трех лет избегает показываться ему на глаза; в том же селении в другой семье мы наблюдали, как невестка не решалась пройти мимо свекра, пока один из членов семьи не попросил его отвернуться³²; в г. Майкопе мы познакомились с молодой адыгейкой, имеющей высшее образование, которая, не решаясь обидеть стариков, некоторое время после свадьбы избегала своей свекрови, а заведя на улице дядю мужа, делала вид, что его не замечает. Часто еще невестки, в том числе и городские жительницы, не произносят имен свекра, свекрови и других старших родственников мужа, а те, в свою очередь, — имени невестки. Аналогичным образом немало мужчин продолжает какое-то время соблюдать традиции избегания по отношению к родителям, дядям, теткам жены³³.

Однако даже избегание престарелых родственников мужа или жены — этот наиболее медленно отмирающий вид избегания, — так же как и другие проявления описанных нами обычаев, не является теперь сколько-нибудь абсолютной, общераспространенной нормой поведения. Все чаще можно наблюдать паллиативные, переходные формы обще-

³⁰ Там же, л. 102.

³¹ Там же.

³² Там же, лл. 15, 18, 21.

³³ Там же, лл. 20, 102.

ния с подлежащими избеганию свойственниками. Такого рода формы довольно многообразны. Нам доводилось наблюдать, как некоторые невестки, еще не решаясь садиться за один стол со свекром, уже не избегают его в других случаях или же, еще не решаясь обращаться к нему по имени, уже свободно произносят его имя за глаза. Саму невестку во многих семьях называют еще не по ее имени, но уже и не традиционным наименованием «невестка», а каким-нибудь другим именем: например, «Женя» вместо «Нахмет», «Тамара» вместо «Русет» и т. д. В селении Мамхег мы были свидетелями случая, когда молодая невестка не решалась без настоящего приглашения войти в дом одного из старших родственников мужа, но, войдя, сразу же села с ним за один стол. Нередко зятя, еще не считая возможным где-нибудь на людях сидеть за общим столом или же разговаривать с родителями жены, уже не избегают их в семейном кругу, бывают у них дома и приглашают к себе. Еще дальше продвинулось изживание обычаев избегания во взаимоотношениях со старшими, но не престарелыми свойственниками — братьями, сестрами, сравнительно молодыми дядями и тетками мужа и жены. В этих случаях традиционные нормы поведения, если и соблюдаются, то очень недолгое время, причем зачастую в полусутильной форме. После первого же приглашения в гости, совместного ужина, иногда обмена небольшими подарками такие свойственники навсегда забывают о предписанных им старыми обычаями запретах³⁴.

Как правило, обычаи избегания быстрее всего изживаются в семьях рабочих, служащих, сельской интеллигенции, где все более частыми становятся случаи полного отказа от соблюдения каких бы то ни было традиционных ограничений. В селении Шовгеновск мы близко познакомились с бытом семей строительного рабочего Г. Сетова, служащих Г. Куваева, Н. Даурова, К. Хакужева. Все они едят вместе с женами в присутствии гостей и старших родственников, ходят с женами в гости, в кинотеатр, вместе проводят отпуск, непринужденно общаются со старшими родственниками жены, а их жены — со старшими родственниками мужа³⁵. В селении Афисип аналогичным образом полностью отказалась от обычаев избегания семья шофера А. Ачагу³⁶. Напротив, в семьях колхозников такие случаи, по-видимому, еще довольно редки. Любопытен следующий факт. Престарелая женщина, живущая постоянно в семье своего сына, шовгеновского колхозника, но часто гостящая в семье другого сына, работающего в г. Майкопе, держит себя в этих семьях по-разному. Если в Майкопе она отнюдь не требует от невестки соблюдения каких-либо обычаев избегания, то в Шовгеновске она продолжает следить за выполнением основных запретов, в частности за тем, чтобы сын и невестка не ели в ее присутствии за одним столом.

В целом, таким образом, многие обычаи избегания, в значительной степени стершись в процессе социалистического переустройства адыгейского колхозного аула, все же продолжают удерживаться до сегодняшнего дня как один из последних пережитков староадыгейского семейного и общественного быта. Остатки избегания еще усложняют быт немалою числа адыгейских семей, мешают непринужденности семейно-родственных отношений, стесняют адыгейскую женщину и унижают ее человеческое достоинство. Все это сейчас хорошо осознается адыгейской общественностью и привлекает к себе внимание партийных и общественных организаций области. Так, в апреле 1960 г.

³⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, лл. 20, 21, 28-а, 102.

³⁵ Там же, лл. 41, 102.

³⁶ Там же, л. 28-а.

областная газета «Адыгейская правда», выступив с призывом активизировать борьбу с пережитками прошлого, уделила в одной из своих статей заметное место остаткам избегания: «Бывая в общественных местах,— говорится в статье,— можно зачастую видеть такую картину. Вечером после работы муж идет в кино, а жена остается дома. Или бывает так, когда жена и муж приходят вместе в клуб, но садятся отдельно, чтобы избежать «осуждения» пожилых людей... Считается позором, если муж помогает жене принести воды, сходить за продуктами и другое. Поэтому отдельные мужчины, прикрываясь обычаями, совершенно освобождают себя от домашних забот... Унижают и ставят в неравноправное положение женщину такие пережитки, как запрещение замужней женщине танцевать, ходить без косынки, разговаривать и показываться свекру, появляться вдвоем с мужем перед своими и его родителями»³⁷. Несовместимость остатков избегания с достоинством советской женщины подчеркивалась и на состоявшемся в апреле 1960 г. Адыгейском областном собрании актива женщин³⁸.

Ввиду сказанного первостепенное значение приобретает вопрос о практических мерах борьбы с продолжающимися еще пережиточно бытовать остатками обычаев избегания. Одной из таких действенных мер представляется нам широкая практика устройства комсомольских свадеб, отличающихся от традиционных свадеб в частности тем, что молодожены здесь сидят за одним столом со своими старшими родственниками, т. е. уже на пороге совместной жизни ломают традиции избегания. Подобные свадьбы в Адыгее хорошо известны: так, в селе Кошехабль в 1959 г. была проведена показательная комсомольская свадьба в колхозном клубе; в Шовгеновске в 1955—1960 гг. также были отпразднованы три комсомольские свадьбы³⁹. Однако эти свадьбы пока еще редки, и задача состоит в том, чтобы их популяризировать, превратить в общераспространенное явление.

Интересный опыт активизации борьбы с остатками избегания был проделан в Кабардинской АССР, где в начале 1960 г. провели вечер молодых невесток с участием их свекровей⁴⁰. Следует популяризировать и этот опыт, добиваясь, чтобы за первым «вечером невесток и свекровей» последовала серия аналогичных вечеров в Кабарде, Черкессии, Адыгее, Абхазии и других республиках и областях Кавказа, где традиции избегания еще являются не разрешенной до конца проблемой социалистического переустройства семейного и общественного быта.

Немалое значение для окончательной ликвидации остатков избегания может иметь лекционная пропаганда, в постановке которой важную роль призваны сыграть этнографы. Разработанные этнографическими учреждениями примерные тексты лекций о происхождении и содержании обычаев избегания могли бы быть широко использованы сетью культурно-просветительных органов на местах, помогли бы показать, что эти давно уже ставшие бессмысленными и вредные обычаи не имеют ничего общего с положительными традициями народа.

Сейчас, когда на путях перехода к коммунизму перед народами нашей страны стоит задача усилить борьбу с сохранившимися в быту и сознании советских людей вредными пережитками досоциалистических формаций, необходимо ускорить полное изживание одного из таких пережитков — обычаев избегания.

³⁷ Газ. «Адыгейская правда», 12 апреля 1960 г., № 73.

³⁸ Стенограмма Адыгейского областного собрания актива женщин (апрель 1960 г.). Архив Адыгейского обкома КПСС.

³⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, оп. 361, л. 56.

⁴⁰ Стенограмма Адыгейского областного собрания актива женщин (апрель 1960 г.).

SUMMARY

Before the October Revolution the practices of «avoidance» persisted among the Adyge population — a totality of taboos observed by man and wife in respect of each other, their children and certain categories of relatives and kinsmen. Emerging in times long past, in the process of transition from group to individual marriage, and from matriarchal to patriarchal society, these taboos were initially imposed on both spouses, but with the development of patriarchal and feudal-patriarchal relations they came to be observed mostly by women. The «avoidance» practices considerably impaired the family and social status of Adyge women and had a negative effect on the upbringing and position of children.

After the October Revolution the general efforts for the socialist reconstruction of Adyge Region and the active struggle against the harmful survivals of the feudal-patriarchal way of life resulted in a comparatively rapid obliteration of «avoidance». Nevertheless, some of these practices, in lessened or modified form, persist to this day, rendering more complicated the life of many Adyge families, hampering natural family life and relations, and standing in the way of Adyge women. The public of Adyge believes that in the transition period from socialism to communism, when the peoples of the Soviet country are confronted by the task of intensifying their struggle against the harmful survivals of pre-socialist formations, it is essential promptly to put an end to all «avoidance» practices — one type of such harmful survivals. Material help in this respect should be rendered by Soviet ethnographers specializing in the Caucasus.

Т. А. ЖДАНКО

ПРОБЛЕМА ПОЛУОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА *

Этнографическая наука давно уже переросла тот уровень, когда все народы Средней Азии и Казахстана упрощенно делились на кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев, резко противопоставлявшихся друг другу; создателями древней среднеазиатской культуры считались лишь земледельческие народы, хотя и они, по мнению многих историков и этнографов, создавали цивилизацию не самостоятельно, а заимствовали ее из Ирана, Индии, Китая и арабских стран. Что же касается кочевников-скотоводов, обитателей обширного пространства пустынь, полупустынь и степей, гигантским полукольцом охватывающих с севера, запада и юго-запада среднеазиатские оазисы,— то историческая миссия этих племен и народов рассматривалась обычно как отрицательная, губительная для судеб среднеазиатской культуры вследствие постоянных жестоких военных нападений на земледельческие области Средней Азии «варваров»-кочевников, разрушавших города, ирригационные сооружения, опустошавших селения и истреблявших жителей. Некоторые авторы были склонны рассматривать весь исторический процесс в странах Востока как извечную враждебность и борьбу «степи и оазисов».

Доказательством сравнительно широкого распространения такого рода концепций в дореволюционной литературе может служить следующая цитата из многотомного географического труда «Россия», издававшегося в 1900-х годах под руководством видных ученых, деятелей Русского географического общества: «...едва, под влиянием более счастливых условий, в Туркестане начинали проявляться слабые признаки культуры, как новые волны полудиких кочевьяков заливали страну, сметая все на своем пути и обращая цветущие оазисы в мертвые пустыни. Так протекали века и тысячелетия в борьбе кочевых элементов с непонятною и ненавистною им оседлою культурой, в борьбе между варварским Тураном и сравнительно просвещенным Ираном»¹.

В настоящее время подобные взгляды на историческую роль степных племен сохранились лишь в зарубежной литературе, притом преимущественно у наиболее реакционных историков, упорно продолжающих рассматривать историю народов Средней Азии как «историю постепенного завоевания и разрушения великой иранской цивилизации варварскими тюркскими племенами»².

* Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада автора на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (август 1960 г.)

¹ В. И. Масальский, Туркестанский край, «Россия», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1913, стр. 273.

² R. Pipes, Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects, «The Middle East Journal», Washington, т. 9, № 3, 1955, стр. 306.

Развитие исторической науки, в частности в академиях наук и других научных учреждениях Средней Азии и Казахстана, позволило поднять новые фонды архивохранилищ, ввести в научный оборот многочисленные нарративные восточные источники, широко поставить и провести на высоком научном и техническом уровне археологические раскопки в степях, пустынях и горах, прежде трудно доступных ученым-археологам, детализировать и уточнить наши знания о быте и культуре народов Средней Азии и Казахстана путем этнографических работ, которые стали проводиться методом сплошного историко-этнографического обследования целых областей и республик.

Эти научные работы дали возможность глубже и разностороннее изучить важнейшие теоретические проблемы истории и этнографии Средней Азии и Казахстана, в частности проблему истории взаимоотношений степных племен и народов с оседлыми земледельцами. Благодаря археологическим исследованиям не только доказана самостоятельность и самобытность развития культуры оседлых народов Средней Азии с древнейших времен, но и рухнула пресловутая буржуазная «теория» о «дикости» и «бескультурии» степных народов. В научной литературе появились серьезные труды, посвященные истории архитектуры и искусства казахов, киргизов, туркмен³. Не подлежат сомнению культурные взаимовлияния между земледельческими и степными народами; на археологических материалах из центров среднеазиатской цивилизации с древнейших времен прослеживается сильное влияние своеобразных форм культуры и искусства «варварских» степных племен.

Стал уже неоспоримым тот факт, что в основе взаимоотношений «степи и оазисов» на протяжении многовековой истории лежали мирные хозяйственные связи. Эти связи были обусловлены общественным разделением труда, возникшим еще на грани зарождения классового общества в результате выделения из комплексного хозяйства, характерного для первобытно-общинного строя, кочевого скотоводства как особой отрасли хозяйства. Кочевники-скотоводы не могли существовать изолированно от земледельческого населения; между ними издревле установилась регулярная торговля, практиковался обмен продуктами скотоводства на хлеб и ремесленные изделия⁴. Центрами ее были стоявшие на караванных путях города и крупные ремесленные поселения, развалины которых, относящиеся к эпохе античности и средневековья, обнаружены теперь не только в оазисах, но и в глубине степей и пустынь.

Выяснилось, что роль в историческом процессе пресловутых «разбойничьих» нападений кочевых орд на земледельческие оазисы сильно преувеличена. Вторжения кочевников, разумеется, были, они большей частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить экономическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани. Однако эти военные нападения чередовались с длительными периодами

³ См., например: А. Х. Маргулан, Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950; А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов, Архитектура Казахстана, Алма-Ата, 1959; А. Н. Бернштам, Архитектурные памятники Киргизии, М.—Л., 1950; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Архитектура туркменского народного жилища, Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953, и др.

⁴ «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955 (выступления на сессии В. С. Батракова, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова); см. также: В. С. Батраков, Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем, Ташкент, 1958.

мирных связей; как правильно отмечал известный советский историк среднеазиатского средневековья А. Ю. Якубовский, «всюду, где в феодальную эпоху по соседству жили земледельческие и кочевые общества, военные набеги за добычей сменялись мирным торговым общением. История Средней Азии, Монголии, Китая полна фактами этого рода»⁵.

Однако едва ли не самым важным достижением в разработке проблемы взаимоотношений кочевых и земледельческих народов является научная дифференциация прежних представлений о кочевом и оседлом населении Средней Азии и Казахстана как двух его этнографических компонентах и выделение третьего этнографического компонента — полуседлого населения.

При том огромном разнообразии географических ландшафтов, которыми отличаются Средняя Азия и Казахстан, у местного населения на протяжении его многовековой истории сложились весьма разнообразные типы хозяйства. Это традиционное разнообразие не исчезло даже в настоящее время, в условиях бурного роста социалистической экономики, технической оснащенности сельского хозяйства и осуществления правительственных мероприятий по изменению неблагоприятных природных условий — орошению пустынь и степей, освоению целины, строительству крупных промышленных и культурных центров в самых отдаленных и отсталых прежде районах экстенсивного кочевого скотоводства.

Экономикогеографы нашей страны, изучая исторически сложившиеся типы хозяйства для научного обоснования хозяйственного районирования, устанавливают для Средней Азии и Казахстана несколько типов сельского хозяйства: два из них относятся к орошаемому интенсивному земледельческому хозяйству, один — к пастбищно-животноводческому (главным образом в пустынях Кара-Кум и Кызыл-Кум, на Памире и Центральном Тянь-Шане), а три — к смешанному типу, сочетающему в той или иной степени земледелие со скотоводством⁶. Наиболее детальную классификацию дает Ю. Г. Саушкин; он выявил на территории Средней Азии и Казахстана 15 типов сельского хозяйства, из которых лишь три скотоводческих (в Западном Казахстане, пустынях Кара-Кум и Кызыл-Кум, на Восточном Памире), а остальные — земледельческие и смешанные, сочетающие земледелие со скотоводством или скотоводство с земледелием⁷.

Известно, что этнографическая наука выработала свой принцип классификации хозяйственной деятельности народов — так называемые хозяйственно-культурные типы; это понятие включает не только экономикогеографические признаки, но и обусловливаемые в значительной степени географической средой и направлением хозяйства образ жизни, особенности материальной культуры — видов поселений и жилища, средств передвижения, пищи и т. д.⁸.

Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, впервые выявленные и описанные С. П. Толстовым в его курсе лекций по этнографии Азии в МГУ⁹, в настоящее время в связи с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана изучаются в

⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М., 1950, стр. 28.

⁶ «Экономическая география СССР», под ред. Г. Н. Черданцева и др., М., 1947, стр. 279.

⁷ Ю. Г. Саушкин, *Географические очерки природы и сельскохозяйственная деятельность населения в различных районах Советского Союза*, М., 1947, стр. 13—16, 273—421.

⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, *Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области*, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 4—5.

⁹ Классификацию С. П. Толстого см. в издании Ин-та этнографии АН СССР «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», М., 1959, стр. 163—164.

настоящее время более детально на этнографическом материале XIX — начала XX в. При этом выясняется, что из тринадцати природно-хозяйственных зон в дореволюционный период в шести преобладал хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев, в трех — хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов, часть которых знала примитивное нерегулярное земледелие, как поливное — лиманное, родниковое, булачное, так и богарное. И, наконец, большую группу — четыре природно-хозяйственные зоны — составляют территории с преобладанием культурно-хозяйственного типа полусседлых земледельцев и скотоводов, занимавшихся нерегулярным поливным каирным и лиманным земледелием в сочетании с пустынным пастбищным скотоводством, а зачастую и с рыболовством. Полуоседлое население располагалось на окраинах земледельческих оазисов (Хорезмского, Бухарского, Ташкентского, Мургабского и др.) и в низовьях и дельтовых областях среднеазиатских рек — Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Таласа, Чу и др. Другая группа полуоседлого населения занималась богарным и мелкооазисным «очаговым» поливным земледелием в сочетании с горно-пастбищным или отгонным скотоводством в районах предгорий, горных склонов и плоскогорий Средней Азии и Казахстана.

Уже сейчас при рассмотрении этнографического облика отдельных народов Средней Азии и Казахстана с точки зрения особенностей их хозяйственного уклада можно с полным основанием отметить, что тип полуоседлого хозяйства еще до присоединения этих народов к России, оказавшей большое влияние на рост земледелия и оседлости, был присущ в той или иной степени каждому из этих крупных народов: он встречался даже у древнейших земледельцев-таджиков (например, таджики-хардури и др. — в Байсунских и Кугистанских горах южного Узбекистана)¹⁰, имелся, как известно, у части узбеков (так называемые полукочевые группы в северном Хорезме, в Бухарском ханстве, в Самаркандской области и др.), имел довольно значительное распространение, наряду с кочевым и оседлым хозяйством, у казахов (в Семиречье, в долине Иртыша, у берегов Зайсана, на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи, на северных окраинах Хорезмского оазиса, в северо-западных районах Казахстана — в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы и др.). Развито было земледелие в сочетании со скотоводством и у некоторых групп киргизов (в Ферганской долине, Иссык-Кульской котловине, в бассейнах рек Чу и Таласа и др.). Комплексный тип хозяйства был органически присущ туркменам, с давних пор сочетавших скотоводство с земледелием, подразделяясь на «чарва» и «чомуров»; в особенности же он был характерен для каракалпаков, у которых имел наиболее глубокие корни, сохраняя в XIX — начале XX в. в виде пережитков многие черты пастушеско-рыболовческо-земледельческого типа хозяйства древнейших племен Приаралья.

Можно сказать, что в результате новейших исследований кочевнический мир как бы дифференцируется, в нем все с большей отчетливостью выявляется облик полуоседлого населения и выясняется его историческая роль. Многочисленными данными подтверждается известный тезис К. Маркса: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹¹. Сейчас уже невозможно схематическое деление населения Средней Азии и Казахстана лишь на «чистых» кочевников или земледельцев. «По-видимому, — писал

¹⁰ См.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVII, М., 1957, стр. 18—19.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 73.

еще в 1930-х годах С. П. Толстов, — «...элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство»¹².

Главными этнографическими чертами, общими для разных групп полуседлого населения Средней Азии и Казахстана, можно считать: комплексный тип хозяйства — сочетание слабо развитого, экстенсивного поливного и богарного земледелия со скотоводством, а в некоторых районах и с рыболовством; натуральный характер хозяйства: товарность его меньшая, чем у кочевников-скотоводов, легко передвигающихся со своими стадами на большие расстояния — к оазисам и торговым городам; оседлость неустойчивая; основной вид жилища — юрта, в которой живут и зимой; иногда юрта сочетается с постройками оседлого типа; в утвари сильны черты кочевого быта. То же можно сказать и о пище (виды и способы приготовления молочных продуктов). В домашних промыслах повсеместно развито ковроткачество. Для общественной и семейной жизни полуседлых племен было характерно не менее устойчивое, чем у кочевников, сохранение пережитков родоплеменного деления и патриархально-родового быта. В аульной общине — скотоводческой и земельно-водной — сильны пережитки родовой общины. Формы эксплуатации в XIX — начале XX в. патриархально-феодалы¹³.

По своему общему социально-экономическому уровню полуседлое население в этот период далеко не всегда представляло собой среднюю, переходную ступень между отсталыми кочевниками и жителями оазисов; в большинстве случаев население с таким хозяйственно-бытовым укладом было на одинаковом уровне развития с кочевыми скотоводами или даже отставало от них, так как не только в XIX и начале XX в., но и значительно ранее специализированное товарное кочевое скотоводство составляло отрасль хозяйства преимущественно зажиточной прослойки кочевников¹⁴ и в своей основе было более прогрессивным экономически по сравнению с полуседлым комплексным хозяйством. Несмотря на многие общие этнографические черты, полуседлое население Средней Азии и Казахстана неоднородно и по историко-этнографическому признаку делится на две большие группы. К первой из них относятся переселившиеся из степей кочевники-скотоводы, осевшие в культурной полосе оазисов и примыкающих к ним районов. Обычно, когда говорят о полукочевом (полуседлом) населении, подразумевают именно эту группу; она наиболее известна по исторической литературе. Крупные и мелкие родоплеменные группы, пришедшие из соседних степей, существовали среди оседлых земледельцев, начиная с древнейших времен. Во многих случаях это были завоеватели, селившиеся на уже освоенных поливных землях и постепенно перенимавшие ирригационные и земледельческие приемы окружающего населения, переходя к постоянной оседлости (например, узбеки северного Хорезма — потомки дештикипчацких узбеков). Вероятно, среди пришельцев были и полуседлые племена, которым их хозяйственные навыки помогали быстрее перейти полностью к оседлости и земледелию. У других же этнографических

¹² С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия ГАИМК», вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 171.

¹³ Т. А. Жданко, Аульная община у каракалпаков, «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период» (цит. выше); ее же, Патриархально-феодалы отношения у полуседлого населения Средней Азии (доклад), «Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов», Ташкент, 1958, стр. 628—638.

¹⁴ С. П. Толстов, Города гузов (Историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 89, 100; егo же, Выступление на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, «Материалы объединенной сессии...», стр. 554—555; В. С. Батраков, Хозяйственные связи кочевых народов..., стр. 17 и др.

групп переходный период постепенного оседания затянулся на несколько веков, и они до недавнего времени продолжали вести полuosедлый образ жизни. К таким группам относятся потомки средневековых дешти-кыпчакских племен (локайцы, кыпчаки, дурмены и др.) и даже более древних тюркских племен, известные нам среди узбеков (этнографические группы тюрк, карлук, барлас и др.). По своему образу жизни и общему этнографическому облику они значительно отличались от узбеков (сартов) — потомков древнего населения оазисов и хранили многие кочевнические традиции в культуре и быту.

К этой же первой группе можно отнести оседавших на окраинах оазисов бедняков-казахов, имевших мало скота или совсем его не имевших. История их оседания ко времени Октябрьской революции насчитывала не сотни, а лишь десятки лет. Это так называемые жатаки, переходившие к земледелию вследствие того, что они оставались без скота в результате острой имущественной дифференциации казахского кочевового аула, главным образом в XIX — начале XX в.

Однако у казахов была и другая, более древняя группа полuosедлых «жатаков», хозяйство и быт которых ближе соответствовали историческому значению этого средневекового термина¹⁵.

Ко второй, основной и более многочисленной группе полuosедлого населения относятся большинство туркмен, каракалпаки, узбеки-аралы и часть присырдарьинских казахов — потомки племен и народов, у которых этот хозяйственно-культурный тип преобладал на протяжении всей их дооктябрьской истории: в древности, раннем и позднем средневековье. Жители пустынь и степей, приозерных районов и побережья степных рек, пустынных обширных дельтовых областей унаследовали архаические традиции комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного хозяйства, возможно, еще от здешнего населения эпохи бронзы. Это исконные земледельцы и столь же исконные скотоводы и рыболовы.

Они владели искусством мелиорации болотистых местностей, умели использовать для полевового земледелия все возможные водные ресурсы: дельтовые протоки, озера, временные водные источники — разливы рек, скопления атмосферных осадков. Но районы их обитания отличались суровыми и изменчивыми природно-хозяйственными условиями, и несмотря на их умение применяться к природе земледелие их было неустойчивым, вызывало необходимость постоянно менять угоды. «Земледелие не делает их оседлыми», писал в начале XIX в. Левшин о присырдарьинских казахах¹⁶. В случае частых стихийных бедствий (наводнения, изменение течения дельтовых протоков, пересыхание озер и др.) эти кочующие земледельцы переселялись со своими юртами и имуществом в другие местности или переключались в основном на другие отрасли своего хозяйства, издавна ими так же хорошо освоенные и такие же традиционные: скотоводство, рыболовство.

История туркмен, каракалпаков, присырдарьинских казахов характерна многими примерами, доказывающими динамичность их хозяйственного уклада, умение в случае необходимости переходить от земледелия к скотоводству и, наоборот, от скотоводства к земледелию — в зависимости от природных условий и от исторических судеб, поскольку не только природные бедствия постоянно преследовали их, но и частые посягательства владетелей соседних областей.

Отличительной чертой скотоводства полuosедлых народов была большая доля в их стадах крупного рогатого скота; в полевоводстве большое

¹⁵ Махмуд Кашгарский (XI в.) обозначал термином «ятуку» (лежащий, оседлый) все полuosедлое население, в частности жителей огузских городов (см.: С. П. Толстов, Города гузов, стр. 56).

¹⁶ А. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 199—200.

значение имела культура проса. Перевозочным средством в придельтовых областях Приаралья служила испокон веков арба, а в пустынях — верблюд и лошадь. Приморские племена туркмен и каракалпаков выработали свои типы рыбацких лодок.

Эта группа полуседлого населения с исконным комплексным хозяйством с точки зрения особого этнографического своеобразия представляет наибольший интерес. Главные районы формирования ее в Средней Азии — Приаралье и северо-восточная Туркмения. В Приаралье, где уже более двадцати лет ведет свои исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР, этот хозяйственно-культурный тип был впервые открыт С. П. Толстовым, описавшим его в работе «Города гузов»¹⁷. Он сопоставил в этом труде новые археологические материалы и наблюдения, сделанные при обследовании городищ Куюк-кала и Куюк-Кескен-кала, расположенных в устье Сыр-Дарьи, близ Казалинска¹⁸, со сведениями восточных авторов XI в. ал-Идриси, Махмуда Кашгарского и других и пришел к заключению, что у аральских племен раннего средневековья, как и у их предков — древних племен, населявших эту территорию, доминировало комплексное хозяйство, а образ жизни был полуседлым. Так, у огузов, наряду с кочевым жилищем, существовали и постоянные укрепленные поселения. Сравнивая свои материалы с имеющимися сведениями о некоторых других «кочевых» народах этого же времени, С. П. Толстов высказал предположение, что близкую аналогию хозяйственному укладу аральских огузов представляли, видимо, хазарское полукочевое земледелие, сочетающееся с рыболовством, хакаское (енисейско-кыргызское) ирригационно-земледельческое хозяйство и др. Наиболее ярким этнографическим реликтом этого древнего хозяйственного уклада в Средней Азии, по его мнению, является традиционный тип хозяйства каракалпаков¹⁹.

Со времени первых авиаразведок и обследования приаральских «болотных городищ» Хорезмской экспедицией прошло пятнадцать полевых сезонов ее работ, и за этот период значительно обогатились археологические материалы, характеризующие быт степных племен Приаралья. Изыскания велись как в нынешних дельтовых областях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, так и в районах сухих древних русел этих великих среднеазиатских рек — на Дарьялыке, Узбое и в Сарыкамышской котловине, на Акча-Дарье, Жаны-Дарье, Куван-Дарье и Инкар-Дарье. Многие из этих пустынных районов дважды и даже трижды обследованы археологическими маршрутными отрядами экспедиции; открыто и раскопано множество памятников степных племен разных исторических периодов — от неолита и бронзы до античности, средневековья и более поздних времен, вплоть до XVIII—XIX вв.

Теперь уже не только письменные источники, но и обширный накопившийся археологический и историко-этнографический материал убедительно подтверждают господство полуседлого образа жизни у большинства степных племен Приаралья и историческую преемственность здесь данного типа хозяйства и быта. Традиции примитивного комплексного хозяйства эпохи бронзы передаются «варварским» полукочевым сако-массагетским племенам эпохи античности — носителям кокача-тенгизской культуры²⁰ бассейнов низовий Акча-Дарьи и древней Жаны-Дарьи апасиакам, строившим своеобразные крепости, поселения и величественные погребальные сооружения (Чирик-рабат, Бабиш-

¹⁷ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 70—71, 99—100.

¹⁸ Там же, стр. 57—70.

¹⁹ Там же, стр. 75.

²⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 109.

мулла, Баланды²¹), а также тохарам, создавшим у берегов Куван-Дарьи так называемую джеты-асарскую культуру с характерными для нее большими общинными домами, в кирпичные стены которых клали для укрепления кости крупного домашнего рогатого скота и лошадей; в этих домах найдено множество заполненных просом хозяйственных ям, зернотерки, рыболовные крючья, грузила от рыбачьих сетей²².

Для следующего хронологического периода — первой половины и середины I тысячелетия н. э., характерны раскопанные экспедицией памятники хионитов-эфталитов; среди них — ставка одного из вождей этих племен замок Барак-там (рубеж IV и V вв. н. э.), возведенный из сырцового кирпича, но с перекрытием и планировкой центрального зала, подражавшими по своей конструкции кочевнической юрте. В замке найдены фрагменты ворсового ковра, по расцветке и технике плетения близко сходного с ковровыми изделиями каракалпаков и казахов. О скотоводческом направлении хозяйства в округе Барак-тама говорит, в частности, оригинальный архитектурный прием расклинки кирпичей сводов вместо керамических черепков костями домашних животных, а о роли земледелия свидетельствуют следы многочисленных поселений, полей и ирригации на огромных такырах в окрестностях этого памятника²³.

Экспедицией исследован и ряд других памятников хионито-эфталитских племен, в том числе Куюк-кала в горах Кушкана-тау, где наряду с кирпичными жилыми домами оказались круглые кирпичные выкладки, на которые, очевидно, устанавливались юрты. Находки, сделанные во время раскопок, говорят о занятиях населения скотоводством, земледелием и ремеслами. Но керамика здесь, как и в барактамских поселениях, не только ремесленная — много фрагментов грубой, лепной, с характерным архаическим прочерченным орнаментом, восходящим к эпохе бронзы, или же с типично кочевническими узорами — стилизованными завитками бараньих рогов и др.²⁴.

На многих городищах этого времени хионито-эфталитские слои перекрыты более поздними, относящимися к тюркским степным полукочевым племенам средневековья.

Кроме укрепленных «городов гузов» (Янгикент, Дженд, Куюк-кала и Куюк-Кескен-кала близ Казалинска), экспедицией обнаружены и исследованы за последние два года в бассейне Жаны-Дарьи крупные сельские поселения огузов (Иркибай, Мурзалы и др.); добытые там материалы говорят о сочетании у огузов земледелия со скотоводством и ремеслами²⁵.

Интересно также поселение XII—XIV вв., открытое в 1959 г. к югу от бугра Уйгарак: это, видимо, развалины небольшого ремесленного центра, с остатками кирпичных домов, следами улиц. К поселению-городку непосредственно прилегают хорошо сохранившиеся каналы и поля, а на большинстве участков этих полей вместо развалин замков-усадеб, которые мы привыкли видеть в средневековом Хорезме, явственно обнаруживаются круглые обваловки юрт и следы хозяйственных

²¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 56—58, 98—99; его же, Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим данным, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 143—149.

²² С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 235—252.

²³ Е. Е. Неразик и М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки Барак-тама I в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959, стр. 81—95.

²⁴ Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт, Куюк-кала, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, 1959, стр. 128—142.

²⁵ В 1960 г. экспедицией открыты обширные районы сельских поселений огузов на верхнем отрезке сухого русла Инкар-Дарьи (см. С. П. Толстов; Приаральские скифы и Хорезм, доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960).

помещений полукочевых земледельцев, тюрков-огузов, характерная керамика которых встречается на городище и на полях.

Не менее богатый материал о полуседлых народах накоплен у археологических и этнографических отрядов экспедиции, изучающих историю хозяйства и быта потомков древних и средневековых племен Приаралья — туркмен, каракалпаков, узбеков северного Хорезма и др. Несколько лет на Сарыкамыше продолжалось исследование позднесредневековых (XV—XVII вв.) поселений туркмен племени хыдыр-эли, создавших по склонам Сарыкамышской котловины своеобразные ирригационные системы из глинобитных валов-акведуков с желобами и водоподъемными сооружениями для полива своих полей водами существовавших тогда пресных сарыкамышских озер. На полях здесь сохранились круги от юрт, остатки гончарных, железоплавильных и хлебных печей, жернова и другие предметы быта жителей полуседлых аулов²⁶.

Давно изучаются и более поздние (XVIII — начала XIX в.) памятники земледельцев-скотоводов туркмен и каракалпаков на развалинах их аулов, покинутых из-за пересыхания рек и орошавших поля каналов; ныне эти селения расположены в пустынных местностях близ сухих русел Дарьялыка, Жаны-Дарьи и др. Этот вид поздних памятников исследуется комплексными археолого-этнографическими отрядами экспедиции²⁷.

Наконец, многолетние работы Каракалпакского, Туркменского, Североузбекского этнографических отрядов экспедиции среди современного населения Кара-Калпакской АССР и Ташаузской области Туркменской ССР дали обширные материалы об особенностях полуседлого быта и детальные сведения о конкретных исторически существовавших в XIX — начале XX в. аульных общинах и отдельных семьях, ведших комплексное хозяйство, традиции которого сохранились здесь в силу особых природных и исторических условий. Результаты большинства этих исследований опубликованы²⁸.

Во время полевой этнографической работы в Кунградском, Тахта-Купырском, Муйнакском районах Кара-Калпакской АССР, на Урге, в Караджаре и на островах Аральского моря у местных казахов выявлено много сходных черт хозяйства и быта с каракалпаками и узбеками северного Хорезма. В особенности близкими к каракалпакам по образу жизни и культуре оказались казахи-алимы²⁹.

Несмотря на обширность и убедительность накопленных за последнее время археологических и этнографических данных, важная проблема полуседлого населения безусловно требует дальнейших, более широких и углубленных исследований не только на территории Приаралья, охватываемой работами Хорезмской экспедиции, но и в других районах Средней Азии и Казахстана.

²⁶ С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко, История средневекового Сарыкамышского озера, «Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии», М., 1955 (описание ирригации — см. стр. 54—71).

²⁷ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТуркмССР», 1957, № 2; и х же, Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, М., 1958; Б. И. Вайнберг, К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме, «Сов. этнография», 1959, № 5.

²⁸ См.: Труды Хорезмской экспедиции, т. I, 1952; тт. II и III, 1958; «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, 1959; вып. 4, 1960.

²⁹ Т. А. Жданко, Этнографические работы в рыболовецких колхозах на островах южного Арала, Доклад на отчетно-экспедиционной сессии Ин-та этнографии и Ин-та археологии АН СССР в 1959 г. (рукопись).

SUMMARY

The development of historical science and comprehensive ethnographical investigations have resulted in a more profound study of the problem of relationships between the steppeland tribes and peoples of Central Asia, on the one hand, and the population of agricultural oases, on the other. This led specifically to discarding the formerly current view according to which all peoples of Central Asia and Kazakhstan were divided, depending on their way of life, into two groups — nomads and settled agriculturists, sharply opposed to each other; they were supposed to be in a state of permanent conflict. New studies have proved that relations between these two groups were dominated not by conflicts but by close economic and cultural ties. Moreover, another major ethnographic component has been clearly traced — the semi-nomadic population, which from ancient times until recently played an important part in the history of Central Asia.

The main ethnographic features of the semi-nomadic population groups, existing among all Central Asian peoples but particularly widespread among the Kara-Kalpaks and Turkmenians, are a combined type of economy (extensive irrigated or dry farming coupled with cattle raising, and in some areas with fishing); the predominance of a self-sufficient economy; unstable settlement; the main type of dwelling among these population groups was the yurt, sometimes coupled with dwellings typical of the settled population.

The archeological and ethnographic materials of the Khwarizm Expedition, in whose work the author of the present article took part, enable us to gain a better insight into the traditional features of the economy, culture and customs of the semi-nomadic peoples of the Aral Sea area (the Kara-Kalpaks, Turkmenians and some of the Kazakhs), which emerged in the peculiar natural setting of the extensive Amu Darya and Syr Darya delta area in the course of the centuries-long process of their ethnic formation.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. Г. ЛЕВИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЯПОНИИ

Литература по антропологии Японии, относящаяся как к прошлым десятилетиям, так и к недавним годам, довольно богата исследованиями, посвященными отдельным локальным группам японского народа.

Не касаясь старых работ¹, укажем некоторые из новейших исследований, принадлежащих японским авторам. Они опубликованы в специальном японском антропологическом издании «Дзинруйгаку Сюхо»² и некоторых других органах. Это работы Мацуда по японцам префектуры Мие³, Фуруя — по японцам области Санъин⁴, Хироси — по японцам провинции Кинки⁵, Кохама и Като по антропологии уроженцев острова Садо⁶, Кохама и других по антропологии уроженцев острова Оки⁷.

К сожалению, программа как старых, так и новых исследований японских авторов ограничивается немногими измерительными признаками. Статистические данные по описательным признакам, весьма существенным для целей расового анализа, в литературе почти отсутствуют.

Изложение материалов отдельных работ потребовало бы много места. Основное, что можно почерпнуть из них, состоит в отмеченных авторами указанных публикаций значительных различиях по отдельным признакам между локальными группами даже небольших территорий. Так, в материалах Мацуда по японцам префектуры Мие выявляются различия в антропологических признаках между группами населения отдельных частей этого сравнительно небольшого района. Эти различия автор связывает с географическими условиями — наличием горных

¹ Обзор их дан в нашей книге «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXXVI, 1958).

² Издается лабораторией анатомии факультета медицины университета Ниигата. Имеет и английский заголовок «Anthropological Reports». Статьи снабжены кратким резюме на английском языке.

³ H. Matsuda, Somatological Studies on the Inhabitants in Mie Prefecture, «Anthropological Reports», 1959, № 23.

⁴ T. Furuya, A Study of Physical Anthropology on the Inhabitants in San-in-District, «Anthropological Reports», 1959, № 24.

⁵ S. Hiroishi, Physical Anthropology of Kinki District. Somatometrical Studies on the Inhabitants in Shiga Prefecture, «Anthropological Reports», 1959, № 24.

⁶ M. Kohama and S. Kato, A Supplement to the Somatometry in Sado Island, «Anthropological Reports», 1957, № 18.

⁷ M. Kohama, S. Kato, I. Wakisaka, T. Furuya, A Supplement to the Physical Anthropology of the Oki Islands, «Anthropological Reports», 1958, № 2.

цепей (горы Судзука между Ига и Исэ и горы Кии между Исэ и Куманонада). Эти горные цепи, хотя они и невысоки (около 1000 м), препятствуют сообщениям и смешению населения соседних территорий.

В работе отмечены различия в антропологическом типе жителей равнины и горных районов; в последних головной указатель несколько выше, высотный диаметр головы меньше, длина тела также меньше.

Влияние географических условий (наличие хребтов, препятствующих общению между отдельными группами) на антропологический состав населения разных частей префектуры Сига подчеркивает и Хироси.

Новейшая обобщающая работа по антропологии японцев принадлежит известному японскому антропологу Мотоцугу Кохама. Это статья, опубликованная в 1960 г. и озаглавленная: «Антропометрическое изучение японцев. О локальных различиях и происхождении японцев»⁸. М. Кохама, как и другие японские антропологи, оперирует только измерительными признаками⁹.

В статье приведены многочисленные диаграммы, в которых по отдельным признакам и суммарно — по методу средних разниц — японцы (две группы: японцы Тохоку и японцы Кинаи) сопоставлены с айнами, корейцами, маньчжурами, монголами-халха, ороками Сахалина, китайцами Шаньдуна, папуасами, эскимосами, чукчами, ламутами, коряками, камчадалами и таи.

Цифровые характеристики отдельных локальных групп японцев в рассматриваемой работе, к сожалению, отсутствуют. Карта приведена только одна — распределения головного указателя по Японии (с разбивкой амплитуды вариаций на 3 категории: x — 80,9, 81,0—81,9, 82,0— x).

Основные выводы сформулированы автором следующим образом: японцев в целом можно разбить на две большие группы: 1) группа Тохоку-Уранихон занимает Тохоку до северных районов Канто включительно, побережье Японского моря, северную часть Кюсю и прилегающие острова; 2) группа Кинаи занимает в основном район Кинаи (т. е. префектуры Киото, Осака, Нара), доходит к западу по побережью Внутреннего моря до Кюсю, достигает островов Цусима, а на восток по тихоокеанскому побережью простирается до южного Канто. Таким образом, остров Хонсю в центрально-западной части разделяется границей распространения этих групп по линии, идущей с северо-востока на юго-запад.

К японцам группы Тохоку наиболее близки айны, к японцам группы Кинаи — корейцы. Наиболее репрезентативные для группы Кинаи японцы даже ближе к корейцам, чем к японцам Тохоку. Но и на западе Японии, особенно на прилегающих островах, немало индивидов, похожих на айнов. Очевидно, заключает автор, группа Тохоку раньше была характерна для всей Японии. В дальнейшем имело место переселение из Кореи; пришельцы прошли Внутренним морем, достигли Кинаи и привнесли новые признаки. Об этом свидетельствуют отдельные островки — реликты типа Тохоку в окружении типа Кинаи. Население области Тохоку первоначально было представлено айнами, которые в результате многократных смешений с японцами — древними людьми Ва — дали современный тип Тохоку.

⁸ M. Kohama, An Anthropometrical Study of the Japanese. On the Local Differences and the Origin of the Japanese, «The Quarterly Journal of Anthropology», т. VII, № 1, 2. 1960.

⁹ Программа исследований, на которых основана работа Кохама, включает следующие размеры и индексы: длина тела, индексы, характеризующие пропорции тела (длина руки, длина ноги, позвоночника, выраженные в процентах длины тела), три основных диаметра головы и их указатели, скуловой диаметр, лицевой указатель, высота и ширина носа и носовой указатель.

В рассматриваемой статье не приведены материалы и не изложены аргументы, обосновывающие выделение двух групп — Тохоку и Кинаи, что для решения вопроса о локальных типах среди японцев представляло бы наибольший интерес. Автор указывает, что различия между упомянутыми группами особенно ярко проявляются в головном указателе.

Карты распределения других признаков в работе Кохама, как говорилось, не представлены, и мы не можем судить о том, насколько они согласуются между собою. Но даже для головного указателя, судя по приведенной карте, картина более сложная: в провинции Канто представлены все три категории величин головного указателя; то же мы видим и на острове Кюсю. Вряд ли можно сомневаться в том, что только по измерительным признакам, исключив важнейшие для расовой диагностики описательные признаки, неправомерно судить о степени морфологической близости и генетических связях антропологических типов, как это делает Кохама (в работе отсутствуют к тому же некоторые важные для диагностики измерительные признаки и привлечены такие, расово-таксономическое значение которых недостаточно обосновано).

Автор пользуется, как мы указывали, методом средних разниц. Недостатки этого метода, умноженные в рассматриваемой работе неудачным выбором признаков для сопоставления групп, выступают здесь очень отчетливо.

В целом, опубликованные в литературе материалы по антропологии Японии следует признать крайне недостаточными для освещения вопросов древней этнической истории японского народа, в первую очередь вследствие неполноты программы проводившихся исследований и существенных недостатков в приемах анализа и характере публикации полученных разными авторами данных.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы в значительной степени восполняют указанный пробел. Эти материалы собраны в результате антропологического обследования японцев-военнопленных во время Великой Отечественной войны¹⁰. Обследование проводилось по той же программе и методике, которые применяются антропологами московской школы в работах по изучению антропологического состава народов СССР¹¹.

Общее число исследованных превышает 10 тыс. чел. Собранный материал относится к уроженцам всех районов Японии. Лишь немногие префектуры представлены в наших материалах числом исследованных меньше 100 человек¹².

¹⁰ Исследование контингентов военнопленных для получения массового антропологического материала практиковалось, как известно, в разных странах в годы и первой, и второй мировой войны. Опубликовано, в частности, и работы, основанные на антропологических обследованиях советских военнопленных разных национальностей.

¹¹ Программа обследования включает 16 измерительных признаков и 30 описательных, — т. е. признаков, определяемых при помощи шкал или системы баллов (пигментация, развитие третичного волосяного покрова, описательная характеристика строения мозгового и лицевого отделов головы, мягких частей лица).

¹² В исследованиях по этнической антропологии важнейшее значение имеет выявление территориальных различий в антропологическом типе населения той или иной области или страны. Это может быть достигнуто при получении массового материала, его однородности по возрасту и другим показателям, его более или менее равномерном распределении по рассматриваемой территории, при соблюдении сходных условий наблюдения и, что представляется особенно существенным, при должной унификации методики исследования. При сборе рассматриваемых нами материалов указанные условия смогли быть соблюдены в должной мере. Все антропологи, участвовавшие в обследовании, прошли предварительную практику под руководством Г. Ф. Дебеца, который лично участвовал в работах. Все описательные признаки определялись им и автором настоящей статьи. Возможное влияние субъективной оценки в нашем случае сводится к минимуму, тем более, что уроженцы разных префектур примерно в равной доле исследовались разными участниками.

В настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением некоторых вопросов и приводим данные лишь по немногим локальным группам¹³.

Анализ собранных нами материалов свидетельствует о малой амплитуде вариаций отдельных признаков по территории Японии и большой пестроте в их географической дифференциации. Кривые распределения не обнаруживают сколько-нибудь заметных отклонений от нормальной; величины квадратических уклонений по отдельным признакам также не выходят за пределы обычных цифр. Средние величины по префектурам очень близки к средним, полученным для Японии в целом. В общем наши материалы позволяют заключить, что среди японцев представлен один, достаточно консолидированный антропологический тип.

При значительной однородности антропологического типа японцев у них все же намечаются различия в географическом сочетании признаков (см. таблицу на стр. 68—69). Наиболее отчетливо выявляются особенности антропологического типа уроженцев островов Рюкю. Эта группа характеризуется по сравнению со всеми другими самой малой длиной тела, наиболее низким, и абсолютно, и по указателю, лицом, самой темной пигментацией, наиболее сильным ростом бороды, бровей и волос на теле, слабым развитием складки века и эпикантуса, наиболее высоким носовым указателем, сильным выступанием крыльев носа.

Известную близость к этому типу обнаруживают уроженцы юго-восточной части острова Кюсю — префектуры Миядзак. Здесь мы находим сходное сочетание признаков: длина тела, и по японскому масштабу, небольшая, высота лица малая, морфологический лицевой указатель низкий, пигментация темная, носовой указатель высокий, развитие третичного волосяного покрова сравнительно сильное. Цифры головного указателя на Рюкю и на юго-востоке Кюсю несколько выше, чем средняя по Японии.

Другой центр сильного развития бороды мы находим на крайнем севере Главного острова и на Хоккайдо. Однако здесь это совпадает с сочетанием признаков, в значительной своей части противоположных тем, которые характерны для юга Японии. Уроженцы Хоккайдо характеризуются по сравнению с другими территориальными группами большой длиной тела, наиболее высоким лицом, наиболее светлой пигментацией (наибольшим процентом смешанных оттенков глаз), самым низким носовым указателем, слабым выступанием крыльев носа.

Наибольшую близость к уроженцам Хоккайдо обнаруживают уроженцы префектуры Аомори.

По головному указателю уроженцы Хоккайдо и северных префектур Хонсю попадают в категорию средних для Японии величин.

Своеобразное сочетание признаков обнаруживается на острове Сикоку. Уроженцы этого острова характеризуются в целом, по японскому масштабу, малой длиной тела, низким головным указателем, высоким носовым указателем, слабым ростом бороды. По пигментации, развитию эпикантуса, толщине губ, размерам лица средние по Сикоку близки к суммарным средним по Японии в целом.

Мы оставляем в настоящей статье вне рассмотрения вопрос о локальных вариантах в антропологическом типе японцев основных частей Хонсю и Кюсю. Отметим, что мозаичность в распределении признаков в этих областях проявляется в наибольшей степени, и локальные варианты, которые можно здесь различить, в целом близки к суммарному типу японцев.

Какова возможная расовая диагностика отмеченных нами выше географически приуроченных сочетаний признаков? В какой мере их

¹³ Подробная публикация подготавливается нами к печати.

можно связать с комплексами, распространенными за пределами Японских островов?

В опубликованной нами несколько лет назад работе¹⁴ мы, основываясь преимущественно на литературных данных, пришли к заключению о значительной однородности антропологического состава японцев; мы не смогли тогда выявить среди японцев локальные типы, имеющие определенные, более или менее значительные ареалы и связанные с расовыми типами вне Японских островов.

В настоящее время формулировки, данные в работе 1958 г., требуют уточнения и исправления. Если положение о том, что среди японцев представлен достаточно консолидированный антропологический тип, остается в силе, то вопрос о локальных вариантах и их связях с расовыми типами вне Японии получает несколько иное решение.

В какой степени выделенные выше географические сочетания признаков могут быть сопоставлены с описанными в литературе антропологическими типами?

В отношении того комплекса признаков, который был выявлен нами среди уроженцев Рюкю, поставленные вопросы могут быть решены, как нам представляется, с достаточной определенностью: этот комплекс обнаруживает явный сдвиг в сторону антропологического типа айнов.

Почти все особенности, отличающие антропологический тип уроженцев Рюкю от суммарного типа японцев — значительное усиление третичного волосяного покрова, более темная пигментация, ослабление монголоидных особенностей глазной области, увеличение носового указателя, меньшая высота лица и соответственно более низкий лицевой указатель, меньшая длина тела, — сближают рюкюсцев с айнами. Указанной диагностике противоречит сравнительно небольшая толщина губ у рюкюсцев¹⁵: айны характеризуются по сравнению с японцами более толстыми губами.

То же следует сказать и в отношении головного указателя: у рюкюсцев головной указатель по японскому масштабу сравнительно высокий, айны же, как известно, характеризуются по сравнению с японцами более низким указателем. Объяснить это противоречие нелегко¹⁶. Но какое бы решение этого вопроса ни было предложено, оно не может, по нашему мнению, опровергнуть тезис о наличии в составе уроженцев Рюкю айноидного компонента. Надо подчеркнуть, что речь идет не об айноидном типе у рюкюсцев, а лишь о некотором сближении их типа с типом айнов. Айноидный компонент в составе рюкюсцев лишь просвечивает сквозь толщу того комплекса признаков, который характерен для японцев в целом.

При такой антропологической структуре трудно было бы и ожидать, что все без исключения признаки современных районов проявятся у уроженцев Рюкю. Следует не только допустить, но и считать всего вероятнее, что айноидный компонент, вошедший в состав рюкюсцев, не по всем особенностям повторял признаки антропологического типа современных айнов Хоккайдо и Южного Сахалина, с которыми мы только и можем проводить сопоставление. Когда антропологу приходится иметь дело с реконструкцией древнего компонента в составе той или иной популяции, он должен учитывать многие обстоятельства: возможность отклонения в отдельных признаках в результате смеше-

¹⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока (цит. выше).

¹⁵ Частично в наших материалах сказывается различие в возрастном составе. Но и при перерасчете — приведении к стандартизованному возрасту — отличие рюкюсцев по этому признаку, хотя и несколько сглаживается, остается достаточно заметным.

¹⁶ Нельзя исключить возможность того, что в наших материалах по рюкюсцам оказалась недостаточная представительность выборки.

Группы Признаки	Япония, суммарно			Хоккайдо			Аомори, Ивате, А�ита		
	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ
Длина тела, см	9222	159,8 $\pm$ 0,1	5,4	101	161,2 $\pm$ 0,5	5,3	603	159,8 $\pm$ 0,2	5,4
Продольный диаметр, мм	9265	187,1 $\pm$ 0,1	6,3	101	188,5 $\pm$ 0,6	6,3	608	188,6 $\pm$ 0,2	6,0
Поперечный диаметр, мм	9265	151,5 $\pm$ 0,1	5,1	101	151,9 $\pm$ 0,5	4,9	608	153,0 $\pm$ 0,2	5,2
Головной указатель	9222	81,1 $\pm$ 0,1	5,4	101	80,9 $\pm$ 0,4	3,5	603	81,2 $\pm$ 0,1	3,5
Морфологическая высота лица, мм	10271	128,9 $\pm$ 0,1	6,4	102	130,8 $\pm$ 0,5	5,3	618	129,4 $\pm$ 0,3	6,3
Скуловой диаметр, мм	10271	142,0 $\pm$ 0,1	5,0	102	142,4 $\pm$ 0,5	4,7	618	142,8 $\pm$ 0,2	5,1
Морфологический лицевой указатель	10265	90,9 $\pm$ 0,1	5,1	102	91,9 $\pm$ 0,4	4,4	618	90,7 $\pm$ 0,2	5,0
Высота носа от нижнего края бровей, мм	10294	57,3 $\pm$ 0,0	4,1	103	58,6 $\pm$ 0,4	3,6	619	58,4 $\pm$ 0,2	4,0
Ширина носа, мм	10277	36,5 $\pm$ 0,0	2,4	103	36,2 $\pm$ 0,3	2,7	620	36,3 $\pm$ 0,1	2,4
Носовой указатель	10277	64,3 $\pm$ 0,1	6,1	103	62,6 $\pm$ 0,5	5,3	619	62,5 $\pm$ 0,2	5,7
Толщина губ, мм	10243	20,2 $\pm$ 0,0	3,1	103	20,3 $\pm$ 0,3	3,1	618	19,9 $\pm$ 0,1	2,9
Рост бороды, ср. балл (1—5; 1—очень слабый)	5401	1,71		48	1,98		324	1,70	
Цвет кожи, ср. балл (0—2; 0—светлый)	10067	0,81		100	0,77		609	0,77	
% смешанных оттенков глаз	10274	4,4		102	9,8		621	7,5	
Эпикантус, ср. балл (0—3; 0—отсутствие)	10286	0,90		103	0,86		621	0,81	

ния, изменения, вызванные условиями изоляции, влиянием среды и другие.

Мы не располагаем, к сожалению, данными, чтобы выявить роль того или другого из названных факторов в сложении антропологического типа рюкюсцев. Можно высказать предположение о том, что некоторое повышение у них головного указателя есть отражение процесса брахиоцефализации. Этот процесс, который установлен по палеоантропологическим материалам для японцев Хонсю¹⁷, протекал, очевидно, в южных районах с разной степенью интенсивности, что вне зависимости от расовых смещений могло привести к различиям в этом признаке у населения южных частей Японии¹⁸.

Вопрос о расовой диагностике варианта, характерного для японцев острова Сикоку, решается, по нашему мнению, следующим образом: прослеживаемый здесь комплекс признаков обнаруживает определенный сдвиг в сторону южномонголоидных типов, точнее — к тому длинноголовому южномонголоидному расовому типу, который неоднократно описывался в литературе как «индонезийский». Усиление среди японцев Сикоку индонезийского компонента становится еще более отчетливым, если рассматривать не суммарный тип японцев Сикоку, а выделить уроженцев префектуры Кагава, где как показал анализ, «индонезийские» черты выражены в наибольшей степени. Указанная группа, если сопоставлять ее и с суммарным типом японцев Сикоку, и со средними по Японии в целом, характеризуется малой длиной тела, низким головным указателем, низким (абсолютно и по указателю) лицом, высоким носовым указателем, толстыми губами и такими, очень суще-

¹⁷ См. «Medieval Japanese Skeletons from the Burial Site at Zaimokuza, Kamakura City, Compiled by the Anthropological Society of Nippon», English Abstract, Tokyo, 1956.

¹⁸ Следует указать, кроме того, что черепа из неолитических погребений Японии, характеризующиеся выраженными айноидными чертами, отличаются сравнительно высоким черепным указателем.

Сикоку			Кагава			Рюкю			Миядзак		
N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ	N	M $\pm$ m	σ
868	159,2 $\pm$ 0,2	5,3	195	158,8 $\pm$ 0,4	5,3	98	157,3 $\pm$ 0,3	3,2	103	158,4 $\pm$ 0,5	5,3
795	188,0 $\pm$ 0,2	6,4	197	188,3 $\pm$ 0,5	7,0	98	187,4 $\pm$ 0,6	5,8	103	187,2 $\pm$ 0,6	6,5
795	150,4 $\pm$ 0,2	5,1	197	149,8 $\pm$ 0,4	5,4	98	152,1 $\pm$ 0,6	5,6	103	152,1 $\pm$ 0,5	5,1
792	80,1 $\pm$ 0,1	3,7	195	79,7 $\pm$ 0,3	4,2	98	81,3 $\pm$ 0,4	3,7	103	81,3 $\pm$ 0,4	3,7
870	128,9 $\pm$ 0,2	6,7	219	128,2 $\pm$ 0,5	6,7	102	126,3 $\pm$ 0,6	6,3	113	126,5 $\pm$ 0,6	5,5
870	141,9 $\pm$ 0,2	4,9	219	142,0 $\pm$ 0,3	5,1	102	142,3 $\pm$ 0,5	5,0	113	142,5 $\pm$ 0,4	4,7
870	91,0 $\pm$ 0,2	5,1	219	90,5 $\pm$ 0,4	5,5	102	88,7 $\pm$ 0,5	5,2	113	89,1 $\pm$ 0,4	4,6
873	57,0 $\pm$ 0,1	4,0	222	56,4 $\pm$ 0,3	4,0	102	55,2 $\pm$ 0,4	3,8	111	56,6 $\pm$ 0,3	3,5
871	36,8 $\pm$ 0,1	2,4	222	36,9 $\pm$ 0,2	2,3	101	36,6 $\pm$ 0,2	2,2	112	36,5 $\pm$ 0,2	2,6
871	65,1 $\pm$ 0,2	6,0	222	65,8 $\pm$ 0,4	5,8	101	67,0 $\pm$ 0,6	6,0	111	65,1 $\pm$ 0,6	6,0
861	20,3 $\pm$ 0,1	3,1	219	20,6 $\pm$ 0,2	3,2	102	18,9 $\pm$ 0,3	3,3	112	19,2 $\pm$ 0,3	2,8
534	1,58		142	1,53		78	2,32		65	1,65	
852	0,79		218	0,80		98	0,85		110	0,91	
871	4,5		222	1,4		100	1,0		112	3,6	
371	0,90		222	0,93		101	0,71		112	0,92	

ственными в данном случае для диагностики признаками, как темная пигментация и очень слабый рост бороды.

Еще Бельц, работы которого относятся к концу прошлого — началу нашего столетия, выделил в составе японцев следующие основные антропологические типы: айнский, маньчжуро-корейский и монголо-малайский¹⁹. Работа Бельца оказала большое влияние на развитие позднейших представлений об антропологическом типе японцев, и хотя его заключения были основаны в значительной степени на визуальных наблюдениях, они сохраняют свое значение и при современном уровне наших знаний. Анализ суммарного типа японцев позволяет выявить в их составе айнский, южномонголоидный (индонезийский) и дальневосточный компоненты.

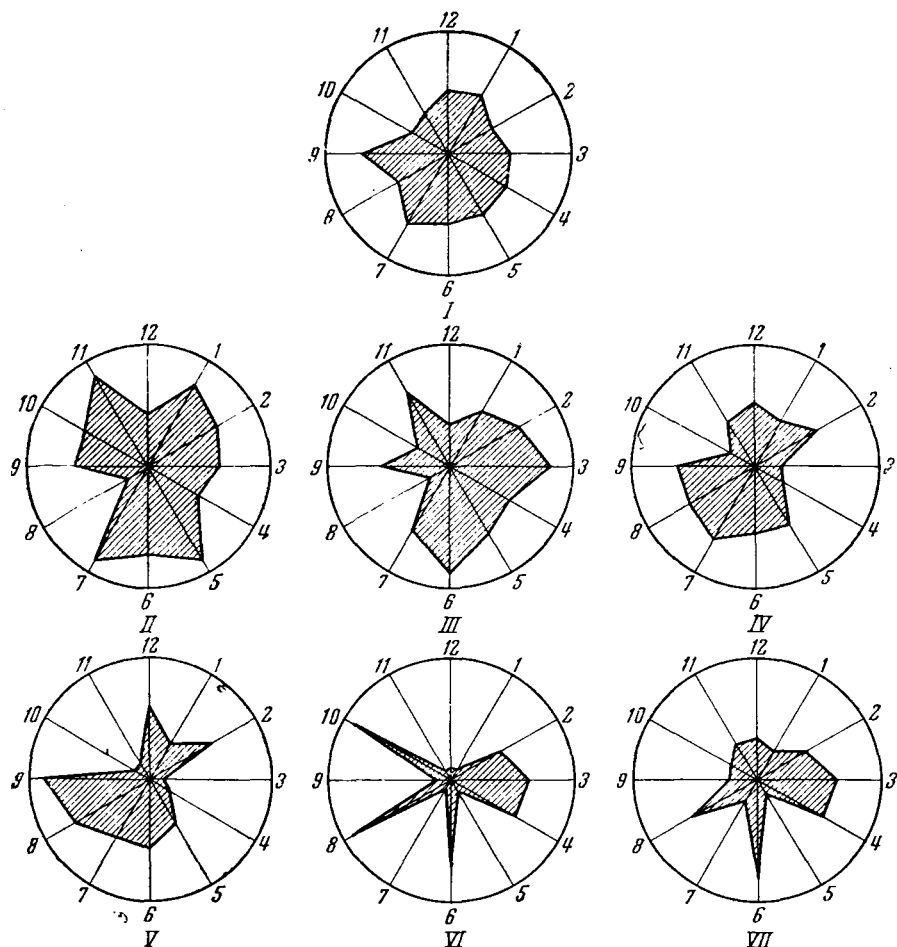
Необходимо, однако, тут же подчеркнуть, что при всем своеобразии айнского антропологического типа дифференциальная диагностика айнского и южномонголоидного компонентов в составе японцев оказывается далеко не простой. Действительно, такие особенности японцев, которые отличают их от корейцев, как более темная пигментация, более широкий нос, более толстые губы, более низкое лицо, меньшая длина тела, более низкий головной указатель, свойственны и айнскому и индонезийскому расовым типам. Поэтому особое значение приобретает тот факт, что по нашим материалам удастся, как мы видели выше, выделить определенные области, где примесь каждого из указанных типов в отдельности выявляется в наибольшей степени.

Переходим к рассмотрению того комплекса признаков, который обнаруживается на крайнем севере Хонсю и на Хоккайдо.

¹⁹ E. Baelz, Menschenrassen Ost-Asiens mit spezieller Rücksicht auf Japan, «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1901. Надо отметить, что в разных своих работах, отделенных друг от друга значительным временем, Бельц употребляет различную терминологию и дает несколько отличную характеристику выделенных им типов.

За счет каких расовых компонентов и какими условиями формирования можно объяснить своеобразие антропологического типа японцев на этой территории?

Усиление роста бороды у уроженцев Хоккайдо и Аомори можно, очевидно, отнести за счет более сильной у них айнской примеси, что хорошо согласуется с историческими сведениями о недавнем широком

Комбинационные полигоны по отдельным территориальным группам японцев: I — Япония, суммарно; II — Хоккайдо; III — Аомори, Ивате, Акиа; IV — Сикоку; V — Кагава; VI — Рюкю, VII — Миядзакки.

На радиусах отложены величины признаков, отнесенные к следующим амплитудам вариации: 1 — длина тела (156,8—162,4 см); 2 — продольный диаметр (184,2—190,9 мм); 3 — поперечный диаметр (149,4—153,7 мм); 4 — головной указатель (79,0—82,9); 5 — морфологическая высота лица (125,8—131,3 мм); 6 — скуловой диаметр (140,5—143,1 мм); 7 — морфологический лицевой указатель (88,4—92,3); 8 — носовой указатель (61,6—67,5); 9 — толщина губ (18,7—20,9 мм); 10 — рост бороды (1,38—2,41); 11 — цвет глаз (% смешанных; 0,1—11,2); 12 — эпикантус (0,67—1,11)

расселении айнов не только на Хоккайдо, но и на крайнем севере Хонсю. Но этот фактор далеко не объясняет своеобразие в антропологическом типе японцев этой области. По некоторым признакам они обнаруживают, по сравнению с их соотечественниками центральной и южной Японии, некоторое сближение с корейцами (более высокий рост, более высокое лицо, более высокий нос и, соответственно, заметно более низкий носовой указатель, больший процент смешанных оттенков глаз).

Колонизация Хоккайдо шла, как известно, главным образом из северных районов Хонсю. Японцы этой части Главного острова сближаются с уроженцами Хоккайдо по ряду признаков.

Указанные выше черты сближения с корейцами могут найти свое объяснение, если принять, что в населении северной Японии в иных соотношениях сочетались южный (индонезийский) и дальневосточный (представленный у корейцев) компоненты, а именно: удельный вес последнего был здесь больше, чем в южных районах Японских островов. Однако и в этом случае нам следует искать и другие причины для уяснения тех различий, которые обнаруживаются между уроженцами Хоккайдо и уроженцами северных префектур Хонсю: японцы Хоккайдо оказываются по сравнению с японцами префектур Аомори, Ивате и Акита более высокорослыми и более высококими; процент смешанных оттенков глаз у них также несколько больше.

Остров Хоккайдо, как известно, — область очень поздней японской колонизации. Только после революции Мэйдзи 1868 г. этот остров реально стал частью собственно Японии, и только после этого времени началось усиленное переселение сюда японцев. В 1869 г. японское население острова составляло всего 58 тыс. чел., в 1885 г. на Хоккайдо насчитывалось 287 тыс. япоцев, а в 1946 г. общее число жителей достигло 3488 тысяч²⁰. Переселение на Хоккайдо лиц не японского происхождения, если имело место, то было количественно совершенно ничтожно.

В каком направлении и в какой степени могло сказаться в антропологическом типе японцев Хоккайдо влияние колонизации?

Вопрос об изменении антропологического типа населения в связи с колонизационными процессами имеет обширную литературу²¹. Сколько-нибудь подробное рассмотрение его выходит за пределы настоящей статьи. Можно оставить в стороне работы, в которых рассматриваются особенности иммигрантов первого поколения, — там вопрос обычно неправильно трактуется с позиций селекционных факторов.

При нашем обследовании к уроженцам той или иной префектуры относились лица, отец и мать которых родились в данной префектуре. В число уроженцев Хоккайдо попали только те, родители которых были уроженцами острова. В наших материалах представлены, таким образом, иммигранты второго и более поздних поколений.

Некоторое увеличение длины тела, отмеченное у уроженцев Хоккайдо по сравнению с их соотечественниками из северных районов Хонсю, следует, возможно, отнести за счет повышения общего жизненного уровня населения. Надо учитывать и другие возможные факторы. В антропологической литературе указывалось на увеличение длины тела в популяции, сложившейся из смешения различных групп одного народа. смешения, расширяющего круг брачных связей, в прошлом более узкий в каждой из смешавшихся групп. Несомненно, этот процесс имел место у населения острова Хоккайдо, куда переселенцы прибывали из разных мест.

Вопросы об увеличении высоты лица и некоторой депигментации у уроженцев Хоккайдо более сложны, и мы вынуждены в настоящей статье оставить их вне рассмотрения.

²⁰ Г. Треварта, Япония. Физическая и экономическая география, М., 1949, стр. 270—275.

²¹ Можно указать недавнюю сводку по данному вопросу: В. А. Карлан, Environment and Human Plasticity, «American Anthropologist», т. 56, № 5, ч. 1, 1954. Из более ранних работ, представляющих для нас особый интерес, следует отметить обширное исследование Г. Шапиро о японцах, иммигрировавших на Гавайские острова. См. H. L. Shapiro, Migration and Environment. A Study of the Physical Characteristics of the Japanese Immigrants to Hawaii and the Effects of Environment on their Descendants, Oxford University Press, 1939.

* * *

Формирование антропологического типа японцев и его локальных вариантов может быть правильно понято только в свете данных палеоантропологии и археологии Японских островов.

Череп из неолитических погребений Японии изучались разными авторами. Одни из них отмечали большое сходство неолитического населения с айнами, другие, напротив, отрицали такое сходство и сближали неолитическое население с современными японцами²². Имеющиеся материалы позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на значительные различия между отдельными сериями неолитических черепов, в них отчетливо выступают общие черты; они касаются основных признаков в пропорции лица, орбит, носового скелета. Череп из неолитических погребений характеризуется широким и очень низким лицом, низкими орбитами и соответственно низким орбитным указателем, сравнительно коротким и широким носом и высоким, следовательно, носовым указателем; неолитические черепа обнаруживают по сравнению с айскими и японскими более выраженный общий прогнатизм. По всем основным признакам неолитические черепа сближаются с айскими и занимают крайнее положение по сравнению с черепами японцев.

Теорию, усматривающую прямую преемственность между неолитическим населением и японцами, равно как и взгляды, согласно которым население Японских островов эпохи неолита не связано ни с айнами, ни с японцами, следует признать несостоятельными.

Вопреки гипотезе о многократных миграциях на Японские острова из Сибири в разные периоды культуры дзёмон имеются основания утверждать, что население Японии на ранних этапах своей истории, начиная с эпохи первоначального заселения островов, обнаруживает связи с Юго-Восточной и Восточной Азией.

При всем локальном разнообразии, при всех различиях, которые выявляются между культурами разных этапов неолитического периода (культура дзёмон), в общем прослеживается последовательное развитие, преемственность и в основных типах керамики и в прочем инвентаре. Вычурная, сложная керамика среднего и позднего дзёмона при всем своем своеобразии обнаруживает глубокие корни в керамике предшествующего времени. Это еще в большей степени справедливо по отношению к каменному инвентарю японского неолита. Стилизованная гротескная скульптура поздних этапов дзёмон опять-таки восходит к более простым формам предыдущих этапов.

Различия между синхронными неолитическими культурами разных частей Японии значительны. Здесь следует учитывать географическую расчлененность территории Японских островов: удобные для освоения долины отделены от соседних цепями гор, а население этих долин и в более позднее время находилось в условиях значительной изоляции²³.

Совершенно новый этап в истории древнего населения Японских островов связан с появлением культуры яёй, ранние памятники которой датируются первыми веками до н. э. Первоначальной областью распространения этой культуры в Японии является, по-видимому, остров Кюсю. Археологические материалы позволяют проследить продвижение культуры яёй с юга на север. Ближайшие ее параллели мы находим в Корее и Китае. Особенно близкие аналогии обнаруживаются в южной Корее. Именно здесь мы находим и наиболее сходную керамику, и близ-

²² Особенно энергичными противниками теории об айской принадлежности неолитического населения Японии выступили К. Киёно и Х. Миямото, усматривавшие в неолитическом населении общие черты с японцами. См.: К. Киёно, Нихон Миндзоку сёсэй-рон (Формирование японской народности), Токио, 1944 (на японск. яз.).

²³ См. М. Г. Левин, Указ. раб.

кие типы орудий и оружия, и двойные погребения в урнах. В Корее и Китае, как известно, и рисосеяние, и скотоводство, и металл значительно древнее самых ранних памятников яёй на Японских островах. Это может быть истолковано только как свидетельство того, что связи Японских островов с материком в эпоху, предшествовавшую первым векам до н. э., не были сколько-нибудь значительными, в противном случае следовало бы ожидать проникновения сюда этих культурных достижений. Тот факт, что распространение их на Кюсю и в прилегающих районах охватывает сравнительно очень небольшой отрезок времени, что именно на Кюсю мы находим памятники наиболее «чистой» культуры яёй, говорит, как нам представляется, в пользу переселений с материка.

Проникнув на Японские острова, новые пришельцы смешивались с древним населением, частично ассимилируя его, частично, по-видимому, растворяясь в его составе. Эти процессы протекали различно в разных частях Японии²⁴.

Для истории периода яёй наука располагает и свидетельствами письменных китайских источников, повествующих о людях Ва, населявших северный Кюсю и связанных с племенами Корей. О позднейших событиях (с VII в. н. э.) рассказывают японские источники, рисующие борьбу ямато — предков японцев с племенами кумасо, обитавшими в южной части Кюсю (в более поздних источниках население этой территории фигурирует под названием хаято), и с племенами севера, известными под именем «эбису». Эти источники позволяют проследить постепенное вытеснение эбису (предков айнов) все более к северу. Одновременно шел процесс ассимиляции айнов японцами, который имел своим результатом и японскую примесь в составе айнов.

Наличие значительного айнского компонента в составе японцев не подлежит сомнению. Уже одного, столь заметного у японцев по сравнению с корейцами, усиления третичного волосяного покрова достаточно, чтобы признать это положение доказанным.

Теория южного происхождения айнов, наиболее полно аргументированная Л. Я. Штернбергом, равно как и представление о генетическом их родстве с типами экваториального расового ствола, кажутся нам наиболее отвечающими современному состоянию наших знаний²⁵.

Сложнее решается вопрос о путях продвижения айнов на Японские острова. По гипотезе Л. Я. Штернберга оно шло через Филиппинские острова, Тайвань и острова Рюкю. Выявившееся в наших материалах значительное усиление айнских черт в антропологическом типе японцев Рюкю может служить аргументом в пользу включения этих островов в маршрут древних миграций предков айнов.

Вопрос об индонезийском компоненте в составе японцев — один из наиболее сложных и вместе с тем наименее разработанных вопросов этнической истории Японии. Южные элементы в культуре японцев отмечают все писавшие по этому вопросу авторы; только немногие из этих элементов могут быть отнесены за счет айнского вклада в японскую культуру. В японском языке, по заключению лингвистов, прослеживаются черты, связывающие его с языками далекого Юга; особенно заметны в нем включения из австронезийских языков.

²⁴ Нельзя принять точку зрения тех авторов, которые видят в культуре яёй только продолжение культуры дзёмон и отрицают значение переселений в ее возникновении. Несостоятельна также старая точка зрения, согласно которой появление и развитие культуры яёй на Японских островах протекало без всякого участия местного древнего населения.

²⁵ См.: Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций. В кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XVI, 1951).

В антропологическом типе японцев южномонголоидный («индонезийский») компонент выступает достаточно отчетливо. Если отвлечься от айнской примеси, то по ряду морфологических признаков японцы занимают промежуточное место между восточными и южными монголоидными группами.

Всего вероятнее, что проникновение индонезийского компонента относится к периоду, предшествовавшему появлению на Японских островах культуры яёй. О путях его проникновения в Японию мы можем, при современном состоянии археологической изученности Восточной и Юго-Восточной Азии, строить только догадки. Эти пути могли пролегать через Филиппины. Другое предположение было высказано В. Эберхардом. Этот автор связывает «малайский» (очевидно, протомалайский — индонезийский) компонент в составе японцев с народами юэ Южного Китая²⁶.

Усиление индонезийского компонента у уроженцев острова Сикоку следует объяснять, по-видимому, тем, что этот остров на протяжении длительного исторического периода лежал в стороне от тех путей, по которым шел приток новых переселенцев — носителей культуры яёй; это способствовало сохранению здесь древних черт в антропологическом типе населения.

Распространение на Японских островах культуры яёй было связано с переселением значительных групп населения с материка. С этими группами следует, очевидно, связать и тот общий пласт в корейском и японском языках, который признается многими лингвистами.

По своему антропологическому типу эти переселенцы относились, несомненно, к дальневосточным монголоидам. Здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство: брахицефалия, которая столь характерна для современных корейцев, — явление, по-видимому, сравнительно позднее; те группы, которые переселялись из Кореи на Японские острова на рубеже нашей эры могли и не обладать этой особенностью.

Исходя из сказанного, мы можем следующим образом формулировать историю сложения антропологического типа японцев. Древнейшим пластом может считаться айнский, который в наших материалах всего сильнее выявляется на крайнем юге и на крайнем севере страны. Индонезийский компонент всего отчетливее обнаруживается у японцев Сикоку, и в первую очередь у уроженцев префектуры Кагава. Первоначальное проникновение антропологических типов дальневосточного круга форм на Японские острова следует связывать с распространением культуры яёй.

Длительное смешение указанных компонентов в условиях изоляции на Японских островах привело к сложению достаточно однородного антропологического типа современных японцев при сохранении, однако, ряда локальных вариантов.

SUMMARY

Literature on the physical anthropology of Japan abounds in studies dealing with different local groups of the Japanese people. Yet the material available is on the whole not sufficient for an elaboration of the early ethnic history of Japan, largely due to the incompleteness of the investigations made.

The materials published in the present preliminary article will to a certain degree fill this gap. An analysis of these materials testifies to the small range of variations in the individual anthropological characteristics observed on the territory of Japan. Given the considerable homogeneity of the Japanese anthropological type, certain distinctions in the geographical combination of these characteristics are nevertheless

²⁶ W. Eberhard, Early Chinese Cultures and their Development. A New Working Hypothesis, «Smithsonian Institution Annual Report, I, 1937», Washington, 1938.

traceable. Particularly marked are the peculiar features in the anthropological type of the natives of Ryukyu Island. As compared with other groups, this group has minimal stature, the lowest face (both absolutely and according to the index), the darkest pigmentation, copious beard, eyebrows and hair on the body, a slight eye fold and epicanthus, the highest nasal index. A certain proximity to this type is evinced by the natives of Miyazaki Prefecture. Nearly all the features distinguishing the Ryukyu anthropological type from the summary Japanese type approximate those of the Ainus. It should be stressed that we do not assert the Ainu type of the Ryukyu natives, but merely claim a certain proximity between the latter and the Ainu type.

A peculiar combination of characteristics is found on Shikoku Island. Its natives are on the whole characterized by short stature (according to Japanese standards), a low head index, a high nasal index, scarce beard. This totality of characteristics suggests a resemblance to South-Mongoloid racial types, or rather to the dolichocephalic South-Mongoloid type known as the «Indonesian». «Indonesian» features are especially marked among the natives of Kagawa Prefecture.

The establishment of a differential diagnostic of the Ainu and South-Mongoloid strains among the Japanese population is a very complicated matter. Particular importance therefore attaches to the fact that in our materials we succeeded in establishing the areas where the admixture of each of the above-mentioned types is displayed with especial clarity.

In the north of Honshu and on Hokkaido a relatively intensive growth of the beard is coupled with high stature (as Japanese standards go), a high face, a low nasal index, and the lightest pigmentation. Judging by certain features, the natives of these regions approximate the Korean type. An explanation for this will be found if it is assumed that in the population of Northern Japan, the Southern (Indonesian) and Far-Eastern (represented by the Koreans) strains were combined in different proportions — i. e., the proportion of the latter was higher in this area than in the south of the Japanese Islands.

There are some other factors that should be taken into account. It has been pointed out in anthropological literature that an increase in stature is observed in populations emerging on the basis of the intermingling of various groups of one people, inasmuch as such intermingling extends the scope of marriage ties, formerly more restricted within each group. This very process occurred among the population of Hokkaido, where settlers from different areas arrived.

The concluding part of the article deals with the problems of the ethnic history of Japan in the light of anthropological data. The Ainu strain may be regarded as the earliest. According to our materials, this strain is particularly marked in the extreme south and the extreme north of the country. The Indonesian strain is especially pronounced among the Japanese of Shikoku, primarily the natives of Kagawa Prefecture. The initial penetration of anthropological types of the Far-Eastern cycle to the Japanese Islands should be associated with the spread of Yayoi culture.

A prolonged intermingling of the above-mentioned strains, given the isolation of the Japanese Islands, resulted in the emergence of a sufficiently homogeneous modern Japanese type, with the preservation, nevertheless, of several local variants.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН

1

В археологической литературе неоднократно высказывалось предположение, что истоки этнической истории финно-угорских племен лесной полосы Восточной Европы следует искать в среде неолитического населения III—II тысячелетий до н. э., принадлежавшего к культуре ямочно-гребенчатой керамики. Последнее рассматривалось при этом как более или менее однородный этно-культурный массив, объединявший охотничье-рыболовецкие племена на огромных пространствах от Зауралья на востоке до Балтийского моря на западе. В хронологические рамки культуры ямочно-гребенчатой керамики включались не только неолитические племена, но и ближайшие их потомки — местные племена эпохи бронзы, в основных чертах сохранявшие экономический и бытовой уклад своих предков вплоть до третьей четверти II тысячелетия до н. э.¹

Соображения археологов о важной роли неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Зауралья в начальной этнической истории финно-угров, несомненно, основывались на фактах, заслуживающих серьезного внимания. Ни одна из культур последующего времени в лесной полосе Восточной Европы не имела такого широкого территориального охвата, как культура ямочно-гребенчатой керамики. Ни одна из более поздних культур не объединяла в своих границах всю ту обширную территорию, в пределах которой впоследствии протекала жизнь как уральских и прикамских, так и поволжских, прибалтийских и северных финно-угорских народов. Вместе с тем в распоряжении археологов не было никаких данных, свидетельствующих о том, что более поздние культуры, относящиеся к концу «бронзового века» и периоду

¹ В 1920—1930-х годах предположения такого рода высказывались Ю. Айлио, А. М. Тальгренем, рядом других финляндских археологов, отчасти — Б. С. Жуковым и А. В. Шмидтом. В настоящее время интересные соображения на эту тему, исходящие из современных представлений о процессе этнического развития, содержат работы А. Я. Брюсова («Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху», М., 1952, стр. 254 и др.); Х. А. Моора («Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии», сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956); Н. Моора («Zur ethnischen Geschichte der ost-seefinnischen Stämme, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja» (SMYA), 59, 3, Helsinki, 1958); В. Н. Чернецова («К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы», Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований», М., 1951; его же. «Древняя история Нижнего Приобья», «Материалы и исследования по археологии СССР», в дальнейшем цит. МИА СССР, № 35. 1953).

железа, с которыми генетически связываются бесспорные финно-угорские древности, появились в лесной полосе Восточной Европы и Зауралье откуда-то извне. Напротив, очень многое говорило об их местном, автохтонном развитии. На основании всего этого представлялось возможным думать, что основы этнической карты финно-угров на обширных пространствах от Зауралья до Балтийского моря были заложены племенами с ямочно-гребенчатой керамикой, а в последующее время развернулся процесс формирования современных этнических групп финно-угорского населения.

Насколько нам известно, соображения археологов, высказанные по поводу культуры ямочно-гребенчатой керамики, не вызвали особых возражений со стороны специалистов в области финно-угорского языкознания, а, наоборот, были встречены большинством лингвистов с интересом и сочувствием. Здесь перед нами редкий пример взаимопонимания двух, обычно резко полемизирующих друг с другом в вопросах этногенеза дисциплин — археологии и лингвистики.

В настоящее время, подводя итоги значительным успехам, достигнутым археологическими работами в СССР и Финляндии, в указанные выше соображения можно внести ряд конкретных штрихов. Исследования последних лет показали, что этногенетические процессы, протекавшие в далеком прошлом в лесной полосе Восточной Европы, были весьма сложными, не всегда прямолинейными и не везде протекавшими автохтонно. Стало очевидным, в частности, что представление о неолитическом населении с ямочно-гребенчатой керамикой, как об исконно едином этнокультурном массиве, отнюдь не соответствует фактическим данным.

В работах М. Е. Фосса и других исследователей территория племен с ямочно-гребенчатой керамикой была подразделена на три самостоятельные культурные области². Центральная, или Волго-Окская, область включала в свои пределы бассейн Оки и Верхней Волги, захватывая на юге верховья Дона с притоками, а на западе — поречье Верхней Десны. Другая область, ставшая известной за последнее время, главным образом по работам О. Н. Бадера и В. Н. Чернецова, может быть названа Уральско-Камской³. В пределы третьей, западной, области М. Е. Фосс включала неолитические и энеолитические памятники, расположенные западнее линии Ладожское озеро — верховья Волги — верховья Десны. Нам представляется, что западную область в пределах лесной полосы необходимо разделить на две: Восточно-Балтийскую, обрисованную в работах финляндских археологов и в последней книге Л. Ю. Янитса⁴, и Балтийско-Днепровскую, лежащую между южным побережьем Балтийского моря и верхним течением Днепра, неолитические памятники которой, еще очень плохо изученные, тесно смыкаются в лесостепном Поднепровье с культурой гребенчато-накольчатой керамики⁵. Особо следует выделить культуру гребенчатой керамики, известную на территории северной Польши. С культурами лесной полосы Европейской части СССР и Финляндии она имела очень мало связей⁶.

² М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА СССР, 29, 1952, стр. 153—193; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 61; А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959, стр. 97—106.

³ О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой, МИА СССР, 22, 1951; его же, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950, стр. 39—46; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА СССР, 35, 1953.

⁴ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, Таллин, 1959, стр. 329—340.

⁵ Д. Я. Телегин, Неолітичні поселення лісостепоного Лівобережжя і Полісся України, «Археологія», XI, Київ, 1957.

⁶ A. Gardawski, Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce, «Wiadomości archeologiczne», XXV, Warszawa, 1958. Автор считает возможным говорить о днепровско-эльбской неолитической культуре, с чем мы согласиться не можем.

Наряду с многими общими чертами, присущими неолитической культуре всех охотничье-рыболовческих племен лесной полосы Восточной Европы и связанными с однородной природной средой и одинаковым характером и уровнем производства, население каждой из очерченных выше областей обладало своими специфическими особенностями в культуре. Они проявлялись в приемах обработки камня, в формах жилищ, а главным образом — в керамическом материале — характере глиняной посуды и ее орнаментации, что являлось для неолитической эпохи очень важным этнокультурным признаком⁷. А. А. Формозов справедливо полагает, что неолитическому населению каждой из областей предшествовали мезолитические племена, относящиеся к разным культурам, родиной которых были южные области европейской и, отчасти, азиатской территории⁸. Иными словами, неолитическое население отдельных областей лесной полосы имело как будто бы различное происхождение. Если это действительно так, то следует думать, что обрисованные выше группы неолитических племен лесной полосы Восточной Европы были далеко неоднородными в этническом отношении. При этом население таких областей, как Балтийско-Днепровская и Волго-Окская вряд ли могло иметь какое-либо отношение к протофинно-уграм. Как известно, позднемезолитическое население, заселившее эти области, было близким свидерской культуре, центры которой лежали в бассейне Вислы и которая, как теперь выясняется, была распространена в южном направлении вплоть до Трансильвании⁹. Искать протофинно-угров в этих областях, конечно, не приходится.

Но не следует ли из этого, что попытки археологов, стремящихся отыскать истоки уральско-камских, северных, поволжских и прибалтийских финно-угорских племен в среде неолитического населения лесной полосы Восточной Европы, оказались бесплодными? Ведь единство неолитических племен от Урала до Балтийского моря, в которых хотели видеть предков восточных, западных и северных финно-угров, оказалось эфемерным, и, следовательно, теперь нужно прокладывать какие-то новые пути изучения этнической истории древних финно-угров по археологическим материалам?

Такой вывод был бы, однако, неправильным. Дело в том, что вместе с накоплением археологических данных, выявивших необходимость разделения неолитического мира лесной полосы Восточной Европы на несколько различных областей, были получены в высшей степени важные и убедительные материалы, позволяющие сделать заключение, что границы этих неолитических областей далеко не всегда и не везде были стабильными и, самое главное, что в течение длительного периода, начиная с эпохи мезолита или раннего неолита, а главным образом в течение II тысячелетия до н. э., неоднократно происходили значительные передвижения населения из Приуралья и Прикамья в западном направлении вплоть до Прибалтики, в результате чего обрисованная выше карта этнокультурных областей лесной полосы Восточной Европы к концу II тысячелетия до н. э. подверглась значительной перестройке.

Следовательно, соображения археологов о древней культурно-этнической общности на широких пространствах лесной полосы Восточной Европы в значительной мере были правильными. Но эта общность не была исконной, связанной с первоначальным заселением лесной полосы; она никогда не объединяла всего населения лесной полосы, как это представлялось раньше некоторым исследователям. Она складывалась постепенно в ходе вековых передвижений уральско-камских племен

⁷ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 64—77.

⁸ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 76—81, 99—100 и др.

⁹ L. Sawicki, *Przemysł swiderski i stanowiska wydumowego Swidry Wielkie I, «Przegrad cheologiczny», т. V. L. 1935; C. S. Nikolăescu-Plopsor, Sur la présence du swidérien en Roumanie, «Dacia», II, 1958.*

каменного века и эпохи бронзы во все те местности на Оке и Волге, на Севере и в Прибалтике, которые впоследствии выступают как финно-угорские. В свете имеющихся сейчас материалов неолитические Зауралье, Урал и Прикамье вырисовываются как основная база этнической истории протофинно-угров, связанная в культурном отношении с неолитом Западной Азии. Один из авторов этого тезиса — В. Н. Чернецов намечает в указанных областях четыре тесно связанные друг с другом группы неолитического населения: уральскую, западносибирскую, нижнеобскую и обширную прикамскую¹⁰. Их древнейшая история и происхождение остаются пока, к сожалению, неясными. О. Н. Бадер полагает, что мезолитическая культура Прикамья и Приуралья, отличающаяся от волго-окского и верхнеднепровского мезолита с его западными свидерскими связями, восходит к мезолиту Нижнего Поволжья и Прикаспия¹¹. Но материал, которым располагает О. Н. Бадер, еще очень невелик. Предпринятые С. П. Толстовым и В. Н. Чернецовым попытки связать происхождение культуры зауральского, уральского и прикамского неолита с кельтеминарской неолитической культурой Приаралья и поместить в Приаралье исходную протофинно-угорскую территорию¹², в свете имеющихся ныне ограниченных фактических данных представляются хотя и очень интересными, но недостаточно убедительными. Мы не можем не присоединиться к критическим замечаниям, высказанным по этому поводу А. П. Смирновым¹³, а также отметить, что генетическая связь уральско-камской и кельтеминарской керамики (если этот факт будет подтвержден) сама по себе еще не может служить бесспорным основанием для того, чтобы выводить из неолитического Приаралья уральско-камские племена. Близость керамики может говорить лишь о том, что население Уральско-Камской области заимствовало у своих южных соседей неизвестное ему ранее искусстводелки глиняной посуды. О том, что это искусство не зародилось на месте, а было принесено извне, свидетельствует относительное совершенство уже наиболее ранней уральско-камской керамики и ее орнаментации.

2

История заселения лесной полосы в послеледниковое время в свете имеющихся сейчас крайне фрагментарных фактических данных может быть обрисована лишь в самых общих чертах. Нам ничего не известно о дальнейшей судьбе тех отдельных верхнепалеолитических племен, следы обитания которых обнаружены на Урале, на Волге выше устья Камы, на Оке и Клязьме, в верхнем течении Десны и на Соже. Людьми, положившими начало постоянному населению лесной полосы, были не они или их прямые потомки, а позднемезолитические племена, продвигнувшиеся сюда с юга — из Повисленья, Среднего Поднепровья, из бассейна Донца и Дона, из области Нижнего Поволжья и Заволжья. В течение тысячелетий в послеледниковое время они шаг за шагом двигались в глубь лесных пространств — в Прикамье, Волго-Окскую область и Верхнее Поднепровье¹⁴. Более северные области лесной полосы в эпоху раннего мезолита оставались незаселенными. Лишь в Восточной Прибалтике мезолитические племена продвинулись сравнительно далеко к северу, проникнув на территорию современной Финляндии.

¹⁰ В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы, стр. 24; его же, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 7.

¹¹ О. Н. Бадер, Некоторые проблемы первобытной истории Урала, «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. XI, вып. 3, стр. 53—55.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 65; В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования..., стр. 24—27.

¹³ А. П. Смирнов, Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 21—23.

¹⁴ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 75—80.

Наряду с движением населения с юга в несколько более позднее время, по мнению А. Я. Брюсова, происходило расселение древних племен с востока на запад, охватившее более северные области лесной полосы. А. Я. Брюсов обратил внимание на близкое сходство некоторых элементов прибалтийской мезолитической культуры Кунда и ряда находок позднемезолитического или раннеолитического времени, сделанных в лесных областях, лежащих к северу от бассейна Волги (Ягорба, Погостище, Нижнее Веретье), с наиболее архаическими находками из Шигирского торфяника на Урале и высказал на этом основании мысль о восточном происхождении северного мезолитического и раннеолитического населения, в частности, носителей культуры Кунда. Мнение А. Я. Брюсова было поддержано рядом археологов, в том числе Х. А. Моора¹⁵. Слабой стороной этой интересной гипотезы является, во-первых, отсутствие точных хронологических данных о всех перечисленных находках. В распоряжении археологов в настоящее время нет бесспорного доказательства более древнего возраста шигирских находок по сравнению с северными и прибалтийскими. Во-вторых, некоторые из форм костяных изделий, указанных А. Я. Брюсовым, известны не только в Прибалтике, на Европейском Севере и на Урале, но и в других местах; в частности, в лесостепном Поднепровье, где они также датируются весьма ранним временем.

Несколько лучше аргументированной представляется мысль о восточном — уральском и зауральском происхождении древнейшей в Восточной Прибалтике культуры керамического неолита, возникшей в начале III тысячелетия до н. э. и характеризующейся керамикой типа Сперрингс¹⁶. Последняя, правда, может быть сопоставлена с зауральской и приуральской керамикой лишь с известными допущениями. И в этом случае мы не можем пока доказать, что уральско-камская керамика, в частности керамика, открытая В. Н. Чернецовым в Приобье, наиболее близкая посуде Сперрингс, является по сравнению с ней более ранней. Тем не менее нельзя не отметить, что многочисленные уральские и прикамские аналогии посуды типа Сперрингс, выявившиеся за последние годы, несравненно более убедительны, чем среднеднепровские, которыми А. Европеус пытался обосновать свое предположение о происхождении культуры Сперрингс из области Среднего Поднепровья¹⁷. Выше шла речь о том, что общие черты в кельтеминарской и уральско-камской керамике, возможно, не имеют никакого отношения к этногенезу, будучи следствием заимствования искусства выделки глиняной посуды населением Уральско-Камской области у более передовых южных соседей. Применительно к керамике Сперрингс объяснение такого рода вряд ли возможно. В Средней Европе и Скандинавии обитали многие древние племена, владеющие керамическим искусством. В свете этого трудно допустить, чтобы учителем керамического дела у предков племен культуры Сперрингс было население далекого Приуралья. Здесь сходство керамики может говорить лишь об этногенетических связях.

С культурой Сперрингс связан, возможно, известный Оленеостровский неолитический могильник, относящийся к концу IV — началу

¹⁵ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 25—41; его же, К вопросу о заселении Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, «Краткие сообщения ИИМК», XLIX 1953; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 59.

¹⁶ Н. Н. Гурина, Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, МИА СССР, 20, 1951, стр. 94; O. Bahder, Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, SMYA, 59, 1, Helsinki, 1957, стр. 37; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 150—152.

¹⁷ А. Å y g r ä ä. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige, «Finsk Museum», LXII, 1955, Helsingfors, 1956, стр. 28 сл.

III тысячелетия до н. э.¹⁸ Некоторые костяные изделия, происходящие из могильника, в частности, игловидные наконечники стрел, находят близкие аналогии в кругу древнейших памятников на севере лесной полосы Европейской части СССР и на Урале (уже упомянутые выше Ягорба, Погостище, Нижнее Веретье, Шигирский торфяник). Предметы искусства — костяные скульптуры Оленеостровского могильника — по своей тематике и формам встречают ряд аналогий в древнем искусстве Прикамья и Приуралья. Имеются все основания думать, что население, оставившее Оленеостровский могильник, пришло на берега Онежского озера из более восточных областей.

Весьма возможно, что следами движения уральско-камских неолитических племен, принесших в Прибалтику культуру Сперрингс, являются находки «доямочно-гребенчатой» керамики, сделанные Б. С. Жуковым на стоянках у дд. Языково и Никола-Перевоз в Верхнем Поволжье. Попытка М. Е. Фосс отнести эту керамику к волосовскому комплексу эпохи бронзы и объяснить ее нахождение в основании культурных наслоений обеих стоянок простой случайностью, не представляется убедительной. Прочерченный орнамент из комбинации прямых линий, характеризующий эту керамику и находящий себе аналогии в культуре Сперрингс, действительно можно сравнить с орнаментацией некоторых сосудов из волосовских стоянок (и дальше мы увидим, что это не случайное совпадение), но древнейшая языковская керамика, как и посуда Сперрингс, в отличие от волосовской не имеют в глине ни раковинной, ни растительной примеси. Б. С. Жуков очень тщательно производил раскопки и хорошо знал волосовскую керамику. Он, конечно, не мог допустить здесь ошибки¹⁹.

Соображения о раннем проникновении населения из восточных областей в Прибалтику, как видим, весьма слабо аргументированных археологическим материалом, приобретают, однако, правдоподобие и поднимаются до уровня научной гипотезы в свете антропологических данных. Как известно, теперь уже далеко не единичные палеоантропологические находки свидетельствуют о том, что в мезолите или раннем неолите одним из существенных компонентов населения многих районов лесной полосы Восточной Европы, в частности населения Восточной Прибалтики, наряду с европеоидными стали племена с монголоидными чертами. Мысль об их восточном — уральском и зауральском — происхождении поддерживается рядом антропологов²⁰. Такие монголоиды оказались, в частности среди людей, оставивших Оленеостровский могильник на Онежском озере.

Убедительные доказательства существования прямых связей между Зауральем и Восточной Прибалтикой дают известные финляндские находки деревянных предметов, изготовленных, как полагают, из сибирских сосны («сибирский кедр»), — полов саней и ложки с рукоятками в виде головок птиц, очень похожие на такие же предметы, происходящие из неолитических торфяников Зауралья. По ряду данных финляндские находки связываются с ранним неолитическим временем²¹.

Нам представляется, что задача дальнейших археологических исследований в данном направлении заключается уже не столько в том, чтобы доказать факт проникновения в раннее время в северные обла-

¹⁸ Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник, МИА СССР, 47, 1956, стр. 245—262

¹⁹ Б. С. Жуков, Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы, «Этнография», 1929, № 1; М. Е. Фосс. Указ. раб., стр. 154—156.

²⁰ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нсв. сер., т. IV, 1948; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

²¹ А. Еурсраeus, Unsia Kivikauden Taidelöytöjä, «Suomen Museo», XXXVI, 1929, стр. 83 сл.

ти лесной полосы Восточной Европы, в частности в Прибалтику, выходцев из Зауралья и Приуралья, а в том, чтобы обрисовать конкретную сторону этого исторического явления, уточнить его хронологию и выяснить его роль в этнической истории восточноевропейского Севера.

3

Придавая большое значение передвижениям с востока на запад, вероятно, неоднократным, относящимся к процессу первоначального заселения северных областей, мы вместе с тем полагаем, что не менее серьезное значение для этнической истории древнего населения лесной полосы Восточной Европы, особенно Поволжья, имели передвижения с востока на запад, происходившие в эпоху позднего неолита и в период бронзы, в конце III и II тысячелетий до н. э. Картину этих передвижений, впервые отмеченных, кажется, О. Н. Бадером, теперь можно представить уже весьма конкретно.

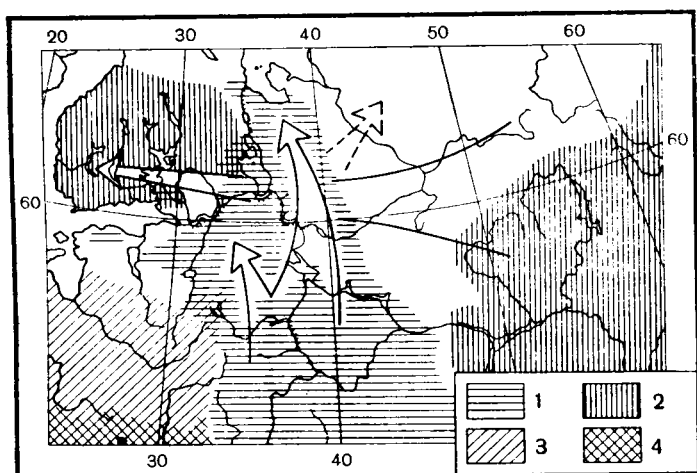

Рис. 1. Неолитические культуры лесной полосы Европейской части СССР и Финляндии во второй половине III тысячелетия до н. э.: 1 — волго-окские культуры; 2 — уральско-камские культуры и культура Сперрингс; 3 — балтийско-днепровские культуры; 4 — культуры гребенчато-накольчатой керамики.

В начале и середине III тысячелетия до н. э. границы Уральско-Камской и Волго-Окской неолитических областей в основном сохраняли стабильность (рис. 1). В первой области, по Каме с ее притоками, в лесном Приуралье и Зауралье, была распространена более или менее однородная охотничье-рыболовецкая неолитическая культура, характеризующаяся остродонной керамикой со своеобразным орнаментом, состоявшим из гребенчатых оттисков и прочерченных линий, образующих широкие горизонтальные зоны. На Каме эта культура известна по материалам таких стоянок, как Боровое озеро I, Хуторская, Левшинская и многих других, рассеянных вдоль всего течения реки. В Левшине найдены древнейшие в Прикамье медные орудия — кинжал и шило, относящиеся к концу III или самому началу II тысячелетия до н. э.²² На Урале исследованы стоянка Полуденка и большая группа неолитиче-

²² О. Н. Бадер, Стоянка Нижнеадиевская и Боровое озеро I на Чусовой; его же, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. IX, вып. 3, 1953; стр. 41—44; его же, Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953—1954 гг., «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. XI, вып. 3, 1956, стр. 10—20, 31; Н. А. Прокопьев, К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, МИА СССР, 1, 1940.

ских поселений на озерах и торфяниках в районе Свердловска, среди которых особой известностью пользуются местонахождения Горбуновского и Шигирского торфяников²³. В Зауралье в настоящее время лучше всего исследованы неолитические памятники северных областей, лежащих в бассейне Оби²⁴. Культура оставивших их племен была очень близка прикамской, отличаясь от нее лишь отдельными деталями.

В начале II тысячелетия до н. э. уральско-камская неолитическая культура преемственно сменилась культурой бронзового века, сохранявшей многие неолитические традиции вплоть до конца II тысячелетия до н. э.; это объясняется тем, что экономическая жизнь местного населения, несмотря на широкое распространение металлических орудий, продолжала основываться преимущественно на древних формах хозяйства — охоте и рыболовстве, хотя скотоводство, а по-видимому, и земледелие, уже были известны. В Прикамье культура бронзового века получила название турбинской, по имени известного могильника у д. Турбино. О. Н. Бадером она подразделена на два последовательных этапа: ранний — гаринский и поздний — борский. Поселения турбинской культуры известны в числе многих десятков. Начало их изучения было положено раскопками Н. А. Прокошева на стоянке у Гремячего ручья и на оз. Грязном вблизи устья р. Чусовой, где обнаружены остатки прямоугольных жилищ-землянок, соединенных друг с другом крытыми переходами. Такие прямоугольные жилища были известны в Прикамье и на Урале, начиная с неолитического периода²⁵. Несколько турбинских поселений исследовано за последние годы О. Н. Бадером. Собранный им материал позволил окончательно решить вопрос о связи этих поселений и прикамских могильников эпохи бронзы, что очень важно для всестороннего представления о культуре. Вопрос этот был очень сложным, потому что в могильниках прикамских племен, в соответствии с распространенным в их среде погребальным ритуалом, никогда не бывает керамики, составляющей основной материал поселений, и обильны находки бронзовых орудий и украшений, на поселениях, как правило, не встречающихся.

Специфическая черта культуры уральско-камских племен — их реалистическое искусство, представленное многочисленными скульптурами животных и человека из дерева, кости, рога, а иногда из кремня. По мнению О. Н. Бадера, с поздним неолитом или эпохой ранней бронзы может быть связан древнейший комплекс наскальных изображений Писаного Камня в среднем течении Вишеры, по своему содержанию и формам напоминающий петроглифы Карелии²⁶.

Наличие местных источников металлического сырья и связи с древними металлургическими и культурными центрами Средней Азии способствовали тому, что племена Уральско-Камской области с конца III тысячелетия до н. э. в культурно-экономическом отношении выдвинулись вперед по сравнению со своими соседями, в частности, с племенами Волго-Окской области. При настоящем состоянии знаний трудно определить, насколько велика была разница в уровне развития производительных сил в этих двух смежных областях. Но очень вероятно, что более высокий уровень развития уральско-камских племен по-

²³ О. Н. Бадер, Новые раскопки близ г. Нижнего Тагила, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 146—163; В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, «Труды Гос. историч. музея» (ГИМ), вып. 29, 1956.

²⁴ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья.

²⁵ О. Н. Бадер и В. А. Оборин, На заре истории Прикамья, Пермь, 1958, стр. 37—38.

²⁶ О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской экспедиции, стр. 44—57; его же, Стоянка Бор II на Чусовой и предананьинское время в Прикамье, «Сов. археология», XX, 1954; его же, Камская археологическая экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», 70, 1957; О. Н. Бадер и В. А. Оборин, Указ. раб., стр. 39, 45, 49 и сл.

служил одной из причин тех крупных событий в этнической истории лесной полосы Восточной Европы, речь о которых пойдет ниже и активной силой которых были уральско-камские племена.

В другой неолитической области, по Оке, Верхней Волге и в верховьях Десны, была распространена неолитическая культура, характеризующаяся керамикой с преобладанием ямочного орнамента, совсем не похожей на керамику уральско-камских неолитических племен. Сюда относятся Льяловская стоянка и окружающие ее древние поселения на Верхней Клязьме²⁷, стоянки Балахнинской низины²⁸ и многочисленные неолитические поселения по течению Оки, в том числе такие нижнеокские стоянки, как Мало-Окуловская, Плеханов Бор (нижний слой), Сонино и другие²⁹. В Верхнем Поволжье сюда относятся стоянки Борань (нижний слой), Волоцкое озеро и многие другие в Костромской низине³⁰, Уница и другие стоянки на оз. Неро³¹, группа стоянок на Плещеевом озере³², Яна, Сенцы и Воятицы (нижний слой) в Молого-Шекснинской низине³³, наконец, еще выше по Волге — Языково (нижний слой) и Никола-Перевоз³⁴ (нижний слой). Несмотря на некоторые территориальные и хронологические различия, культура волго-окского неолитического населения может рассматриваться как более или менее единая, принадлежавшая одной этнокультурной группе. Как указывалось, имеется предположение, разделяемое многими исследователями, что волго-окский неолит сложился на основе культуры позднемезолитических племен свидерского типа, продвинувшихся на Оку и Верхнюю Волгу из Верхнего Поднепровья и более западных областей. По-видимому, из Среднего Поднепровья, от племен «накольчатой керамики» IV—III тысячелетий до н. э. волго-окские племена получили искусство изготовления глиняной посуды.

Из Волго-Окской области, где в настоящее время известно в общей сложности свыше 300 мест неолитических поселений, охотничье-рыболовческие племена в III тысячелетии до н. э. двигались на север, постепенно расширяя свою территорию. Главным путем их движения были левые притоки Волги, прежде всего Шексна. Высказанная впервые Ю. Айлио мысль о том, что волго-окские неолитические племена сыграли большую роль в формировании неолитической культуры на территории юго-восточной Финляндии и Карелии, впоследствии была подтверждена работами А. Я. Брюсова³⁵. Им же и М. Е. Фосс было установлено, что выходцы из Волго-Окской неолитической области проникли вплоть до берегов Белого моря³⁶.

А. Я. Брюсов, очевидно, прав, полагая, что движение волго-окского неолитического населения в северном и северо-западном направлениях, было, так сказать, естественным процессом: древние охотники и рыбо-

²⁷ В. М. Раушенбах, Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, Труды ГИМ, вып. XXII, М., 1953.

²⁸ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины, «Известия ГАИМК», вып. 106, 1935.

²⁹ Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 67; В. В. Федоров, Плехановская неолитическая стоянка, МИА СССР, 39, 1953; Ф. Я. Селезнев, Приокские древнейшие поселения, Труды Владимирского обл. музея, вып. 3, Владимир, 1928.

³⁰ Раскопки В. И. Смирнова, Костромской обл. музей; Н. Н. Гурин, Неолитическое поселение Борань, МИА СССР, 79, 1960.

³¹ Раскопки Д. Н. Эдинга, Ростовский музей.

³² Разведки автора в 1949 г.

³³ Археологические работы Академии (ГАИМК) на новостройках в 1932—1933 г., т. I, М.—Л., 1935, стр. 120—142; П. Н. Третьяков, Неолитические памятники Молого-Шекснинской низменности, Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, т. 5, 1941.

³⁴ Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 66 и др.

³⁵ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, Труды ГИМ, IX, 1940, стр. 9—10; его же, Очерки по истории племен..., стр. 96 сл.

³⁶ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 153 сл.

ловы постепенно, в ходе сегментации родовых общин, осваивали новые малозаселенные пространства, богатые рыбой и зверем³⁷. Возможно, впрочем, что в более поздний период направление их движения в какой-то мере было обусловлено вторжением в волго-окское междуречье пастушеских племен, носителей фатьяновской культуры, продвинувшихся из Среднего Поднепровья³⁸.

В III тысячелетии до н. э. границей между камскими и волго-окскими неолитическими племенами служили широкие лесные пространства междуречья Волги и Вятки; лишь на берегах Волги, между устьем Оки и устьем Камы, эти племена могли близко соприкасаться³⁹. В конце III или начале II тысячелетия до н. э. эта граница была, однако, нарушена. В это время в восточной и северной частях Волго-Окской неолитической области — во многих районах Верхнего Поволжья, в нижнем течении Оки, на Клязьме, в ряде пунктов Валдайской возвышенности и на севере — появилось новое население, культура которого была очень близка культуре камских племен. Лучше всего эта культура исследована на Оке в районе Муроме, где она получила наименование волосовской, по имени знаменитой Волосовской стоянки.

О своеобразии волосовской культуры и отсутствии каких-либо ощутимых генетических связей между ней и местной неолитической культурой было известно уже давно. Но лишь в последние годы, в свете новых археологических данных, полученных в Прикамье, стало возможным высказать мысль о передвижении волосовских племен на Оку из бассейна Камы. Волосовские племена, по мнению О. Н. Бадера, — это одна из групп камских племен гаринского этапа турбинской культуры⁴⁰. Они принесли с собой на Оку не только гребенчатую керамику с горизонтальным или диагональным расположением орнаментальных полос, сделанную из глины с примесью толченой раковины или растительной трухи, какая бытовала в этот период на Каме, не только некоторые своеобразные формы каменных орудий, но и характерные приемы домостроительства — прямоугольные дома-полуземлянки с длинными канавообразными выходами, нередко соединенные друг с другом специальными переходами. Такие жилища, обычные для Прикамья, резко отличались от традиционных волго-окских круглых землянок. Волосовские племена имели также и особые идеологические представления, не свойственные местному волго-окскому населению, получившие отражение в многочисленных фигурках из кремня, изображающих людей, животных и водоплавающих птиц. А. А. Формозов допустил ошибку, связывая эти кремневые фигурки с волго-окскими племенами⁴¹. Они повсеместно сопутствуют культурам волосовского или близкого им типа. Наконец, для волосовских племен, как и для населения Прикамья, характерны могильники, состоящие из захоронений умерших преимущественно в вытянутом положении, а также отдельные захоронения внутри жилищ. Подобно погребениям турбинской культуры Прикамья, волосовские погребения никогда не сопровождаются керамикой. У племен с характерной волго-окской культурой раннего типа никаких могильников до сих пор не обнаружено.

По антропологическому составу люди волосовской культуры сочетали как европеоидные, так и монголоидные или лапоноидные признаки.

В середине II тысячелетия до н. э. в области Балахнинской низины, примыкающей к устью Оки с севера, также появилось новое население. По мнению О. Н. Бадера, сюда проникла группа камских племен с керамикой борского этапа турбинской культуры. Кроме многочисленных

³⁷ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 9—11.

³⁸ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 182.

³⁹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 100.

⁴⁰ О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской экспедиции, стр. 56—57.

⁴¹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 102—103.

поселений, этой группе племен принадлежал знаменитый Сейминский могильник, откуда происходят многочисленные бронзовые изделия, характерные для прикамских могильников турбинской культуры⁴².

Если движение волго-окских племен в северном направлении, как уже было сказано, представляло собой медленный процесс, связанный с сегментацией общин охотников и рыболовов и с передвижением новых общин в малонаселенные пространства, то появление на Оке волосовских и позднебалахнинских (сейминских) племен имело, по-видимому, иной характер. Здесь происходило, вероятно, переселение значительных и компактных групп, вторгшихся на чужую территорию и изгнавших или покоривших жившее здесь старое население.

В работах А. Я. Брюсова и И. К. Цветковой ареал волосовской культуры ограничивался сравнительно небольшой областью на Нижней Оке⁴³. С этим нельзя, однако, согласиться. Культура волосовского типа сменила местную неолитическую культуру на очень широкой территории. И не только в нижнем и среднем течении Оки и на Клязьме⁴⁴, но и во многих более северных областях. Если раньше Волга выше устья Оки была, так сказать, внутренней рекой волго-окских племен, то теперь, во II тысячелетии до н. э., этот участок течения Волги превратился в водную дорогу камских племен, по которой они двигались на северо-запад, основывая вдоль этого пути свои поселения. В пределах Костромской низины находятся стоянки Борань и Станок, материалы верхнего слоя которых, резко отличающиеся от древностей местной неолитической культуры, являются ближайшими аналогиями материалам одной из волосовских стоянок — Халамониhi. В Костромской низине имеется еще несколько стоянок с гребенчатой керамикой, близко напоминающей волосовскую и камскую⁴⁵. Такая же керамика известна в пределах Молого-Шекснинской низины, а также на озерах Неро и Плещеево. Выше по Волге такая керамика характеризует верхний культурный слой Языковской стоянки на р. Яхроме и стоянки у д. Никола-Перевоз в низовьях р. Дубны, что было отмечено еще Б. С. Жуковым⁴⁶.

На стоянке у д. Языково обнаружен древний могильник, пока единственный в области Верхнего Поволжья. Скелеты людей лапоноидного облика, лежащие в вытянутом положении, находились в толще культурного слоя на 0,30 м ниже его поверхности⁴⁷. Это обстоятельство позволяет думать, что могильник следует связать не с основным культурным слоем стоянки, содержащим ямочно-гребенчатую керамику, а с верхним горизонтом культурного слоя, включающим остатки культуры волосовского типа.

Недалеко от верховьев Волги находится известная Бологовская стоянка, древнейший керамический материал которой еще А. А. Спицын справедливо сравнивал с волосовским. Такое же мнение о бологовской керамике было высказано М. Е. Фосс. Действительно, керамика из нижних слоев бологовской стоянки сделана из глины с растительной и раковинной примесью, орнамент посуды — преимущественно разнообразный гребенчатый, с прочерченными линиями и веревочными отпечатками. По общему облику посуда близко напоминает и волосовскую и камскую. То же следует сказать о керамике, происходящей из некоторых пунктов на озере Пирос и из раскопок Н. К. Рериха у с. Кончанского. В последнем пункте было обнаружено большое количество изделий из

⁴² О. Н. Бадер, Стоянка Бор II на р. Чусовой и предананьинское время в Прикамье, стр. 211—212.

⁴³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 72—73; И. К. Цветкова, Волосовские неолитические племена, Труды ГИМ, в. XXII, М., 1953, стр. 33—34.

⁴⁴ В. М. Раушенбах, Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 15—16.

⁴⁵ Раскопки В. И. Смирнова. Материалы хранятся в Костромском областном музее.

⁴⁶ П. К. Цветкова, Новый памятник волосовской культуры близ г. Переяславля Залесского, Труды ГИМ, в. 37, М., 1960; Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 66.

⁴⁷ О. Н. Бадер, Археологические работы у д. Языково, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

прибалтийского янтаря, свидетельствующих о существовании связей между Валдайской возвышенностью и побережьем Балтийского моря ⁴⁸.

При современном состоянии наших знаний трудно, конечно, обрисовать все стороны процесса изменения состава населения в восточной части Волго-Окской неолитической области. Но и сейчас можно различить стоянки II тысячелетия до н. э. с более или менее «чистой» керамикой уральско-камского (или волосовского) типа и стоянки со смешанным материалом, где наряду с волосовской имеется поздняя волго-окская керамика. Ямочные углубления на ней наносились с интервалами; иногда они составляли несложные геометрические узоры или же располагались без всякого порядка. Такая посуда имеется в ряде пунктов в рязанском течении Оки, на озерах Неро и Плещеево, в Костромской низине, на Бологовской стоянке. Есть отдельные пункты, где такая керамика численно преобладает над волосовской или является единственной. В 1936 г. на берегу Волги, в устье р. Куксы около Калязина, нами были произведены раскопки стоянки с керамикой, покрытой редко расположенными округлыми ямками, вместе с которой встречена архаическая текстильная керамика.

Таким образом, процесс изменения состава и культуры населения был, по-видимому, весьма сложным и несомненно длительным. Местные волго-окские племена отнюдь не исчезли без следа. Их следует рассматривать как субстрат, сыгравший хотя и подчиненную, но все же очень значительную роль в дальнейшей этнической истории Поволжья. Процесс изменения состава и культуры населения вряд ли завершился в рамках II тысячелетия до н. э. Здесь следует иметь в виду, что ассимиляция в области культуры могла быть лишь первой ступенью на путях этнической ассимиляции. Поэтому население восточных и центральных частей Волго-Окской области во II тысячелетии до н. э. правильнее охарактеризовать как смешанное, состоящее из местных и более сильных пришлых элементов. Этническая пестрота усугублялась вторжением в Волго-Окскую область скотоводческо-земледельческих племен из Среднего Поднепровья. Впрочем, их роль в этнической истории лесной полосы Поволжья была, по-видимому, не очень значительной.

В западной части Волго-Окской области — в ряде районов в верховьях Волги, на Верхней Оке с притоками и на Десне — материальная культура уральско-камского или волосовского характера не найдена. Во II тысячелетии до н. э. там переживали старые местные традиции. Это обстоятельство чрезвычайно важно для обоснования гипотезы о расселении на запад уральско-камских племен. Если бы культура волосовского типа со всеми складывающимися ее элементами была не пришлой, а местной культурой эпохи бронзы, то она появилась бы не только в восточной, но и в западной части Волго-Окской неолитической области. Этого, однако, не наблюдалось.

На стоянках Петровских озер на Верхней Волге среди поздней ямочной керамики встречены лишь единичные черепки волосовского облика ⁴⁹. В области Валдайской возвышенности, на озерах Бологое и Пирок и у с. Кончанского, как и в некоторых других пунктах, господствует глиняная посуда смешанного характера, в состав которой входят, во-первых, поздняя керамика волго-окского типа, покрытая геометрическими узорами из редко расположенных ямочных и других отпечатков, во-вторых, посуда верхнеднепровского типа с гребенчатыми отпечатками и, в-третьих, уральско-камская или волосовская керамика с орнамента-

⁴⁸ А. А. Спицын, Бологовская стоянка каменного века, «Записки Отделения русских и славянск. археологии Русск. археолог. об-ва», т. V, вып. 1, 1903, стр. 252—253, табл. XXXIV—XLII; Н. К. Рерих, Некоторые древности пяжин Деревской и Бежецкой, там же, стр. 22—26, 34—37; М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 165. Коллекция с озера Пирок хранится в Гос. Эрмитаже.

⁴⁹ О. Н. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер, МИА СССР, 1950, № 13, стр. 59.

цией из тонких прочерченных линий, расположением узора по диагонали и т. д. Своеобразие керамики неолитических стоянок, расположенных в области Валдайской возвышенности, послужило Н. Н. Гуриной одним из оснований для выделения особой валдайской неолитической культуры, которую она датирует II тысячелетием до н. э.⁵⁰. Далее на запад, в бассейне Западной Двины на неолитических стоянках не встречается ни волго-окской, ни волосовской керамики. Там господствует посуда, характерная для Балтийско-Днепровской этнокультурной области⁵¹.

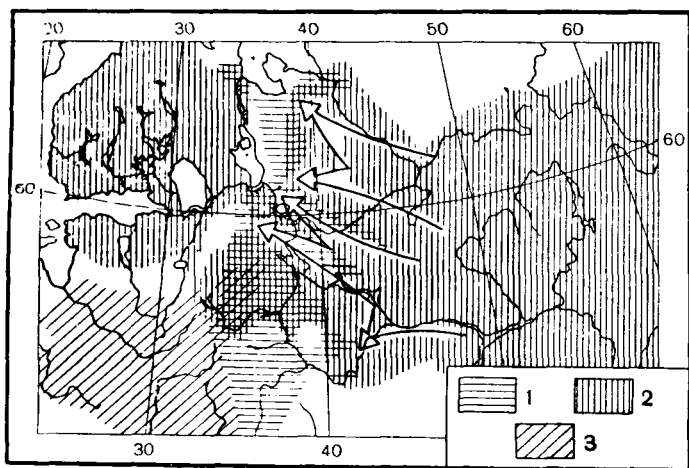

Рис. 2. Местные культуры лесной полосы Европейской части СССР в середине II-го тысячелетия до н. э.: 1 — волго-окские культуры; 2 — уральско-камские и прибалтийская культуры; 3 — балтийско-днепровские культуры

На Верхней Оке, как справедливо отмечает А. Я. Брюсов, для позднего времени характерна керамика, украшенная поверху беспорядочно разбросанными мелкими неправильными ямками. Такова, например, керамика стоянок, открытых в районе Серпухова или в нижнем течении р. Угры⁵². Что же касается бассейна Десны, составлявшего раньше западную окраину Волго-Окской неолитической области, то во II тысячелетии до н. э. там наряду с местной распространяется культура верхнеднепровского типа, совсем не похожая на волосовскую. Граница между культурой волосовского типа и сохранившей свои традиции местной волго-окской культурой во II тысячелетии до н. э. была, естественно, очень нечеткой (рис. 2). В бассейне Оки она проходила где-то около устья Москвы-реки. Отметим, что эта граница — западный рубеж финно-угорских племен в поречье Оки — просуществовала, значительно не изменяясь, вплоть до второй половины I тысячелетия н. э., когда она была сметена славянской колонизацией.

4

Следует высказать, однако, предположение, что путь с востока на запад, по которому распространялись уральско-камские племена, шел не только по Волге и ее притокам. Был, очевидно, и другой, более се-

⁵⁰ Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 3.

⁵¹ Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Зап. Двины, сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955.

⁵² А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 51—55. Стоянки нижнего течения р. Угры были обследованы автором в 1936 г.

верный и, возможно, более древний путь, соединявший верховья Камы и Вятки и Северное Приуралье в целом с верхними притоками Северной Двины и далее — с краем больших озер Северо-Запада. Как известно, на Сухоне, которая должна была составлять одно из важнейших звеньев северного пути, нет или почти нет ямочной керамики, а имеется гребенчатая керамика, как ранняя, так и более поздняя, часть которой близка, по нашему мнению, к посуде стоянок побережья Галичского озера: Туровской (Галичской) и Умиления (Пески)⁵³, принадлежавших вместе с известным Галичским кладом бронзовых предметов к одному из вариантов уральско-камских культур эпохи бронзы. Попутно отметим, что стоянкам типа Туровское и Умиление на Галичском озере предшествовали стоянки с характерной кругло-ямочной керамикой, известные в ряде пунктов, например, на полуострове Иседы на южном берегу озера и у истоков р. Вексы Галичской. Точно такая же картина наблюдалась на Чухломском озере, входящем, как и Галичское, в систему р. Волги. Там были более ранние стоянки, принадлежавшие к культуре ямочной керамики, например Федоровская у истока р. Вексы Чухломской, и поздние, такие, как стоянка на р. Юг⁵⁴.

В восточной части озерного края Северо-Запада, в районе озер Белого, Кубенского, Воже и Лача, оба древние пути уральско-камских племен — волжский (волжско-шекснинский) и северный — соединялись и в то же время расчленились на множество мелких путей, которые по озерам, протокам и рекам вели дальше на север и на запад. В этой части озерного края в течение многих лет производили раскопки А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс. Их исследования показали, что в конце III тысячелетия до н. э. здесь существовала культура волго-окского происхождения, с типичной ямочной керамикой⁵⁵. Несколько позже здесь появляются отдельные поселения, принадлежавшие племенам, совсем иного облика. Одно такое поселение, состоящее из построек на сваях, было исследовано А. Я. Брюсовым на р. Модлоне. Автор раскопок, указав на своеобразие культуры модлонского поселения, высказал предположение, что оно составляло реликт материальной культуры древнейшего населения севера. Вслед за О. Н. Бадером мне представляется, что это определение не соответствует истине. Модлонская керамика нижнего слоя с примесью битой раковины в тексте и зубчатыми вдавлениями в виде вертикальных зигзагов и горизонтальных полос, иногда напоминающих «шагающую гребенку», несомненно принадлежит к кругу уральско-камских культур конца III — начала II тысячелетия до н. э. Этому выводу не противоречат ни костяные и деревянные изделия, ни свайные постройки. На Модлоне поселилась пришедшая издалека община. Ее враждебные отношения с жившим здесь ранее населением, которые так колоритно рисует А. Я. Брюсов (если это отвечает истине), объяснялись именно этим обстоятельством⁵⁶.

Как и в Кончанском, на Модлоне найдены в значительном количестве янтарные украшения, говорящие о связях расселяющихся уральско-камских племен с юго-восточной Прибалтикой.

⁵³ Н. А. Черницын, Черняковская стоянка, «Доклады Научн. об-ва по изучению местного края при Тотемском музее», вып. VI, Тотма, 1928; Стоянки Галичского озера: раскопки В. И. Смирнова, Костромской музей; В. А. Городцов, Галичские клад и стоянка, Труды секции археологии РАНИОН, III, 1928.

⁵⁴ Открыты В. И. Смирновым в 1924 г. М. Е. Фосс, Керамика Федоровской стоянки, Труды секции археологии РАНИОН, IV, 1929; А. В. Збруева, Стоянка на р. Юг, там же.

⁵⁵ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 81—89 (Древний этап каргопольской культуры).

⁵⁶ А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне, МИА СССР, 20, 1951; его же, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 130; O. V a h d e r, Kulturen der Bronzezeit..., стр. 37.

В более позднее время, приблизительно в середине II тысячелетия до н. э., в восточной части озерного края культура уральско-камского происхождения явно побеждает волго-окскую. По наблюдениям М. Е. Фосс, керамика этого времени резко отличается от более древней. На ней отсутствует традиционный волго-окский ямочно-гребенчатый орнамент; узоры состоят из неопределенных вдавлений, нарезок и т. д., расположенных в виде широких зон, соединенных одна с другой косыми полосами. М. Е. Фосс не сомневалась в том, что в середине II тысячелетия до н. э. на оз. Воже, Лага и др. произошла смена населения. Правильны сделанные ею сопоставления керамики середины II тысячелетия до н. э. с посудой из Галической стоянки (Туровское) и с керамикой, найденной на р. Юг у с. Мармылина близ г. Великий Устюг. А. Я. Брюсов также считал, что новое население пришло сюда откуда-то с востока⁵⁷. Мы полагаем, что распространение на севере культуры нового типа было связано как с развитием племен типа Модлоны, появившихся здесь на рубеже III и II тысячелетий до н. э., так и с притоком во II тысячелетии до н. э. новых племен, культура которых действительно напоминала галическую, а еще больше культуру турбинских поселений борского этапа на Каме. Кроме характерной керамики, новые племена принесли сюда, как и в нижнее течение Оки, свои специфические культовые предметы — вырезанные из кости и высеченные из кремня фигурки животных, птиц и человека, в том числе изображения водоплавающих птиц, а также схематические воспроизведения этих птиц на глиняных сосудах. Отныне и вплоть до средневековья связанное с культом изображение водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы будет служить одним из характерных элементов древней финно-угорской культуры.

В восточной части озерного края найдены два древних могильника. Время одного из них — трех погребений из Кубенина, лежащих ниже культурного слоя неолитической стоянки, — является спорным. А. Я. Брюсов относит этот могильник к раннему времени, предшествующему возникновению стоянки. Автор раскопок М. Е. Фосс считает погребения синхронными стоянке, датируемой второй четвертью II тысячелетия до н. э., указывая, что они были совершены вблизи очага⁵⁸. Мы полагаем, что данное определение ближе к истине. Могильник на Караванхе, исследованный А. Я. Брюсовым, относится им к широкому промежутку времени, укладывающемуся в рамки II тысячелетия до н. э. Большинство погребений принадлежит ко второй половине этого отрезка времени⁵⁹. Следовательно, могильники озерного края, как и все другие древние могильники, известные в лесной полосе Восточной Европы, можно связать не с волго-окскими, а с протофинно-угорскими культурами. Следует отметить, что монголоидный (лапоноидный) антропологический элемент оказался представленным здесь весьма выразительно.

Подобные же процессы несколько в более поздние сроки протекали и далее к северу — в Беломорье. Первоначально, как уже указывалось, туда проникли племена волго-окского происхождения. В конце II тысячелетия до н. э., по наблюдениям М. Е. Фосс, в Беломорье появилось население с иной культурой⁶⁰, связи которого с Приуральем и Прикамьем, как нам представляется, не вызывают никаких сомнений.

Самый сложный вопрос, с которым нам приходится сталкиваться, — это определение времени появления протофиннов на территории Вос-

⁵⁷ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 89—90, 116—119; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 122.

⁵⁸ М. Е. Фосс, Погребения на стоянке Кубенино, Труды ГИМ, VIII, 1938; е е же, Стоянка Кубенино, «Сов. археология», V, 1940, стр. 38—41; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 120.

⁵⁹ А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне.

⁶⁰ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 135.

точной Прибалтики. Вопрос этот сложен потому, что культурная стратиграфия III—II тысячелетий до н. э. складывалась в Прибалтике совсем иначе, чем на центральной и северной территории лесной полосы Восточной Европы, где расселяющиеся из Прикамья и Приуралья племена наслаивались на волго-окский неолитический субстрат.

Северо-западной окраинной области распространения волго-окских племен служило побережье Онежского и Ладожского озер. Здесь расположены такие стоянки с волго-окской ямочно-гребенчатой керамикой, как Вознесенская у истока Свири, Вой-Наволоки 5, Сунская 5 и многие другие⁶¹. Они относятся к III тысячелетию до н. э. На онежских и ладожских стоянках более позднего времени элементы керамики камских типов или совсем не встречаются или представлены очень слабо. Это говорит о том, что переселенцы из Уральско-Камского края, проникшие на Оку, Волгу и в северные области во II тысячелетии до н. э., либо не достигли берегов Ладожского и Онежского озер, либо их культура в этих местах настолько видоизменилась и слилась с волго-окской, что появление здесь новых племен при настоящем уровне знания не может быть отмечено.

Очень интересны находки керамики, отдаленно напоминающей волосовскую или уральско-камскую, сделанные за последние годы на территории Эстонии (Нарва-Рийгикюла, Акали). Керамика изготовлена из глины с примесью толченой раковины и растительной трухи, имеет гребенчатую орнаментацию, в частности отпечатки «двойной гребенки», а также узор «шагающая гребенка»; встречается орнамент, состоящий из комбинации прямых прочерченных линий. Впервые на территории Эстонии такая керамика была открыта на стоянках около Нарвы, исследованных Н. Н. Гуриной, отметившей уральские элементы в орнаментации керамики и указавшей, что такая керамика имеется в коллекции А. А. Иностранцева (Ладожская стоянка). Очевидно именно с этой керамикой должны быть связаны остатки открытых на стоянке двух жилищ-землянок, овальных в плане, с выходами, таких же, какие известны на Каме и в памятниках волосовской культуры на Нижней Оке. Сходство нарвских жилищ с ниже-окскими подчеркивается погребениями, совершенными в пределах жилищ⁶².

По мнению Л. Ю. Янитса, также отмечающего уральско-камские черты в нарвской керамике, она относится к раннему времени и, быть может, связывается с посудой типа Сперрингс (стиль I₂, по Европеусу)⁶³.

Но это лишь одна из возможных гипотез, касающихся происхождения керамики нарвского типа. В последнее время появилась мысль, разделяемая, кажется, и Л. Ю. Янитсом, о том, что истоки этой керамики, быть может, следует искать на юге — в области Поднепровья, в среде ранне-неолитических культур «гребенчато-накольчатой» керамики. Где находится истина — покажут дальнейшие исследования.

К северу от Онежского и Ладожского озер и далее на запад вплоть до побережья Ботнического залива в III тысячелетии до н. э. была распространена неолитическая культура с керамикой типа Сперрингс, которую А. Европеус разделяет на две последовательные культурно-хронологические группы⁶⁴. В последующее время, в начале II тысячелетия до н. э., на всей территории, занятой племенами культуры Спер-

⁶¹ Н. Н. Гурина, Керамика неолитического поселения у с. Вознесения на реке Свири, «Сов. археология», V, 1940; ее же, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА СССР, 20, 1951, стр. 96—100; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 98—99.

⁶² Н. Н. Гурина, Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии, сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955.

⁶³ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита... в приустьях р. Эмайыги, стр. 122—127.

⁶⁴ A. Europeus - Ayräpää, Die relative chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland, «Acta Archaeologica», 1, 2—3. København, 1930, стр. 171—178.

рингс, а также в юго-восточной Прибалтике, Приладожье и Прионежье, распространяется культура с прибалтийской «типичной» ямочно-гребенчатой керамикой (или «керамикой лучшего стиля»), украшенной нарядными геометрическими узорами из гребенчатых и ямочных вдавлений. Эта керамика, во многом отличающаяся от посуды типа Сперрингс, по мнению А. Европеуса, Л. Ю. Янитса и некоторых других исследователей, не может быть поставлена с последней в прямую генетическую связь. Ее появление, как полагают, свидетельствует о распространении в среде племен культуры Сперрингс новых культурно-этнических элементов, связанных, вероятно всего, с неолитом Приладожья и Прионежья. При этом предполагается, что распространение прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики знаменовало собой не что иное, как расселение в Восточной Прибалтике протофинно-угорских племен⁶⁵.

В свете всего сказанного выше, с этой точкой зрения трудно согласиться. Прибалтийская ямочно-гребенчатая керамика ничем не связана с керамикой камско-уральских (волосовских) типов, распространявшейся в конце III—II тысячелетий до н. э. вместе с протофиннами по центральному и северным областям лесной полосы Европейской части СССР. Между той и другой керамикой налицо территориальный и некоторый хронологический разрыв. Наиболее вероятным претендентом на место древнейшей в Восточной Прибалтике протофинской культуры является культура типа Сперрингс с ее камско-уральскими связями в керамике, с полозом от саней, изготовленным из сибирской сосны, с европеоидно-монголоидным антропологическим обликом населения, оставившего могильник на Оленьем острове. Эта культура появилась в Прибалтике вместе с одной из ранних волн переселения древних племен с востока на запад, предшествующей по времени расселению волго-окских племен в северном направлении.

Культуру с прибалтийской ямочно-гребенчатой керамикой, по нашему мнению, следует рассматривать как генетически восходящую прежде всего к культуре Сперрингс (стиль I₂, по А. Европеусу), но усложненную связями с волго-окским неолитом и, самое главное, запечатлевшую в своей орнаментации все то новое, что принесла с собой в Европу культурная жизнь II тысячелетия до н. э. Следовательно, носители культуры прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики — не столько протофинны, сколько уже обособившиеся предки прибалтийской группы финских племен. Интересно, что с этой культурой связаны в Восточной Прибалтике изображения водоплавающей птицы на керамике, что рассматривалось выше в качестве одного из возможных признаков древней финно-угорской культуры.

Если же мы ошибаемся и в ходе дальнейших исследований будет доказано, что с культурой Сперрингс связываются не протофинны, а другие (лапоноидные) племена, то в этом случае истоки этнической истории финнов в Восточной Прибалтике будет необходимо вынести, по-видимому, за хронологические рамки неолита и бронзы и отнести к началу I тысячелетия до н. э., ко времени распространения текстильной керамики, свидетельствующей о тесных связях, установившихся у населения Прибалтики с населением Волго-Окской области. Нам представляется, однако, что «сперрингсовский» вариант решения вопроса о появлении протофиннов в Восточной Прибалтике наиболее вероятен. Он согласуется, в частности, с наблюдениями над ранними балтийскими (индоевропейскими) элементами в прибалтийско-финских языках. Языковеды полагают, что появление этих элементов может быть свя-

⁶⁵ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 122—127, 339; А. Europeus. A u g ä r ä ä, Указ. раб. стр. 189—190.

зано с распространением в Прибалтике пастушеских племен с «культурой боевых топоров», что произошло в начале II тысячелетия до н. э.⁶⁶, то-есть почти за тысячу лет до появления текстильной керамики.

* * *

Итак, возвращаясь к вопросам, поставленным выше, мы склонны думать, что в среде охотничье-рыболовческих племен лесной полосы Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. имелась обширная культурно-этническая общность, простиравшаяся от Урала до Восточной Прибалтики по всем тем землям, которые впоследствии выступают как финно-угорские. Общность эта не была, однако, исконной, связанной с первоначальным заселением лесной полосы, как это казалось раньше. Она объединяла далеко не все племена, входившие в восточноевропейскую культуру ямочно-гребенчатой керамики в традиционном понимании этого термина, а возникла в результате вековых передвижений уральско-камских племен в западном направлении. Эта культурно-этническая общность не была также вполне синхронной. Первоначально, в раннем неолите, протофинно-угорские элементы из Зауралья и Приуралья продвинулись в северные области, достигнув Восточной Прибалтики. Затем наступил период, когда на север двинулись волго-окские неолитические племена и древние протофинны в Прибалтике оказались изолированными. В конце III—II тысячелетий до н. э. уральско-камские племена и их культура распространились в области нижнего течения Оки, Верхнем Поволжье и на значительных территориях на севере лесной полосы Европейской части СССР. Так были заложены первые основы этнической карты финно-угорского мира, известной по древнейшим письменным источникам и сохранившей многие свои черты вплоть до современности.

SUMMARY

In the works of A. Y. Brusov and other archeologists data is summarized showing that in the Mesolithic and early Neolithic period the forest belt of European Russia was settled by people arriving not only from the south but also from the east—the Urals and Trans-Urals area. This is also borne out by paleoanthropological data on the early population of hunters and fishermen of the forest belt of European Russia, among whom an important part was played by the Eastern (Mongoloid) strain.

In the author's opinion, the westward migration of hunters and fishermen from the Kama area and from the Urals was not limited to early times. A powerful migration wave bound westward occurred also at the end of the 3rd and at the beginning of the 2nd millenniums B. C. Its traces are particularly clearly seen on the sites of Neolithic and Bronze Age settlements in the lower reaches of the Oka, in the upper Volga area and to the north. Throughout this territory in the period under review the local Neolithic culture characterized by pit-marked pottery, overlapped with another culture of hunters and fishermen whose Urals-Kama origin is beyond doubt. In the lower Oka basin this new culture is known under the name of Volosovo culture. Here, as on other sites, it is characterized by comb-marked pottery, rectangular dwellings differing markedly from the rounded dwellings of the indigenous Volga-Oka tribes, burial mounds and original works of art. The spread of Urals-Kama cultural elements is observed throughout the territory subsequently known as Finno-Ugric. Apart from this territory, on the Desna and in the upper Oka and Dnieper areas, the Kama-Urals cultural elements are not traceable. It follows that the Kama-Urals tribes of hunters and fishermen of the 3rd and 2nd millenniums B. C., which spread in the lower Oka and upper Volga reaches and in the north, as well as in the Eastern Baltic regions, may be regarded as the proto Finno-Ugric population.

⁶⁶ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ САТИРИЧЕСКИХ СКАЗОК

Текстологическое изучение русских сказок можно начинать лишь со сказок XVIII века, т. е. с того времени, когда появились первые их публикации. Исследование же русских сказок более ранних периодов можно вести только путем реконструкции текстов и заключений по аналогии.

Сборникам русских сказок XVIII в. посвящена довольно значительная исследовательская литература¹, однако до настоящего времени первые публикации подлинно народных сказок, в частности бытовых, изучены недостаточно. А между тем нельзя не согласиться с С. Ф. Елеонским, что «в общей сложности сказки в печатных текстах XVIII века составляют обширный сказочный фонд и, несмотря на плохое качество записей, имеют несомненную историко-литературную и фольклорную ценность»².

Тексты эти сохранены для науки составителями сборников XVIII в., большей частью оставшимися неизвестными или малоизвестными писателями, которым принадлежит честь первых публикаций русской народной сказки. Особый интерес представляют публикации бытовой, сатирической сказки.

Новое дело публикации сказок в XVIII в. принципиально целиком опиралось на фольклор. Следование устной традиции подчеркивается названиями сборников, ремарками составителей, обращениями к читателю. Достаточно вспомнить такие, например, названия сборников: «Мужик, ищущий чести. Рассказчик забавных басен»; «Забавные вечера, или собрание нравственно увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам»; «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небылицы»; «Старичок-Весельчак, рассказывающий давние московские были»; «Веселый рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести»; «Не любо не слушай, а лгать не мешай».

¹ См.: В. В. Сиповский, Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 2, СПб., 1910; С. В. Савченко, Русская народная сказка, Киев, 1914; В. Б. Шкловский, Чулков и Левшин, Л., 1933; В. И. Чернышов, Русские сказки в изданиях XVIII века, сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу», Л., 1934; И. М. Колесническая, Русские сказочные сборники последней четверти XVIII в., «Уч. зап. Ленинградского гос. ин-та», № 33, вып. 2, 1939; С. Ф. Елеонский, Сказка в быту и рукописной литературе XVIII века, «Уч. зап. Московского Городского пед. ин-та», т. XXXIV, вып. 3, 1954; М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958; J. a g o s l a v M a n d a t, Lidova pořadka v ruskem vyvoje literární, Praha, 1960.

² С. Ф. Елеонский, Указ. раб., стр. 106.

В заглавиях подчеркивается подчас не только связь сборника с фольклором, но и с обычаем рассказывать сказки на сон грядущий, неоднократно отмечавшимся в литературе, в частности в сатирических журналах второй половины XVIII в. Таково, например, название сборника «Лекарство от задумчивости и бессоницы, или настоящие русские сказки».

В предисловиях к сборникам постоянно указывается близость печатаемых текстов к народному творчеству, что служит как бы оправданием вторжения устной сказки в литературу, необычности и недостаточной профессиональной литературной квалифицированности сборников. Так, автор сборника «Забавный рассказчик» Евграф Хомяков в посвящении говорит о «слышанных от рассказчика и собранных им сказках». В. Левшин отзывается о своей книге как о «содержащей в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне», а в заглавии ее упоминает «оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Сергей Друковцов дает к своей книге «Сава, ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные» эпиграф: «Сава в день сидела, по ночам летала, кур хватала, где что видела и от кого что слышала рассказывала»³.

Составители сказочных сборников упорно обращаются к определенному контингенту читателей, а именно — к любителям слушать сказки. Так, составитель сборника «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок, изданного иждивением московского купца Ивана Иванова для любителей оных» в «Предупреждении» пишет: «Зная много людей, кои большую имеют охоту до старых погудок, из них некоторые желательны были, чтоб иметь несколько забавных и шутивых повестей, собранных в одно место, которые были б изданы в свет и так в удовлетворении их желания столько, сколько мог заимствовать от разных рассказчиков, снабдивших меня сею материею, собрал и читателям моим сообщаю»⁴. Евграф Хомяков также говорит о своем намерении «сделать удовольствие тем, кои охотно читают сказки»⁵. Наконец, М. М. Херасков, подчеркивая мнимую сказочность своей «Бахарианы», «волшебной повести, почерпнутой из русских сказок», следуя установившемуся обычаю, дает ей эпиграф:

Проходит летняя приятная пора,
Настали скучные осенни вечера,
Не милы нам пиры, не милы игры, пляски,
Что ж будем делать мы? Писать и слушать сказки...⁶

Составители сборников как бы сознательно отступают на второй план, выдвигая на первый план образ сказочника, рассказчика, якобы стремясь сохранить его стиль. Е. Хомяков, например, «возможные недостатки красноречия» своей книги объясняет тем, что он «не хотел потерять того слога, коим повествовал ему рассказчик его»⁷. Пропуски в повествовании он соответственно мотивирует: «Оных слов мой рассказчик не упомянул, следовательно, и мне не известно было, что тут написать». Он дает словесный портрет рассказчика и упоминает традиционное для русского бахаря угощение: «Успех сей сказки, сказал мой рассказчик, произошел от вина, следовательно, и мне должно выпить рюмку оною. Я не доволю рюмку, но и стакан ему велел наполнить, он, выпив и разгляда бороду, начал таким образом»⁸. Состав-

³ Сергей Друковцов, Сава ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные, СПб., 1779.

⁴ «Старая погудка на новый лад», М., 1795.

⁵ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, М., 1791.

⁶ «Бахаряна, или неизвестный», М., 1803.

⁷ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, ч. I, М., 1791.

⁸ Там же, стр. 88.

витель сборника «Вечерние часы» отмечает заслуги сказочников, донесших до нашего времени древние сказки славян древлянских; «Время,— пишет он,— съело все сии рукописи, но рачительные сказывальщики древних сказок довели до наших дней это наследство своих предков». Составитель сборника «Крестьянские сказки» скрывшийся за инициалами М. Ж., просит извинить «недостатки красноречия рассказчика» его потому, «что я каким штилем от него слышал, так же точно и вам предлагаю». Наконец, пусть несколько иронически, портрет сказочника-мастера дан в известной книге Василия Березайского «Анекдоты древних пошехонцев».

Неоднократно встречаем мы в сборниках XVIII в. и указания на народность, или «простонародность», публикуемых сказок. О сказках, которые «можно услышать в любой харчевне», как уже упоминалось выше, говорит В. Левшин, и именно так они были отмечены и неблагоприятным рецензентом в «Санктпетербургском Вестнике». «Крестьянские сказки» называет свой сборник М. Ж. Такой же характер носят постоянно повторяющиеся указания на то, что предлагаемая вниманию читателей книга содержит «настоящие русские сказки». Сборник «Старая погудка на новый лад» имеет подзаголовок «Или полное собрание древних простонародных сказок». В этом плане сказка противопоставляется «высоким» жанрам — «мы не поему, ниже высокопарную сочиняем оду,— пишет В. Березайский,— а просто без прикрас побасеночки сплетаем да мараем»⁹. Да и самые образы зубоскала, веселой старушки, старичка-весельчака, пересмешника, определяющие характер сборников, а также их названия («Старая погудка на новый лад», «Дедушкины прогулки», «Не любо не слушай, а лгать не мешай») нарочито грубоваты, подчеркнуто «простонародны».

Как правило, составители сборников XVIII в. подчеркивают, что их цель — дать любителям сказок «легкое чтение», «собрание народных русских сказок, служащее к увеселению и забаве любителей простого слога», как говорится в одном из сборников. «Благосклонный читатель! — пишет составитель сборника «Зубоскал, или новый пересмешник», — сим предуведомляю тебя, что сия книжка написана мною и выпущена или издана в свет не для поправления умов и нравов человеческих, потому что в ней нравоучения совсем не имеется, а только для того, если кто возьмет труд ее прочесть, то она может служить забавою или по крайней мере веселым препровождением свободного времени». В этой установке сборников сказок XVIII в. мы также видим общность с народной сказкой, которая прежде всего должна быть занимательной, основная черта которой — вымысел. Эта жанровая особенность сказки очень точно сформулирована еще в XVIII в. в одной заметке «О сказке»: «Сказка есть повествование вымышленного происшествия... она требует вымыслов... Действие поэмы эпической есть истинное, а в сказке оно не должно быть истинное, ниже принимаемое за оное, ибо тогда произвело бы не «сказку», а «историю»¹⁰. Кстати сказать, установка на «несерьезность» в литературной сказке столь же явная, сколь и в устной: и та, и другая поучают читателя, выражают заветные мечты и мысли своих творцов.

Нарочитое подчеркивание «легковесности» сказочной литературы было отчасти порождено и отношением к сказке образованного читателя XVIII в. Достаточно вспомнить, как А. Болотов в своих воспоминаниях с негодованием описывает фельдмаршала на походе, который, утлая в пуховиках, слушает «глупые и одними только нелепостями наполненные сказки», как иронически отзывались о сказках сатирические

⁹ В. Березайский, Анекдоты древних пошехонцев, СПб., 1798, стр. 151.

¹⁰ Цит. по книге В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа», т. I, вып. 2, стр. 84.

журналы того времени, как Фонвизин высмеивал пристрастие к сказкам Митрофанушки и Скотинина. В XVIII в. образованные русские люди иронизировали над сказками, но охотно слушали их, слегка презирали их, но покупали и читали.

Кто же составители этих сборников, явно направленных «низовым» читателям: грамотным крестьянам, мещанам, мелким чиновникам, купеческим сынкам, поповичам? Эти читатели хорошо знали народную устную сказку, переводные и оригинальные рукописные повести, усердно переписывали «Бову-королевича», «Еруслана Лазаревича», «Францыла Венециана», «Гаука» и т. п. Они захотели, наконец иметь и свои книги, — ими оказались те же повести и сказки: «Тысяча и одна ночь», «Похождения шута и плута Совестдрала», «Приключения Ваньки-Каина».

Та же социальная среда дала и новых «мелкотравчатых» писателей, хорошо знавших вкусы «низовых» читателей, их запросы, их язык. Это — преподаватель арифметики и словесности Василий Березайский, небогатый помещик Сергей Друковцов, бедняк-разночинец Михаил Чулков, сын унтер-офицера Н. Г. Курганов, «житель города Москвы» Матвей Комаров, «некоторый россиянин» Евграф Хомяков, наконец авторы, скрывшиеся за псевдонимами М. Ж., Е. Х., 80.600 и т. д.

О новых «низовых» писателях XVIII в. В. Н. Перетц правильно писал, что «они приносили в литературу свои вкусы и свои навыки, иногда сохраняя этим для нас перлы устного творчества»¹¹.

«По понятиям своего времени» составители сборников сказки XVIII в. не могли передать народные сказки «со всей безыскусственностью»¹². Однако они сохранили не только многие сюжеты народных сказок, но и народную трактовку сказочных образов, а местами и особенности их стили.

Первую публикацию народной бытовой сказки, а именно анекдота о похоронах собаки, известного в многочисленных народных версиях, неоднократно зафиксированного и собирателями в советское время, мы находим в знаменитом «Письмовнике» Николая Курганова (М., 1769) во втором «присовокуплении» за № 261. Возможно, что Курганов идет не только от русской сказки, так как этот антиклерикальный анекдот имеет широкое международное распространение, однако наличие его в устном русском репертуаре дает нам право предполагать здесь прежде всего русский источник. То же можно сказать и о нескольких других текстах Курганова, приведенных им в числе тех же «кратких замысловатых повестей»: об отце, давшем наглядный урок своим недружным детям, предложив им переломить веник (№ 189), о русском и поляке, согласившихся, что спорное блюдо достанется тому, кто увидит лучший сон (№ 223), о мужике, мудро распределяющем пять хлебов (№ 231). Учитывая интерес Курганова к фольклору, мы имеем все основания предполагать, что ему принадлежат первые публикации русской народной бытовой сказки.

Следующую по времени публикацию бытовой сказки мы находим в сборнике Сергея Друковцова «Бабушкины сказки», напечатанном в типографии Московского университета в 1778 г. В числе анекдотов, изложенных Друковцовым в «простонародном» стиле мы находим рассказ о том, как муж исправил нерадивую жену (Андреев, № 470)¹³, очень близкий к известным в устной традиции версиям этого сюжета. Не только сюжет, но и стилистические особенности текста, рассказан-

¹¹ В. Н. Перетц, Выставка массовой русской литературы XVIII века, Л., 1934, стр. 20.

¹² А. Н. Пыпин, О русских народных сказках, «Отечественные записки», т. CV, 1856, № 4, стр. 42.

¹³ Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Антти Аарне, СПб., 1929. Здесь и далее — Андреев.

ного в устной сказочной манере, дают все основания рассматривать этот текст как публикацию записи народной сказки. Вся интонация сказки, особенно использование рифмы, с целью создания комического эффекта, подтверждает фольклорную подлинность этого текста.

Народные сказки мы находим и в другом сборнике того же Сергея Друковцова «Сава, ночная птица». Содержание его полностью отвечает словам эпитафии, что «Сава рассказывала, от кого что слышала». И в этот сборник составитель включает несомненную запись народной сказки о Лутонюшке (Андреев, № 1842), причем она контаминируется, согласно народной традиции, с антибарской народной сказкой о том, как мужик увез у легковой смешливой барыни свинью с поросятами якобы на свадьбу (Андреев, № 1541). Сказка эта рассказана ярким, живым, подлинно народным языком, что выделяет ее среди остальных текстов сборника.

Публикации Друковцова еще более явно, чем тексты Курганова, опровергают недавно еще общепринятое мнение о том, что В. Левшину принадлежит почин введения в литературу народных сказок. На «пороге русской фольклористики», говоря словами М. К. Азадовского, рядом с Кургановым и Чулковым вырастает фигура Сергея Друковцова, «доброе и заботливого помещика», автора сочинений по городской и сельской экономике, составителя сборников сказок, опубликовавшего две подлинных записи народных сказок. Значение этих публикаций было явно не понято дореволюционными исследователями (А. Н. Пыпиным, В. Модзалевским), оценившими сборники Друковцова как «бессмысленно рассказанные анекдоты»¹⁴.

Несомненна перекличка публикаций С. Друковцова и В. Левшина¹⁵. Сборники их — в едином идейном русле. Тексты народных сказок включены Левшиным во вторую часть (стр. 1—50) его многотомного собрания русских сказок и объединены общим подзаголовком «Сказки народные», указывающим на то, что составитель ясно отдавал себе отчет в принципиальном отличии этих текстов от остального материала его книги. Тексты, идущие вслед за этими тремя народными сказками, объединены уже другим подзаголовком: «Разные, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Три сказки Левшина представляют собой литературный пересказ подлинных народных сказок, автор которого явно стремится сохранить их «простонародный» характер. Интересно, что все эти три сказки отличаются своей демократической направленностью. Первая из них использует один из острых и популярных сатирических сюжетов о ловком воре, во второй дан иронический образ «прозорливого воеводы», в третьей мы находим эпизоды, раскрывающие издеиство чиновников.

Публикации Курганова, Друковцова и Левшина, несмотря на недовольство критики, расчистили путь в литературу бытовой сказке. Известно замечание рецензента сборника Левшина: «Из прибавленных издателем новых сказок, некоторые, как то о воре — Тимохе, цыгане, и проч., с большею для себя книги выгодой могли бы быть оставлены для самых простых харчевень и питейных домов, ибо всякий замысловатый мужик без труда подобных десятков выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая труда господ писателей»¹⁶. Ссылкой на «всякого замысловатого мужика» рецензент подтверждает распространенность и народность опубликованных Левшиным сказок.

¹⁴ См. «Русский биографический словарь», СПб., 1905, стр. 692.

¹⁵ «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения», СПб., 1780—1783.

¹⁶ «Санктпетербургский вестник», СПб., 1781, апрель, стр. 295.

Вслед за первыми публикациями народные бытовые сказки в 90-х годах XVIII в. уже включаются в литературные произведения («Похождения некоторого Россиянина»), их число значительно увеличивается в сборниках литературных сказок («Забавный рассказчик»), наконец они становятся основным содержанием сборника («Анекдоты древних пешехонцев»).

В 1790 г. вышло произведение мемуарного характера «Похождения некоторого Россиянина». Автор его скрылся за псевдонимом 80.600, который раскрывается по системе цифровых псевдонимов как П. Х. Высказывалось предположение, что автор этой книги — Петр Хомяков (см. картотеки Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и Государственной исторической библиотеки). Во вторую часть этого произведения включено несколько сказок, якобы рассказанных прохожим солдатом. Сказки предваряются следующим авторским вступлением: «Ежели, любезный читатель, желаешь ты знать повествование простого рассказчика или слог русских сказок, то употреби на прочтении сих страниц, ими наполненных, несколько часов»¹⁷. Введением к этому разделу служит распространенная в русском репертуаре народная сказка о прохожем, который ночует в доме хозяина — любителя сказок (Андреев, № 1376 Б).

Сказки, включенные в «Похождения некоторого Россиянина», объединены общим подзаголовком «Русские сказки». Они довольно разнообразны по своему составу, однако в каждой из них есть элементы фольклора. Так, в литературную повесть о мертвеце и разбойниках вплетается фольклорный эпизод о скряге, притворившемся мертвым, чтобы не отдавать нескольких грошей долгу; по своей основе народная сказка о человеке, остроумно испугавшем сто волков; в занимательной повести о путешествующем солдате близок к фольклору образ ее героя; целиком взята из народного творчества сказка о соревновании в ловкости вора и мошенника; ряд фольклорных мотивов легко обнаруживается в сказке о ведьме и в рассказе о прохожем. Автор сборника всячески старается придать вводимым им в свою книгу сказкам характер записи, он дает описание сказочника, подчеркивает, что публикуемые им сказки рассказывались на сон грядущий. Все это роднит стиль автора «Похождений некоторого Россиянина» со стилем Евграфа Хомякова, составителя сборника «Забавный рассказчик».

Сказки, введенные в «Похождения некоторого Россиянина», не только стилизованы под устную сказку, но местами рассказаны таким живым, народным языком, что ощутимо выделяются из всего остального литературного повествования. Несомненная народность этих сказок дает основание отнести их к фольклорным публикациям XVIII в. Они принципиально ничем не отличаются от предыдущих и последующих публикаций XVIII в., в частности от публикаций В. Левшина. Следует отметить, что одна из сказок «некоторого Россиянина» полностью совпадает со сказкой сборника М. Ж. «Крестьянские сказки», приписываемого Матвею Комарову.

Исключительно большой интерес в плане исследования бытовой сказки XVIII в. представляет сборник Евграфа Хомякова «Забавный рассказчик»¹⁸. Напомним, что в посвящении автор сборника говорит о «слышанных от рассказчика и собранных им сказках», а в обращении к читателям указывает, что хотел сделать удовольствие тем, «кои охотно читают сказки». «Недостатки своего красноречия» он, как и автор «Похождений некоторого Россиянина», объясняет тем, что «не хотел потеть того слога, каким повествовал ему рассказчик». В первой части

¹⁷ «Похождения некоторого Россиянина», ч. 2, М., 1790, стр. 1.

¹⁸ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести, М., 1791.

этого сборника двадцать одна сказка. Из них восемь явно связаны с устной традицией: «Бодрый крестьянин», «Удивительные крылья и фонарь», «Помещик возвращается в свою деревню», «Хозяин в деревне», «Крестьянин, встретившийся на дороге господину», «Победа крестьянина над господином», «Угадчик», «Два крестьянина». В одних из них мы видим фольклорный сюжет, в других — отдельные фольклорные мотивы, в третьих — фольклорные образы. Таким образом, степень их близости устной традиции аналогична сказкам, включенным в «Похождения некоторого Россиянина». Особый интерес представляют бытовые сказки этого сборника и прежде всего сказка «Победа крестьянина над господином», совпадающая по сюжету с текстом Сергея Друковцова. Е. Хомяков использует тот же сюжет «Лутонюшки» (Андреев, № 1384), однако текст его другой, очевидно тоже устный. вариант этого распространенного в народном репертуаре сюжета. Хомяков также контаминирует его со сказкой о мужике, приглашающем свинью на пирушку. «Сия свинья моей матери сестра, а мне родная тетка». Финальный эпизод — крестьянин избивает господина, «дабы впредь не гонялся за мужиком» — и таким образом «крестьянин наш возвратился домой с двумя лошадьми и со свиньей, а господин с испещренной спиною»¹⁹.

Антибарская направленность этой сказки соответствует и другим текстам Хомякова, прежде всего сказке «Крестьянин, встретившийся на дороге господину», явно фольклорный сюжет которой сходен со знаменитой сказкой «Барин и плотник». Ту же направленность мы видим и в сказке «Хозяин деревни». Из эпизодов этой сказки два очень популярны в народной традиции: запасливый работник угощает голодного хозяина сеном, которым он якобы ужинает; барин делает вид, что говорит по-немецки, его требования не понимают, он остается голодным.

Известен в русском фольклорном репертуаре и сюжет сказки «Угадчик»: Мельник, в одежде философа, отгадывает загадки короля: «Сколько на небе звезд? сколь глубоко море, и что у меня в то время будет на уме, как вы с ответом ко мне приедете?»²⁰. Правда, источником этой сказки мог быть и западноевропейский текст, однако не исключена возможность, что Хомяков и в данном случае шел от русского устного текста.

Нельзя сомневаться, что источник сказки «Два крестьянина» — русский фольклорный текст: бедный крестьянин служит на дворе у богача собакой, взамен той, которую он нечаянно убил. Бесспорно фольклорна и сказка «Два приятеля» на сюжет «Лгало и Подлыгало» (Андреев, № 1920).

Итак, составитель сборника «Забавный рассказчик» Евграф Хомяков с полным правом облек свои тексты в форму устной сказки, рассказываемой неким сказочником, образ которого проходит через всю книгу.

Никаких сведений об авторе этого интересного сборника — Евграфе Хомякове нам найти не удалось. Предположение библиографов Государственной исторической библиотеки, что под этим псевдонимом скрывается Елизавета Хераскова, не подтвердилось. Книга Хомякова имеет подзаголовок «Сочинение одного Россиянина», что дает основание сближать ее с книгой «Похождения некоторого Россиянина», автор которой подписался таинственными цифрами 80.600. Обращение же Хомякова к читателю подписано: Е. Х. Житель города Москвы. Инициалами М. Ж. подписал свое обращение к читателям и составитель

¹⁹ Евграф Хомяков, *Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести*, М., 1791, стр. 87.

²⁰ Там же, стр. 105—106.

сборника «Крестьянские сказки», один из текстов которого, как указывалось выше, совпадает со сказкой из книги «Похождения некоторого Россиянина». В. С. Сопиков раскрывает инициалы М. Ж. как «Московский житель»²¹. Очевидно, это Матвей Комаров — житель города Москвы, автор «Истории славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина», «Английского милорда Георга» и, возможно, книги «Несчастный Никанор, или Приключения жизни российского дворянина». В. Шкловский, исследователь жизни и творчества Матвея Комарова²², также первоначально склонялся к тому, чтобы приписать его авторству сборник «Крестьянские сказки».

Обе эти книги несомненно близки к сборнику Хомякова «Забавный рассказчик» установкой на устную традицию, рассуждениями о недостатках красноречия, характером народных сказок, включенных в их состав, даже своим оформлением. Наличие на титульном листе «Забавного рассказчика» подзаголовка «Сочинения одного Россиянина» и вместе с тем подписи в той же книге «Московский житель», дает возможность предположить, что автором «Забавного рассказчика» и «Крестьянских сказок», а может быть и «Пождений некоторого Россиянина», является одно лицо, скрывшееся за несколькими псевдонимами. Если это так, то Матвей Комаров вырисовывается перед нами не только как публикатор прекрасного собрания народных песен, присовокупленного им к его сочинению о Ваньке-Каине, но и многочисленных переводных и русских сказок, и значение этого писателя в истории русской фольклористики вырастает до значения М. Чулкова, В. Левшина, Н. Курганова.

В примечании к главе своего исследования, посвященной «Крестьянским сказкам», В. Шкловский сообщает, что он после того, как его книга была набрана, случайно купил сборник «Забавный рассказчик». Появление второго «московского жителя» заставляет В. Шкловского отказать Комарову в авторстве «Крестьянских сказок» и вместе с тем предположить, что некий Е. Хомяков грелся в лучах чужой (комаровской) славы. Вывод — явно неубедительный. За Комаровым, таким образом, остается один только «Ванька-Каин», да еще пожалуй, «Английский милорд Георг». Хомяков же при таком распределении авторства вырисовывается как автор двух сборников сказок и нескольких переводов, так что «греться в лучах чужой славы» ему как будто бы незачем. Наличие сборника «Забавный рассказчик» не опровергает доказательств В. Шкловского в пользу принадлежности «Крестьянских сказок» Матвею Комарову. Аргументы исследователя против своих первоначальных положений недостаточно сильны. Очевидно, не было двух «московских жителей», а только один крупный писатель и фольклорист, публикатор подлинных народных песен и сказок Матвей Комаров.

Насыщен фольклорными элементами и упоминавшийся выше сборник «Старая погудка на новый лад»²³. Мы находим здесь сказку о дурне, делающем все наперекор здравому смыслу (Дурин-Шарин), о ловком воре, оставляющем в дураках барина (сказка о Климке), о батраке (Поп и батрак), обдурившем попа и затем утопившем в мешке барина, который захотел в «Арзамас на приказ». Антибарская направленность текстов этого сборника резче, определеннее, чем в сборнике Евграфа Хомякова. Достаточно указать на то, как описана драка батрака с баарином, в результате которой он «господина своего отправил на тот свет без пашпорта»²⁴.

²¹ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, М., 1813.

²² В. Шкловский, Матвей Комаров, Л., 1929.

²³ «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок, изданное для любителей оных иждивением купца Ивана Иванова», М., 1795.

²⁴ Там же, стр. 26.

В. И. Чернышов считает возможным видеть в сборнике «Старая погудка на новый лад» запись московского фольклора. «Полагаем,—пишет он,—что наши тексты взяты из устной традиции ...это сказки московские, в том виде, как они держались в среде неграмотных или полунинтеллигентных грамотеев, помнивших старые эпические предания»²⁵. В доказательство своей мысли В. И. Чернышов приводит свидетельства Н. И. Пирогова, Е. А. Чудинского, И. А. Худякова о московских сказках.

Этого, конечно, недостаточно, для точного определения территориальной принадлежности сказок сборника. Убедительнее другое замечание В. И. Чернышова применительно к тому же сборнику: «Простота и ясность построения сказок—след давнего пребывания сказок в среде весьма культурных городских носителей из народа, частью, очевидно, специалистов-сказочников старого времени»²⁶. Нельзя не согласиться и со следующим рассуждением исследователя: «Данные сказки, как и все другие сказочные издания XVIII века, выявляют любопытные факты, выражающие идеологию и потребности низовых грамотных слоев большого города: мелкой буржуазии, ремесленников, приказчиков, дворовых слуг и подобных мало использованных и изученных, но весьма важных носителей русской сказки»²⁷.

Положение это можно целиком отнести и к рассмотренным нами текстам сборников Н. Курганова, С. Друковцова, В. Левшина, Е. Хомякова.

Любопытным источником для суждений о бытовой сказке XVIII в. является, наконец, и упоминавшийся выше сборник В. Березайского «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1798). М. К. Азадовский справедливо замечает об этой книге: «Анекдоты Березайского переданы в литературной обработке, но заимствованы всецело из народных рассказов»²⁸. Сборник В. Березайского несомненно связан с рассмотренными нами выше публикациями народных бытовых сказок, но все же стоит несколько особняком. Безусловно, он заслуживает большего внимания, чем до сих пор выпало на его долю²⁹. Иронический тон обращения к «любезным нянюшкам и мамушкам», которым посвящен сборник, соответствует пародийному стилю всего повествования. Путем введения в текст народных пословиц, поговорок, рифмованных прибауток, песен автор пародирует высокий стиль героической сказки лирической песни, плача и этим усиливает комизм анекдотов о пошехонцах. Смехотворные «герои» пошехонцы «салятся на крутеньком бережочке, на желтеньком песочке», ложатся на «травку-муравку»; они, добрые молодцы, «как отставшие от стада лебединого лебедушки, встосковались, пригорюнились», идут «путем-дороженькой куда глаза глядят» и т. д.

Василий Березайский приводит несомненно фольклорные по своему существу сказки-анекдоты о пошехонцах, известные как в русских, так и в зарубежных вариантах. Герои его, как и западные шильдбюргеры, не могут разобрать, где чьи ноги. Они, подобно восточным оленбашцам, месят тесто в реке; как герои русской сатирической сказки бегают в погреб прихлебывать молоко, пасут корову на крыше, носят дым в решете и т. п. В сборнике Березайского приведены и распространенный в русском фольклоре анекдот (на сюжет «Суп из топора» — Андреев

²⁵ В. И. Чернышов, Русские сказки в изданиях XVIII века, сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу», СПб., 1934, стр. 606.

²⁶ Там же, стр. 607.

²⁷ Там же, стр. 609.

²⁸ М. К. Азадовский, Указ. раб., стр. 106.

²⁹ См. о В. Березайском интересную статью Д. М. Молдавского в сб. «Русская сатирическая сказка», М.—Л., 1955, стр. 236—246.

№ 1548) о похлебке, которую варят из камня, и сказка об обманщике, который «высиживает цыплят», очень близкая к бытующей и по сей час сказке «Барыня и цыплятки».

В книге Березайского любопытна переписка Любоведа и Словохота, предваряющая рассказы о пошехонцах, в которой дается как бы авторская характеристика этих рассказов, утверждается их принципиальная принадлежность русской устной традиции. Обращаясь к Словохоту с просьбой сообщить ему предания о пошехонцах, Любовец отмечает новое знаменательное общественное явление: «публика узнала вкус в чтении»³⁰. Он выражает удивление что «при толь благоприятных обстоятельствах для письмословия» никто не вздумает чего-нибудь написать о пошехонцах. «Нет, кажется,— пишет он,— человека, кто бы не знал об них какой-нибудь историйки и не любопытствовал знать более»³¹. Словохот из «города Галича, год нынешний, месяц на небе, число в святцах» также подтверждает народность и распространенность печатаемых ниже рассказов. По его словам, он затрудняется приступить к делу потому, что «на словах-то кое-как можно; ибо не всякое из них ставится в строку, а писать на бумаге совсем иное дело: что написано пером, того не вырубишь топором, говорится в пословице. Сверх же сего, где ты возьмешь достаточное собрание сказаний об етих ироях? Всяк об них что-нибудь знает, говоришь ты; но зачни же спрашивать, то увидишь сам, что не так-то скоро нападешь на знатока и охотника»³².

Вместе с тем Словохот готов служить своими побасками и согласен на то, чтобы они были переделаны: «Где чего недостает, изволь пополнить, худое поправь; где сказано неловко, выдумай острее, что не так, переделай по своему вкусу и представь свету в таком виде, какой тебе будет угоден. Материя ета почти стихотворческая, следовательно и вольности стихотворческие в ней позволительны»³³.

Таким образом, Василий Березайский принципиально поддерживает ту практику переделки народных сказок, которой следовали современные ему литераторы при публикации народных сказок. Именно так поступали Левшин, Хомяков, Друковцов и другие. И все же публикации их опровергают мнение о народной сказке XVIII в. В. Б. Шкловского, высказанное им в книге о Матвее Комарове: «Я думаю,— писал он,— что те сказки, которые называются у нас сейчас подлинно народными и запись которых началась в 30-х годах (Браницын), что эти сказки в XVIII веке еще не существовали»³⁴.

То обстоятельство, что в достоверных записях собирателей русской сказки XIX—XX вв. мы находим многочисленные, несомненно чисто фольклорные параллели к тем текстам, которые были опубликованы в XVIII в., дает нам право считать их первыми, пусть несовершенными, записями и публикациями русской народной сказки, на основании которых можно судить о характере сказочной традиции XVIII в. Публикации бытовой сказки XVIII в. дают возможность судить о ее социальной остроте, о характере ее сатиры, направленной против бар и судебных чиновников, против насилия и вымогательства, о ее идейной близости к передовой литературе того времени. Недаром ее первыми публикаторами и пропагандистами были демократические писатели XVIII века.

³⁰ В. Березайский, Анекдоты древних пошехонцев, 1798, стр. 3.

³¹ Там же, стр. 4.

³² Там же, стр. 7.

³³ Там же, стр. 8—9.

³⁴ В. Шкловский, Матвей Комаров, стр. 240.

SUMMARY

The first publications of Russian popular tales date from the 18th century; from that time on it is possible to make their textual analysis. The new undertaking of publishing popular tales in the 18th century rested on the oral tradition, which left its imprint on the names of collections, the comments of their compilers and their addresses to the reader.

The 18th-century collections of tales were meant for the democratic public and were compiled by democratic authors.

The first publication of tales based on everyday life appeared in 1769 in N. Kurganov's «Pismovnik». Of considerable interest are the texts of authentic tales of this type published by Sergei Drukovtsev in 1778 and 1779. The importance of these publications is patently underestimated by specialists in this field to this day.

The popular tales published by V. Lyovshin in his many-volume collection of Russian tales in 1780 followed the ideological trend of Drukovtsev's publications and were remarkable for their democratic spirit.

The work of Kurganov, Drukovtsev and Lyovshin paved the way for the appearance of this type of Russian tale on the literary arena. In the 1790's, tales based on everyday life were included in different literary works; their share in collections of tales rose considerably and they ultimately became the staple of such collections.

In this connection, considerable interest attaches to «Adventures of a Russian» (1790), whose author assumed the pen name of «80, 600,», to Yevgraf Khomyakov's «The Amusing Story-Teller» (1791), to «Peasant Tales» published under the pen name of M. Zh. (1793). There are reasons to believe that the above-mentioned books were all written by one person — Matvei Komarov.

The collection «Old Story to a New Tune» (1795) is likewise rich in folklore elements, carrying several popular tales on everyday themes. Last but not least, a curious source for studying the 18th-century tale of this type is Berezaitsky's «Anecdotes of the Old People of Poshekhon» (1798).

The above-mentioned publications refute the opinion voiced by V. Shklovsky that the tales, which are known to us in 19th century records, simply did not exist in the 18th century. Inasmuch as in the records of 19th and 20th century collectors we find numerous parallels of the texts published in the 18th century, we may regard the latter as the first, albeit imperfect, records and publications of popular tales, which enable us to judge of the nature of the 18th-century tale, its social poignancy and satirical trend.

С О О Б Щ Е Н И Я

Л. С. КЛЕЙН

ЧЕРЕПА, ПОКРЫТЫЕ СМОЛОЙ, В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Раскапывая в 1951—1952 гг. курганы эпохи бронзы в долине р. Молочной (Северное Приазовье), украинские археологи В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин обнаружили в двух из числа открытых ими катакомбных могил скелеты с загадочной деталью погребального обряда: черепа покойников были облеплены смолой. Смола охватывала всю область волосяного покрова¹. В обобщающей статье, которой открывается публикация отчетов об этих раскопках, начальник Молочанской археологической экспедиции А. И. Тереножкин отмечает: «суть этого ритуального явления непонятна»².

На наш взгляд, зафиксированные исследователями при раскопках подробности позволяют предложить интерпретацию этих находок. Рассмотрим факты.

В первом случае (I курганная группа возле совхоза «Аккермень», раскопки В. А. Ильинской в 1951 г., кург. 14, погр. 7) покойник — мужчина зрелого возраста — лежал на левом боку; согнутые ноги направлены коленями в левую сторону, туда же повернут лицевой частью череп. После разложения мышц и связок туловище свалилось вперед и легло на грудь и живот спиной вверх. Это дало повод авторам отчета неправильно охарактеризовать погребенного как лежащего «на животе с небольшим поворотом на левый бок»; опубликованный в отчете чертеж позволяет внести необходимый корректив в эту трактовку. На лобной кости черепа оказался след сильного рубящего удара, проломившего кость. Возле позвоночника, между позвонками и вершинами нижних правых ребер, найден маленький треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании, изготовленный из кремневого отщепя, обработанного ретушью. Совершенно очевидно, что этот человек погиб от рук воинов.

Теменная и затылочная кости покойника были «целиком залиты толстым слоем смолы, образующим плотную корку толщиной 2—3 мм»³.

Второй случай (II курганная группа близ совхоза «Аккермень», раскопки А. И. Тереножкина в 1952 г., кург. 20, погр. 1) представил дополнительные материалы. Здесь в катакомбе находилось два скелета — взрослого (пол не определен) и ребенка. Взрослый был положен на правом боку, скорченным. Под черепом сохранился тонкий слой смолы, который, по предположению исследователя, первоначально покрывал сплошь всю поверхность черепа. Толщина слоя не более 1—2 мм. На смоле четко отпечатались волосы, поверх которых смола была наложена.

Перед лицом взрослого найдено серебряное височное кольцо (или серьга) с расплюснутыми концами, заходящими один на другой. В углу катакомбы стоял вверх дном глиняный не орнаментированный сосуд. Вход в катакомбу первоначально был забит камнями, которые, однако, при раскопках были найдены отваленными к стенке входной шахты⁴. Следовательно, могила была вскрыта в глубокой древности. Поскольку

¹ А. И. Тереножкин, Археологические исследования в 1951 г. на территории Молочанского водохранилища, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН УССР», вып. 1, Киев, 1952, стр. 17; О. И. Тереножкин, Курганы в долине р. Молочной, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VIII. Розкопки курганів на р. Молочній в 1951—1952 роках, Київ, 1960, стр. 11; М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Гокровська, О. І. Тереножкин, Г. І. Ковпаненко, Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень», там же, стр. 62, рис. 46, стр. 126—127.

² О. И. Тереножкин, Курганы в долине р. Молочной..., стр. 11.

³ М. І. Вязьмітіна и др., Указ. раб., стр. 62.

⁴ Там же, стр. 126—127, рис. 74, 30, 85, 5; 92.

признаков ограбления не заметно (серебряная серьга осталась в могиле), надо полагать, что могилу открывали для того, чтобы подложить к взрослому ребенка, умершего позже (он положен вторым, так как лежит ближе к выходу) ⁵.

Итак, что можно извлечь из этих данных такого, что могло бы пригодиться для разгадки?

1) В обоих случаях речь идет о погребениях взрослых.

2) По крайней мере в одном из этих случаев покойник — мужчина, погибший насильственной смертью от рук воинов. Во втором случае это не исключается.

3) Трупы погибших в конечном счете не остались в руках врагов, так как были заблаговременно похоронены с соблюдением всех правил обычного погребального ритуала людей катакомбной культуры — это могли сделать только сородичи.

4) Смолой была сплошь залеплена волосистая часть головы. Свойства смолы как липкого, клеящего вещества были известны уже в очень давние времена ⁶. Поэтому естественнее всего заключить, что перед сородичами погибших стояла задача сохранить, удержать на голове покойников нечто такое, что без этого приспособления не удержалось бы.

5) С внутренней стороны на слое смолы отпечатались волосы, следовательно, между волосами и смолой ничего постороннего не было; отсюда напрашивается вывод, что именно волосаяй покров-то и сваливался с головы, не держался на ней, что он-то и нуждался в закреплении на голове посредством обкладывания смолой.

В каком же случае волосаяй покров на голове воинов, погибших от рук врагов, но в конечном счете не доставшихся им, не мог сам держаться на голове и нуждался в специальном закреплении? Очевидно, только в том случае, если он был во время их гибели удален, снят с головы, надо полагать врагами, и лишь позже попал в руки сородичей или был заменен другим. Иными словами, приходится заключить, что погребенные в этих катакомбах люди были скальпированы, а затем сородичам удалось отвоевать их скальпы или найти другие, которые они и пытались укрепить на головах покойников при помощи смолы.

Могут возникнуть сомнения в правомерности такого вывода. Первый вопрос: зачем нужно было реставрировать волосаяй покров на головах воинов, скальпированных врагами?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить идеи, вызвавшие к жизни этот обычай у североамериканских индейцев, а также общие многим первобытным племенам представления о влиянии телесных повреждений на пребывание души в загробном мире.

Индейцы срезали с тела убитых врагов все участки кожи, несущие волосаяй покров, ибо верили, что в волосах человека заключена особая сила, что с ними связана душа человека ⁷, — представление, широко распространенное в мире первобытных племен (достаточно вспомнить хотя бы библейский миф о Самсоне и Далиле). Душа скальпированного человека, по индейским представлениям, не будет иметь покоя в «блаженных лесах охоты» (индейцы-огое), будет служить духу победителя, захватившего скальп (индейцы-осага), вообще не достигнет индейского рая или же будет уничтожена (индейцы долины) ⁸.

По представлениям индейцев, именно поэтому ни в коем случае нельзя оставлять скальп в руках врагов. Если нет возможности унести с собой тело убитого соплеменника, то надо хотя бы забрать с собой его скальп, чтобы дома достойно похоронить, даже если бы для этого пришлось самим скальпировать своих павших соратников ⁹. Вполне очевидно, что отсюда с логической последовательностью вытекает стремление отвоевать, если это возможно и те скальпы, которые попали в руки врага.

Если скальпы удалось отвоевать, то что дальше с ними делать? Конечно же, приладить на прежнее место так, чтобы вернуть покойному достойный облик, чтобы его дух предстал в загробном мире не с голым черепом. Эту идею подсаживают распространенные (они есть и у индейцев) представления о том, что, став бестелесным духом, человек сохраняет свой внешний облик, оставаясь таким, каким он положен в могилу: старики — с признаками старости, убитые и изуродованные — со всеми ранами и повреждениями ¹⁰. При этом имеет значение главным образом именно внешний вид, а не подлинная сохранность всего организма — на этом основаны бальзамирование и мумифици-

⁵ Ряд подобных случаев твердо установлен А. И. Тереножким в других могилах во время тех же раскопок (см. О. И. Тереножкін, Указ. раб., стр. 10—11).

⁶ Об использовании смолы в качестве средства для склеивания см.: A. Götz e, Harz. A. Europa, § 4, Klebemittel, В кн.: «Real-Lexicon der Vorgeschichte», hrsg. von M. Ebert (в дальнейшем цит. RLV), Bd. V, Berlin, 1926, стр. 129.

⁷ G. Friederici, Skalpiern und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika. Inaugural-Dissertation... (Universität Leipzig), Braunschweig, 1906, стр. 70, 103.

⁸ Там же, стр. 114.

⁹ Там же, стр. 103.

¹⁰ Э. Б. Тэйлор, Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев, Пер. с англ., 2-е изд., т. II, СПб., 1897, стр. 29—31.

рование трупов у египтян, алтайских саков и др.¹¹ Стремление придать покойнику внешний вид неповрежденного — зашить раны, приладить на прежнее место отделенные конечности и т. п. — проявляется при похоронах почти повсеместно и у современных народов.

Таков ответ на первый вопрос. Второй вопрос: есть ли основания полагать, что охота за скальпами была в обычае не только у индейцев Северной Америки, но и у первобытного населения Европы? Для ответа на этот вопрос можно сослаться на серию фактов, извлеченных из различных источников — этнографических, исторических, археологических.

Вопреки ходячим представлениям, скальпирование врагов характерно не только для североамериканских индейцев, но и для некоторых индейских племен Южной Америки, в частности для аборигенов Аргентины и Парагвая¹². В Дагомее (Африка) в середине прошлого века один из путешественников наблюдал парад, во время которого перед туземным царьком пронесли 700 скальпов¹³. Скальпирование было также засвидетельствовано в Индонезии: у батаков (о. Суматра) и на о-ве Целебес¹⁴.

В Европе обычай скальпирования хорошо прослеживается по письменным источникам.

В I тысячелетии до н. э. скальпирование врагов было принято у скифов. Геродот подробно описал этот обычай. «Военные обычаи у них таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает. С головы он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надраз, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем, очистив кожу от мяса при помощи бычьего ребра, он мнет ее руками и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают себе для одевания плащи, сшивая их, как козы шкурки»¹⁵.

Некоторые исследователи сомневались в достоверности этого сообщения Геродота¹⁶. Однако их сомнения неосновательны. В представлении древних греков этот обычай был настолько характерен именно для скифов, что понятие «сдирать кожу с головы греки выражали глаголом «оскифить» (*ἀποσκυφίζειν*)¹⁷.

В нартовском эпосе осетин, связанных по происхождению со скифо-сарматским миром¹⁸, сохранились воспоминания об этом обычае. Богатырь Созруко, победив богатыря Елтагана, скальпировал его. Затем он приехал в аул, собрал девушек и женщин и велел им: «Скроите мне шубу из головных волос и усов». Одна говорит: «Это скальп моего отца». Вторая: «Это кожа с усами моего брата». Третья: «Это кожа с головы моего мужа»¹⁹.

О том, что скальпирование практиковали современники скифов — жители Алтая, близкие скифам по культуре, — мы знаем из материалов раскопок курганов, где в веч-

¹¹ H. Kees, Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Agypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches, 2. neubearb. Aufl., Berlin, 1956, стр. 16—21; С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953, стр. 326—330.

¹² G. Friederici, Указ. раб., стр. 30—37.

¹³ J. Duncan, Travels in Western Africa, in 1845 and 1846, I, London, 1847, стр. 233—234.

¹⁴ S. Wilken, Über das Haaropfer und einige andere Trauergebräuche bei den Völkern Indonesien's, «Revue Coloniale Internationale», т. 5, Amsterdam, 1887, стр. 112—113, Anh. II, стр. XII; J. G. F. Riedel, De Topantunuasij of Oorspronkelijke Volksstammen van Centraal Selesbes, «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», deel XXXV (5. volgr., 1 deel), 1886, стр. 89; Paul und Fritz Sarasin, Reisen in Celebes ausgeführt in den Jahren 1893—1896 und 1902—1903, Wiesbaden, 1905, т. I, стр. 339, 374, рис. 104; т. II, стр. 46—47, 54, 83, 113, 123.

¹⁵ Herod., IV, 64 (цит. по ВДИ, 1947, № 2, стр. 269).

¹⁶ Например: A. Hansen, Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen nach Hippokrates, «Beiträge zur Geschichte der Völkerwanderung», Abt. 1, Dorpat, 1844, стр. 70—71; H. Weiß, Kostümkunde, Handbuch der Geschichte der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Alterthums, Abt. 2. Die Völker von Europa, Stuttgart, 1860, стр. 553, A. Grassl, Herodot als Ethnologe, Dissertation... (München), Sulzbach i. O., 1904, стр. 46.

¹⁷ Этот глагол встречается у Эврипида (Eur., Tr., 1026), Агения и др.

¹⁸ В. И. Абаев, Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка. В кн.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 9—94; его же, Скифский язык, там же, стр. 147—244; его же, Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний, «Сов. археология», XXVIII, 1958, стр. 54—61; «Нартовский эпос», Материалы совещания 19—20 октября 1953, Орджоникидзе, 1957.

¹⁹ В. Миллер. Черты старины в сказаниях и быте осетин, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CCXXII, 1882 август, стр. 196—197.

ной мерзлоте сохранились тела людей. Вождь, похороненный во втором Пазырыкском кургане, был скальпирован. Как сообщает С. И. Руденко, «кожа спереди была надрезана над лбом от одного уха к другому, через выступающий вперед мысок волос, и содрана назад так, что сохранилась только на лице, череп же до шеи был обнажен»²⁰.

Достоверность сообщения Геродота подкрепляется также многочисленными североамериканскими и другими этнографическими параллелями, причем наблюдаются совпадения как в способе самой операции скальпирования (в некоторых местностях Америки и в Ассаме туземцы также сначала отрезали голову)²¹, так и в деталях использования скальпов (прикрепление их к сбруе коня, изготовление из них полотенец и т. п.)²².

У древних германцев существовал вид пытки и казни, который латинские писатели обозначали словом *decapatio* (буквально: «обезкрышивание» от *calva* — «черепная крышка») и который состоял в вырывании волос и сдирании кожи с головы (*Lex Salica*, XXIV, add. 2; *Sachsenspiegel*, II, 13, 1; *Victor Vitensis*, *De persecutione vandolica*, II, IV, 3—12; *Nicolaus Specialis*, I, 28; *Helmold*, I, 16; *Adam Bremensis*, II, 41 и др.)²³. Надо сказать, что и у североамериканских индейцев в тех случаях, когда жизнь пленников кончалась публичными пытками, скальпирование было венцом серии пыток. Сняв с лишившегося сознания пленника скальп, на обнаженный череп лили кипящую смолу, сыпали раскаленные угли, и когда от дикой боли в последний раз пробуждалось сознание, удар томагавком по черепу прекращал мучения²⁴.

Сохранилось известие о том, что и римлянам случалось скальпировать своих врагов — так они поступили в битве на Равдийских полях в 101 г. до н. э. (*Orosius*, V, 16)²⁵. Последний достоверный случай скальпирования в Европе относится к 1159 г., когда при осаде Кремы войсками императора Фридриха I был убит и скальпирован осажденными предводителем императорских войск Бертольд фон Урах²⁶. В литературе есть еще несколько, правда очень неясных, указаний на знакомство древних авторов Старого Света со скальпами²⁷.

Как глубоко в прошлое уходит обычай скальпирования у народов Европы? На это отвечают факты археологии.

При раскопках неолитического свайного поселения близ Альвастры (культура одичавших погребений Швеции) был найден череп двадцатилетнего мужчины, с атлантом и частью эпистрофея. Поскольку позвонки могли быть удержаны при черепе только мягкими тканями шеи, речь здесь должна идти не о черепе, отделенном от скелета, а об отрубленной голове. Она была отделена от тела ударом, пришедшимся по второму позвонку. Исследователям удалось заметить на лобных и височных костях черепа врезанные, местами параллельные длинные штрихи. В целом они образовали линию, проходящую по черепу вокругую примерно по границе волосяного покрова головы. Это были следы от порезов, нанесенных, как установил анатом К. Фюрст, острым ножом перед самой смертью субъекта или вскоре после смерти²⁸. Можно ли объяснить параллельность порезов, т. е. неоднократное нанесение их на одно и то же место, тем, что операция производилась на живом человеке, который вырывался, а голова была отрублена по окончании операции, или просто оператор не сумел отделить скальп с одного

²⁰ С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 264.

²¹ G. Friederici, Указ. раб., стр. 7, 14, 16, 30.

²² Там же, стр. 135—136.

²³ «*Lex Salica*», edit Behrend, 2. Aufl., Weimar, 1897, стр. 42; «*Des Sachsenspiegels Erster Theil, oder das Sächsische Landrecht*», Ausg. Homeyer, Berlin, 1861, стр. 241, 243; «*Victor Vitensis Historia persecutionis Africae Provinciae*». In: «*Patrologiae cursus completus...*», series prima... accurate J. P. Migne, t. LVIII, Paris, 1862, столб. 204; «*Nicolaus Specialis Historia Sicula in VIII. Libros*», In: «*Rerum Italicarum Scriptores...*» L. A. Muratorius... collegit, ordinavit et praefacionibus auxit, t. X, Mediolani, 1727, стр. 946; «*Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum ex schedis B. M. V. ill. I. M. Lappenbergi*», in: «*Monumenta Germaniae Historica...*», ed. G. H. Pertz, Scriptorum, t. XXI, Hannoverae, 1869, стр. 23—24; «*Adami Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum ex recensione Lappenbergii*», Ed. 2, Hannoverae, 1876, стр. 69—70; *Ekkehardi IV Casus S. Galli*, 27—29. In: «*Monumenta Germaniae Historica...*» Scriptorum, t. II, Hannoverae, 1829, стр. 106.

Критический обзор литературы по этому вопросу см.: G. Friederici, Указ. раб стр. 133—135.

²⁴ G. Friederici, Указ. раб., стр. 108. В нашем случае объяснить наличие смолы применением аналогичного обряда нельзя, этому противоречат отпечатки волос на внутренней стороне смольного покрытия черепа.

²⁵ «*Patri Orosii Historiarum adversum paganos Libri VII*», ex recognitione C. Zangmeister, ed. B. G. Teubner, Lipsiae, 1889, стр. 164—167.

²⁶ F. v. Raumer. *Handbuch merkwürdigen Stellen aus den Lateinischen Geschichtsschreibern des Mittelalters*, Breslau, 1813, стр. 306, 431—437.

²⁷ Эти сведения заимствованы из упомянутой книги Г. Фридрихи, в которой представлена первая и до сих пор наиболее полная сводка письменных источников по этому вопросу (G. Friederici, Указ. раб., стр. 133—137).

²⁸ O. Frödin und K. Fürst, *Hat man in der Steinzeit skalpiert?* «*Mannus*», Bd. 13 (1921), Heft 1 u. 2, 1921, стр. 52—66; RLV, Bd. 9, Berlin, 1927, табл. 96.

надреза,— этот вопрос авторы публикации оставляют открытым. Но в целом зафиксированная ими картина, как они признают, больше всего напоминает именно скифский способ скальпирования (а соответственно и аналогичные приемы некоторых индейских племен).

Черепами из Северного Приазовья представлен в археологии второй из способов скальпирования, известных по этнографическим источникам²⁹.

Таким образом, находки в курганах близ совхоза Аккермень с принятием предложенной здесь их интерпретации не окажутся каким-то одиночным, изолированным явлением в культуре первобытной Европы.

С другой стороны, нельзя не признать и того, что в первобытной Европе выявлено весьма немного племен, культивировавших этот обычай: носители одной из неолитических культур шнуровой керамики в Скандинавии, (по-видимому, далекие предки германцев) и катакомбной культуры, позже — древние германцы и скифы. Но ведь и в классической стране скальпирования — Америке, как убедительно показал Г. Фридеричи, коренные области скальпирования не так уже велики. Там было два узких первоначальных очага скальпирования, а широкое распространение этого обычая по всей материке и развитие на этой основе массовой охоты за скальпами было вызвано деятельностью белых «культуртрегеров» — выдачей премий за скальпы и т. п.³⁰

Обнаружение этого специфического обычая лишь у некоторых первобытных племенных группировок Европы позволяет рассматривать его как возможное свидетельство об определенных связях между этими племенными группировками. Разумеется, этот вопрос шире рассматриваемой группы фактов, и его нельзя решать ограничиваясь ими. Но возможность родственных связей катакомбной культуры с более западными культурами шнуровой керамики и со скифами³¹ придает аккерменьским находкам особый интерес.

Кроме того, возможно, что длинные кремневые ножи, изредка находимые в погребениях катакомбной культуры, равно как и замечательные кремневые кинжалы ряда культур шнуровой керамики Европы, слишком ломкие, чтобы служить оружием в бою, должны рассматриваться в свою очередь как аналогии индейским «ножам для скальпирования» (skalp-knives). Такой нож, часто из кремня, был любимым предметом личного снаряжения каждого индейца-воина, висел всегда на шнурке, обернутом вокруг шеи, и сопровождал воина в могилу³².

²⁹ По моей просьбе антропологи В. П. Якимов и Т. С. Кондукторова осмотрели один из черепов со смоляным покрытием, хранящийся в Институте антропологии МГУ под № 9477, — это череп из погребения 7 в кургане 14. Второй череп, плохо сохранившийся, не был доставлен в Москву. Следов действия режущих орудий на осмотренном черепе не оказалось. Очевидно, в данном случае операция была проведена умелой рукой и беспрепятственно — на мертвом человеке. Пользуясь возможностью поблагодарить В. П. Якимова и Т. С. Кондукторову за их сообщение.

³⁰ G. Friederici, Указ. раб., стр. 8—76 и карта.

³¹ Эти вопросы рассматриваются в других моих статьях. См.: Л. С. Клейн, К вопросу о хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры, «Исследования по археологии. Сборник в честь профессора М. И. Артамонова», Л., 1961, стр. 69—79; его же, Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным, «Археологический сборник», II, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1961.

³² G. Friederici, Указ. раб., стр. 41—45. Там же перечислена обширная литература о «ножах для скальпирования».

Х Р О Н И К А

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1960 ГОДУ

В 1960 г. Институт этнографии АН СССР, руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О партийной пропаганде в современных условиях», стремился максимально приблизить проводимую им научно-исследовательскую работу к практике коммунистического строительства, теснее связать свою деятельность с наиболее актуальными проблемами исторической науки, соответствующими задачам академических научных учреждений. В частности, в 1960 г. Институтом была усилена работа по изучению духовной культуры, развития нового мировоззрения у народов СССР, преодоления религиозных и бытовых пережитков.

Как и в предшествующем году, научно-исследовательская работа Института концентрировалась соответственно семилетнему плану вокруг важнейших направлений его деятельности: 1) изучение процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму; 2) исследование протекающих в нашей стране этнических процессов, в первую очередь формирования социалистических наций, а также изучение процессов формирования наций в условиях колониального режима и во вновь образовавшихся суверенных государствах; 3) разработка вопросов происхождения человека и истории первобытного общества.

В своей исследовательской работе Институт, как и в предшествующие годы, стремился сочетать подготовку обобщающих коллективных трудов, индивидуальных монографий и тематических сборников, состоящих из небольших исследований. Всего в течение 1960 г. Институт завершил 28 работ, из которых 21 сдана в печать.

По кругу проблем, отражающих изучение процессов, характерных для современности, Институт в своей экспедиционной работе, охватившей РСФСР (центральная европейская часть, Северный Кавказ, Урал, Сибирь) и союзные республики Средней Азии, не только территориально расширил исследования (в частности в Сибири, в Калмыцкой АССР): в целях создания обобщающих трудов Институт проводил этнографическое изучение не отдельных объектов (колхозов, совхозов, деревень, поселков, городов), а разных слоев населения целых районов и в ряде случаев — областей и краев. Практическое значение экспедиционной деятельности Института проявилось в большой заинтересованности в работе экспедиций со стороны местных партийных и советских органов.

По этому направлению основное внимание было уделено в 1960 г. двум проблемам — «Культурно-бытовые изменения у народов СССР в период развернутого строительства коммунизма» и «Формирование социалистических наций и их развитие в период развернутого строительства коммунизма». Экспедиционная работа по этому направлению осуществлялась силами Комплексной экспедиции (нач. — Л. Н. Терентьева), Среднеазиатской этнографической (нач. — Б. Х. Кармышева), Северной (нач. — Б. О. Долгих), Прибалтийской (нач. — Л. Н. Терентьева) и отчасти Тувинской (нач. — Л. П. Потапов) и Хорезмской (нач. — С. П. Толстов) археолого-этнографических экспедиций, а также Прутско-Днестровской комплексной экспедиции.

Комплексная экспедиция по изучению изменений социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период перехода от социализма к коммунизму в полевом сезоне 1960 г. работала в составе пятнадцати отрядов, из которых восемь занимались изучением русского населения, три отряда — народов Кавказа, остальные — изучением белорусов, карел, калмыков, бурят.

Следует отметить значение работы Адыгейского отряда, собиравшего материал по теме «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», Западного отряда, изучавшего культуру и быт белорусов и польского населения в Гродненской и Брестской областях БССР, национальные взаимоотношения в прошлом и в настоящее время. Интерес представляет и начавшаяся работа по изучению русского населения Западной Сибири.

Интересный и нужный опыт по привлечению учащихся старших классов к этнографической работе был проведен отрядом, изучавшим быт рабочих Сормова и Быксы (Горьковская область). Этот отряд был укомплектован членами клуба юных путешественников и исследователей Москворецкого района г. Москвы. Опыт этой работы поможет внедрению в систему школьного образования элементов этнографической науки.

Отряды Среднеазиатской и Хорезмской экспедиций работали в ряде колхозов Туркмении, Кара-Калпакии и Узбекистана, собирая материал, свидетельствующий о новых явлениях, происходящих в современной жизни колхозников Средней Азии, об изживании остатков родоплеменных особенностей среди узбеков и туркмен, о процессах слияния мелких этнографических групп с крупными социалистическими нациями. В целях изучения современной культуры и быта колхозного крестьянства Средней Азии проводились также стационарные работы в нескольких колхозах («Коммунизм» Самаркандской обл. УзССР, колхоз им. Максима Горького Турткульского района Кара-Калпакской АССР и др.).

Основная задача Северной экспедиции, как и в предыдущие годы, состояла во всестороннем изучении современного положения народов Севера, их истории и культуры, — в целях содействия разработке конкретных мероприятий по дальнейшему подъему хозяйства и культуры этих народов, улучшению их быта.

В указанных экспедиционных исследованиях активное участие принимали сотрудники Института этнографии АН БССР, Краснодарского педагогического института, Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Адыгейского научно-исследовательского института, Костромского областного музея и др. Особого внимания заслуживает инициатива Института истории искусств АН СССР в создании комплексной экспедиции по изучению народного творчества народов СССР; первым успешно осуществленным опытом работы этой экспедиции было исследование, проведенное в Забайкалье Институтом истории искусств совместно с Институтом этнографии.

В целом, изучение современности в 1960 г. занимало будущее место в полевой экспедиционной работе Института этнографии. Материалы экспедиций позволили Институту оказать практическую помощь некоторым государственным учреждениям, особенно Министерству здравоохранения РСФСР — в деле оздоровления быта коренного населения Севера, Институту труда Государственного Комитета Совета Министров СССР — по вопросам труда и заработной платы, в решении некоторых вопросов размещения национальных трудовых ресурсов и использования их трудовых навыков и т. п.

Из трудов, вышедших в свет в 1960 г. по рассматриваемому кругу проблем, следует прежде всего отметить монографию Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» и сборник (ред. Б. О. Долгих) «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». Монография Л. Н. Терентьевой — итог многолетних полевых и архивных исследований автора — представляет собой первую работу по современной этнографии латышского народа. В ней в историческом аспекте рассматриваются традиционные отрасли хозяйства латышского крестьянства и огромные изменения в социально-экономическом, бытовом и культурном отношении, происшедшие в Латвии за годы советской власти. Сборник, посвященный современному хозяйству, культуре и быту малых народов Севера, — первое за последние годы издание, в котором на основе материалов Северной экспедиции дается подробная характеристика успехов социалистического строительства у ряда народов Крайнего Севера. В 1960 г. вышла также монография И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова «Корякский национальный округ», содержащая обширный историко-этнографический и статистико-экономический материал, раскрывающая прошлое и настоящее народов, населяющих Корякский национальный округ, и намечающая перспективы развития округа в ближайшем будущем.

Из завершенных в 1960 г. работ, отражающих проблемы современности, следует указать на сборник «Религиозные пережитки у народов СССР и пути их преодоления» (руководитель И. А. Кривелев), в котором на этнографическом, главным образом полевым, материале рассматриваются все еще бытующие (у русских, латышей, чувашей, народов Дальнего Востока и Крайнего Севера) различные формы религиозных пережитков, в каждом отдельном случае дается объяснение причин их бытования, освещаются процессы складывания безрелигиозных форм быта.

Большим достижением следует признать завершение и сдачу в печать обобщающих работ: «Народы Средней Азии и Казахстана» (ред. С. П. Толстов, С. М. Абрамзон, Т. А. Жданко, Н. А. Кисляков) и «Народы Кавказа» серии «Народы мира», написанных на основе всех предшествующих работ Института по данной тематике. Эти тома представляют собой первые в истории этнографической науки фундаментальные труды, в которых на широком историческом фоне дана этнографическая характеристика многонационального населения Средней Азии, Казахстана, Кавказа и описываются огромные изменения в общественно-экономической и культурной жизни народов после Великой Октябрьской социалистической революции. Каждый из указанных томов состоит из двух частей; первая часть тома «Народы Кавказа» — «Народы Северного Кавказа» (ред. Л. И. Лавров, Г. А. Нерсисов, М. О. Косвен, Х. М. Хашаев) вышла из печати. В этих книгах, как и в других ранее изданных томах серии «Народы мира», публикуются подробные сведения о происхождении и этнической истории народов, их хозяйстве и быте.

Особое место уделяется характеристике процессов образования социалистических наций и процессов этнической консолидации, путем национального развития описываемых народов после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эти работы создавались Институтом в тесном сотрудничестве с академиями наук и другими научными учреждениями республик Средней Азии и Кавказа.

Экспедиционная работа по проблемам, связанным с этногенезом и этнической историей, осуществлялась в 1960 г. Хорезмской археолого-этнографической, Среднеазиатской этнографической, Тувинской комплексной археолого-этнографической, Северной и Прибалтийской экспедициями. Кроме того, сотрудники Института работали в составе Прутско-Днестровской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

Хорезмская экспедиция (нач.—С. П. Толстов), в состав которой входило девять отрядов, вела свои работы в двух направлениях. С одной стороны, она продолжала многолетние исследования по истории древнего Хорезма, охватывающие огромный хронологический период — от неолита до средневековья. В ходе этих работ были закончены раскопки позднекельтеминарской стоянки Казат 7 (конец III — начало II тысячелетия до н. э.), которая является первым раскопанным памятником этого времени и дает важный материал для изучения хозяйства, культуры и общественного строя древнего населения южного Приаралья; закончены были также исследования интереснейшего памятника Хорезма архаического времени (VI—V вв. до н. э.) — сельского поселения Дингильдже, которые дали ценный материал по истории архитектуры и строительного дела, по хозяйству и материальной культуре Хорезма раннерабовладельческой эпохи. Второе важное направление в работах экспедиции заключалось в исследовании истории степных племен, так называемого варварского мира, который территориально граничил с рабовладельческим Хорезмом и находился в тесных экономических и культурных связях с ним. Эти работы осуществлялись на юге Кызыл-Ордынской области КазССР, где продолжались начатые ранее раскопки городища Чирик-рабат (VI—II вв. до н. э.) — столицы одного из сакских племен (апасиаков) и завершены раскопки монументального круглого погребального сооружения — усыпальницы апасиаковской вожди. Продолжались также работы на другом комплексе апасиаковских памятников — Бабиш-мулла (IV—II вв. до н. э.), где были вскрыты большие площади цитадели и жилой застройки. Наконец, в бассейне сухого русла Сыр-Дарья — Инкар-Дарья, в урочище Тегизкен было раскопано шесть курганов X—VIII вв. до н. э., давших интересные материалы по истории культуры степных племен (погребальные сооружения из сырцового кирпича, сосуды, сделанные на гончарном круге, и др.), характерной для эпохи перехода от поздней бронзы к раннему железу, т. е. от первобытно-общинного к классовому обществу.

Среднеазиатская экспедиция (нач.—Б. Х. Кармышева) в 1960 г. продолжала сплошное этнографическое обследование Самаркандской области УзССР в целях сбора материала для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по основным темам, предусмотренным планом атласа.

Тувинская экспедиция (нач.—Л. П. Потапов) в 1960 г. завершила свой четвертый полевой сезон и добилась особенно крупного успеха в исследовании могильника Кокэль (Сутхольский р-н), относящегося к гунскому времени. Могильник дал уникальный материал, благодаря сохранности предметов из дерева особенно ценный для характеристики культуры и быта местных племен указанного времени.

Завершились раскопки древнезешимосского могильника в Уэлене (Чукотка).

Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция (нач.—Л. Н. Терентьева) продолжала совместно с Институтом истории и Этнографическим музеем АН ЭССР и Вентспилсским этнографическим музеем исследования по проблеме «Этногенез и этническая история народов Прибалтики».

В составе нескольких экспедиций проводились также антропологические полевые работы, связанные с решением этногенетических проблем, — в ЭССР, на Енисее (по обследованию кетов), на Ангаре (по обследованию русского населения), в Армении (совместно с Институтом экспериментальной морфологии АН ГрузССР), в Молдавии.

По рассматриваемому кругу проблем Институтом в 1960 г. опубликован ряд больших исследований, в том числе 6 книг, связанных с работой экспедиций (Русской, Мордовской, Хорезмской, Киргизской, Тувинской). «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР» (О. А. Ганцкая, Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович, Л. Н. Чижикова) дают новые сведения по хозяйству и материальной культуре русского сельского населения западных и южно-великорусских областей и Приуралья. Том I Трудов Мордовской экспедиции (ред. В. Н. Белицер, К. А. Котков) посвящен вопросам этнической истории мордовского народа, его расселению, антропологическому составу, языковой и этнографической характеристике. Том написан в результате совместной работы Института этнографии и Мордовского научно-исследовательского института языка, истории, литературы и экономики. В коллективной монографии «Низовья Аму-Дарья, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения» (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3), подготовленной Институтом этнографии совместно с Институтом географии АН СССР (ред. С. П. Толстов, А. С. Кесь), на обширном материале, собранном в течение ряда

лет Хорезмской экспедицией, решается бывшая на протяжении более столетия дискуссионной проблема истории древних русел Аму-Дарьи, в частности русла Узбой. В истории их на протяжении ряда тысячелетий крупнейшую роль играл антропогенный фактор — освоение и использование этих русел человеком и исторические события, в частности войны древности и средневековья, приводившие к выходу этих русел из-под контроля человека, с чем были связаны значительные изменения в их направлении. Работы Хорезмской экспедиции последних лет в низовьях Сыр-Дарьи, в районе ее древней обширной дельты, позволили совершенно по-новому осветить историю степных племен этого района, в частности — пересмотреть традиционную концепцию о взаимоотношении «кочевых» и «оседлых» народов в истории Средней Азии, пересмотреть самое понятие «кочевников» и опровергнуть представление об извечной вражде «кочевой» и «оседлого» мира. Эти работы нашли свое отражение в ряде публикаций, в частности в докладах С. П. Толстова (Среднеазиатские скифы и Хорезм) и Т. А. Жданко (Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана) на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве¹.

«Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4 (ред. — С. П. Толстов и М. А. Итина), содержат отчеты о полевых работах 1957 г., посвященных изучению отдельных археологических памятников первобытной эпохи, античного времени и средних веков, а также исследованию ирригационных систем.

IV том Трудов Киргизской экспедиции (ред. Г. Ф. Дебев) состоит из этнографических и археологических работ, посвященных неизученным вопросам этногенеза киргизского народа, в частности — родоплеменному составу северных киргизов.

Вышедший I том Трудов Тувинской экспедиции (ред. Л. П. Потапов) положил начало созданию первой сводной работы по истории тувинского народа и, в частности, вводит в научный оборот сведения, необходимые для выяснения этнической истории и культурных связей Тувы. В I томе Трудов экспедиции опубликованы материалы по этнографии, археологии и палеоантропологии западной Тувы — области, до настоящего времени остававшейся белым пятном на археологической карте.

Особый интерес представляет монография Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке», в которой автор, используя огромный архивный и полевой материал, дал детальную картину расселения и состава коренного населения Сибири, на основе чего возможно судить о дальнейших этнических процессах у народов Сибири и их исторической судьбе.

По фольклористике издано большое исследование В. К. Соколовой «Русские исторические песни XVI—XVIII веков», посвященное одному из важнейших жанров русского фольклора. Это обобщающая работа, в которой рассматривается происхождение и развитие исторических песен, выявляется специфика их как жанра.

В 1960 г. вышли из печати том I публикации «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары» (ред. В. И. Беляев и Д. А. Ольдерогге) и шесть тематических сборников: «Проблемы истории первобытного общества», «Славянский этнографический сборник», «Восточноазиатский этнографический сборник», «Американский этнографический сборник», «Антропологический сборник» II и «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX.

Всего в течение 1960 г. Институтом издано 26 работ общим объемом более 550 авт. листов.

Из завершенных и сданных в печать в 1960 г. работ по рассматриваемому кругу проблем заслуживают быть особо отмеченными следующие важнейшие исследования и публикации. Го проблеме «Происхождение человека и история первобытного общества» сдан в печать I-й выпуск Атласа реконструкций антропологических типов древнего населения СССР (рук. — М. М. Герасимов), посвященный палеолиту. По этой же проблеме завершена монография Ю. П. Аверкиевой «Разложение родовой организации и образование раннеклассовых отношений у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки». В монографии на примере индейских племен доказывается (в противовес защищаемым буржуазными учеными теориям) закономерность распада родового строя и зарождения в его недрах элементов классового общества.

По проблеме «Вопросы этногенеза, этнического состава и формирования наций» закончена монография М. С. Иванова «Племена Фарса», представляющая собой историко-этнографический очерк с подробной характеристикой этих племен, играющих важную роль в общественно-политической жизни всего Ирана.

Сдан в печать выпуск 5 «Материалов Хорезмской экспедиции» (ред. С. П. Толстов), содержащий археологические и антропологические материалы могильника Кокча 3, памятника эпохи бронзы, исследование которого имеет большое значение для определения этнической принадлежности древнего населения низовьев Аму-Дарьи и характеристики его хозяйства и культурных связей с населением сопредельных территорий.

Сданы в Издательство: монография А. И. Першина «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX века» — первый в советской и зарубежной литературе очерк социально-экономической истории этой страны, а также

¹ Расширенный вариант доклада Т. А. Жданко печатается в настоящем номере журнала; доклад С. П. Толстова намечен к публикации в следующем номере.

первый выпуск публикации Б. О. Долгих, посвященной фольклору народов Севера, — «Мифологические сказки и исторические предания энцев».

Из работ, завершенных в 1959 г. и сданных в печать в 1960 г., необходимо отметить капитальное исследование С. В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник». В нем на обширном материале доказывается, что искусство народов Сибири развивалось в тесной связи с искусством других народов и отражало различные этапы этногенеза и истории Сибири. Сдан в издательство III том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, важнейший источник по истории сибирских народов до XVIII в. (первые два тома этой публикации вышли в свет еще до Великой Отечественной войны).

Печатается словарь африканского языка суахили (рук. — Д. А. Ольдерогге), а также шесть этнографических сборников — Сибирский III, Кавказский III, Восточноазиатский II, Индийский, Африканский IV, Антропологический III. В 1960 г. Институт проводил большую работу по составлению и изданию этнических карт. Впервые создана крупномасштабная этническая карта народов мира, на которой детально показаны все народы. Изданы или заканчиваются изданием крупномасштабные карты по таким важным районам земного шара, как Африка, Передняя Азия, Индонезия, Малайя и Филиппины.

В 1960 г. вышла в свет книга М. Г. Левина «Очерки по истории антропологии в России».

В деятельности Музея антропологии и этнографии следует отметить начавшуюся реконструкцию отделов. Большое значение имеет коренная реконструкция Вводного отдела, посвященного происхождению человека и истории первобытного общества. Этот отдел играет ведущую роль в научно-атеистической пропаганде. Новые экспозиции отдела построены на органическом сочетании антропологического материала с материалами по истории становления человеческого общества. Несмотря на то, что в связи с этими работами Музей в течение ряда месяцев был закрыт, посещаемость его остается весьма высокой. Только за пять месяцев 1960 г. Музей посетило около 70 тыс. чел. Музей организовал во дворцах культуры и парках Ленинграда семь выставок по научно-атеистической и этнографической тематике. Большой интерес вызвала выставка «Культура и быт народов Африки», проведенная в Москве в помещении Политехнического музея. В 1960 г. Музей значительно пополнился новыми этнографическими коллекциями, среди которых особую ценность представляет коллекция из раскопок в Мохенджо-Даро, преподнесенная в дар генеральным директором археологической службы Индии доктором А. Гхошем.

Отличительной особенностью деятельности Института в 1960 г. следует считать то, что он, как никогда раньше, широко представлял этнографическую науку на Международных конгрессах и конференциях, на совещаниях общесоюзного значения в нашей стране. Советские этнографы приняли участие в работе VI Международного конгресса антропологов и этнографов, состоявшегося в начале августа 1960 г. в Париже, в работе XXV Международного конгресса востоковедов в Москве (август 1960 г.), в работе конгресса финно-угроведов (Будапешт, сентябрь 1960 г.). В результате большой подготовительной работы Институт представил на эти конгрессы доклады, отражающие основные достижения советской науки по важнейшим теоретическим проблемам, с четкими методологическими установками и широкими обобщениями, вызвавшие большой интерес у делегатов конгрессов и способствовавшие установлению более тесных научных контактов с учеными других стран, особенно Азии, Африки, Латинской Америки².

Активное участие Институт принял в двух научных сессиях, имевших общесоюзное значение. В мае 1960 г. в Киеве состоялась объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, посвященная итогам полевых исследований 1959 г. и проблемам этнографии, антропологии и археологии. Сессия привлекла до 600 участников из республик, краев и областей СССР и вызвала большое внимание киевской общественности, что способствовало широкому обсуждению выдвинутых проблем и пропаганде этнографических знаний. Институту этнографии было представлено на сессию 13 докладов, из них более половины — по проблемам современности; среди них нужно отметить обобщающие доклады: С. П. Толстова «Строительство коммунизма в СССР и задачи этнографической науки», Л. Н. Терентьевой о работе Комплексной экспедиции в 1959 г., Т. А. Жданко — «К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму». В марте 1960 г. в Новосибирске, Томске и Иркутске состоялась первая сессия, организованная Сибирским отделением и Отделением исторических наук АН СССР, посвященная проблемам истории, археологии и этнографии Сибири. Сессия имела большое значение для дальнейшего изучения народов Сибири и координации исследований в этом направлении. Институт представил на сессию 10 докладов и принял участие в работе секций по проблемам современного положения народов Сибири, по проблемам археологии и антропологии, этногенеза сибирских

² Отчет о VI Международном конгрессе антропологов и этнографов см. «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 151—161; о XXV Международном конгрессе востоковедов — «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 146—148 (работа секции Африканистики) и настоящий номер журнала, стр. 117—121.

народов. Л. П. Потапов прочитал обобщающий доклад — «Основные задачи этнографического изучения Сибири в связи с решениями XXI съезда КПСС», а Б. О. Долгих — «Основные вопросы социалистического строительства у малых народов Севера»³. Кроме того, Институт участвовал во второй научной конференции по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока во Владивостоке, где Б. О. Долгих прочитал один из основных докладов, стоявших на конференции, — «Задачи этнографического изучения народов Советского Дальнего Востока».

В. А. Александров

ДЕКАДА УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В МОСКВЕ

12—23 ноября 1960 г. Москве проходила декада украинской литературы и искусства. В дни декады, наряду с представителями профессиональной литературы и искусства, демонстрировали свое исполнительское мастерство представители художественной самодеятельности и народного прикладного и декоративного искусства Украины.

В настоящее время на Украине насчитывается 117 тысяч самодеятельных коллективов и около 600 городских и районных театров народного творчества, в которых занято свыше двух миллионов человек. Это огромная армия непрофессиональных артистов, которая прозодит в республике большую культурно-воспитательную работу.

Одновременно в городах и селах республики работают и мастера других видов народного искусства, в том числе ковроделы, резчики по дереву, вышивальщицы, чьи произведения украшают быт советских людей.

Для отбора участников декады были проведены районные, областные и республиканские смотры-конкурсы художественной самодеятельности. Победители смотров были утверждены участниками декады. В дни подготовки к декаде в Киеве была открыта выставка народного прикладного и изобразительного искусства, на которой были представлены художественные изделия мастеров керамики, резьбы по дереву, вышивки и тканья, народной росписи и т. п. Лучшие экспонаты выставки были отобраны для демонстрации в Москве.

Красочное и разнообразное самодеятельное искусство украинского народа показали в Москве хоровая капелла Управления Донецкой железной дороги г. Сталино, заслуженный ансамбль танца «Дніпро» Днепропетровского металлургического завода имени Дзержинского в Днепропетровске, народный ансамбль танца Дома культуры имени М. И. Калинина в Кировограде, ансамбль песни и танца новгород-волынского районного Дома культуры Житомирской области, народный ансамбль танца Дома культуры имени Т. Г. Шевченко в г. Запорожье, танцевальный ансамбль горловской шахты «Кочегарка», хор черниговской фабрики первичной обработки шерсти, танцевальный коллектив Дворца культуры железнодорожников в Харькове, полтавская народная капелла бандуристок, женский вокальный квартет (И. Панющик, А. Пацкан, М. Пирка и Г. Якуб) из с. Долгое Закарпатской области и многие другие.

Москва гостеприимно встретила посланцев Советской Украины. В их распоряжение были предоставлены лучшие театральные и концертные залы столицы, дворцы культуры и клубы, Кремлевский театр, Дворец спорта в Лужниках, Колонный зал Дома Союзов. Участники декады выступали на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства, на Электрозаводе, заводе «Компрессор», в Центральном доме культуры железнодорожников, во Дворце культуры комбината газеты «Правда», Дворце культуры комбината «Трехгорная мануфактура», на заводе «Каучук», камвольном комбинате имени М. И. Калинина и других предприятиях столицы. Некоторые самодеятельные коллективы участвовали и в заключительном концерте декады украинской литературы и искусства, который состоялся 23 ноября в Большом театре Союза ССР.

За время декады самодеятельные коллективы Украины дали в Москве 37 концертов, на которых побывало свыше 47 тыс. человек.

Некоторые самодеятельные коллективы давали по два концерта в день. Так, заслуженный самодеятельный ансамбль танца «Дніпро» из Днепропетровска в дни декады выступил 20 раз.

Программа выступлений была разнообразна: традиционные и современные народные песни и танцы, талантливо поставленные и блестяще исполненные вокально-хо-

³ Отчет о сессии в Новосибирске, Томске и Иркутске см. «Сов. этнография», 1960, № 5, стр. 111—117; о сессии в Киеве — «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 149—153.

реографические и хореографические композиции, произведения классиков и современных композиторов для сольного и хорового пения, симфоническая музыка.

Самодельный симфонический оркестр Бобрского района Львовской области УССР успешно выступал с такими произведениями, как «Украинская сюита» неизвестного композитора XIX в., два танца из балета «Хустка Довбуша» А. Кос-Анатольского, с классическими произведениями Чайковского, Грига.

В репертуаре заслуженного самодельного ансамбля танца УССР «Дніпро», наряду с хореографическими композициями, составленными в основном из традиционных танцев — «Народные игры в ночь под Ивана Купала», «Червона калина», — была композиция «Дзержинцы», в которой ансамбль изобразил жизнь людей своего завода, использовав современные танцы.

Самодельный ансамбль танца кировоградского Дома культуры показал композицию «Ярчанские весенние игры», для постановки которой участники ансамбля специально выезжали на р. Яртань, где собирали старинные народные мелодии, танцы, игры и обряды, и «Сибирскую праздничную», в которой передана романтика покорения целины.

Самодельный ансамбль танца горловской шахты «Кочегарка» с большой изобретательностью поставил хореографическую композицию «Первая коммунистическая» — о почетном труде шахтеров, о новых людях Донбасса.

В хореографической композиции «Урожай» ансамбля танца Дома культуры имени Т. Г. Шевченко в Запорожье были использованы традиционные и современные народные танцы, как и в вокально-хореографической композиции «Полісські Льонарі» новгород-волынского Дома культуры, материалы для которой собирали почти все участники ансамбля.

В выступлениях всех самодельных коллективов было продемонстрировано высокое исполнительское мастерство рабочих, колхозников и служащих. Среди танцоров, певцов, музыкантов, представителей циркового искусства было много таких, которые по своему мастерству не уступали профессиональным артистам. Напомним, что именно из самодельных коллективов Украины вышли многие талантливые представители профессионального искусства: солисты Киевского государственного театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко народный артист СССР Д. Гнатюк, заслуженная артистка УССР Е. Мирошниченко, солистка Львовской филармонии сестры Байко и другие.

Москвичи высоко оценили исполнительское мастерство Ивана Кучера — пастуха колхоза имени 13-летия Октября Хмельницкой области, исполнявшего украинские и русские народные песни, произведения классиков и современных композиторов, Риммы Чумаченко — дежурного электрика Горловского азото-тукового завода имени С. Орджоникидзе, представителей Харькова: Э. Бригер — машинистки счетных машин, В. Ощепкова — рабочего депо и В. Гуревича — служащего железной дороги, свежо и непосредственно исполнявших танец «Жаворонок», и многих других.

Рабочие и служащие заводов и фабрик, все население столицы встречали представителей художественной самодельности Украины как желанных гостей и оказывали им теплый, братский прием. Нередко после концертов участники декады шли в цеха заводов и фабрик, демонстрировали свое производственное мастерство, делились опытом работы. Так произошло, например, при встрече самодельного хора черниговской фабрики первичной обработки шерсти с коллективом Московского камвольного комбината имени М. И. Калинина и на московском заводе «Каучук», где выступал заслуженный ансамбль танца «Дніпро» из Днепропетровска.

Народное декоративное и прикладное искусство было широко представлено на художественной выставке «Советская Украина», которая открылась на месячный срок с 12 ноября в Центральном выставочном зале на Манежной площади. На стендах были показаны произведения украинских ковроделов, резчиков по дереву, вышивальщиц, мастеров керамики, гутного стекла, декоративной росписи и других видов народного искусства.

Надо отметить исключительное разнообразие видов народного искусства, которые были представлены на выставке, богатство красок и расцветок изделий, многообразие стилей и художественных почерков народных мастеров, в целом придерживающихся определенной традиции, их высокое мастерство.

Наибольшее внимание привлекли работы резчиков по дереву артели «Гуцульщина» (г. Косов Станиславской области), резьба и инкрустация И. И. Тонюка и В. Я. Тонюка (с. Ричка Станиславской обл.), скульптурные композиции, вырезанные из целого куска дерева, Ю. и М. Амбицких (г. Львов) «На водопой», В. И. Свида (г. Ужгород) «На полонину» и «Весной на полонину», барельеф «Олекса Довбуш», который Н. Ю. Федирко вырезал на дне декоративной тарелки.

Большой интерес у посетителей вызывали фигурки зверей и птиц, а также целые композиции резчика по дереву С. И. Чайки (с. Братки Львовской обл.): «Бобры», «Ежик», «Журавль», «Лесные птицы», «Лесные звери», «Олени», «Олень и барсук среди грибов» и др. Этот народный мастер наделен удивительной способностью видеть, какую фигурку можно сделать из того или иного куска древесного корня.

Работы украинских ковроделов демонстрировали несколько артелей; в особенности выделялись работы членов артели им. 8 марта (с. Дегтяри Черниговской обл.): ковры «Портрет В. И. Ленина», «Портрет Карла Маркса», «Т. Г. Шевченко», «Советская

Украина» и гобелен «Украина в семье братских республик», подаренный украинским народом Москве

На выставке экспонировались превосходные образцы народной вышивки, выполненные вышивальщицами профессионального технического училища (с. Решетиловка Полтавской обл.), артели «Художественный труд» (с. Городковка Винницкой обл.), а также мастерицами Львовской и других областей; изделия из гутного и простого стекла артели им. 40-летия ВЛКСМ и Стеклозавода № 1 (г. Львов), Завода художественного стекла (Киев); майоликовые изделия Экспериментальной керамической мастерской Академии строительства и архитектуры УССР (Киев), артели «Художественный керамик» (с. Опощня Полтавской обл.) и многих мастеров, развивающих лучшие народные традиции, из Косова, Ужгорода, Львова, Одессы и др.

На выставке были богато представлены рушники, декоративные ткани и панно из ряда местностей (Киев, г. Иванков Киевской обл., с. Дегтяри Черниговской обл., г. Кролевец Сумской обл., г. Иршава Закарпатской обл. и др.).

Декоративная роспись на выставке была представлена работами народной художницы УССР Е. В. Белокур (с. Богдановка Киевской обл.) и других художников из Киева, с. Петрыкивки (Днепропетровской обл.), с. Михайловки (Кировоградской области) и др.

Хочется отметить сделанные из терракоты игрушки О. Г. Шияна (Одесса), простые и в то же время очень занимательные; очень хороши также вырезанные из дерева зверушки М. Г. Числова (с. Крышенки Полтавской обл.).

При знакомстве с выставкой поражали тонкий художественный вкус мастеров народного творчества, чувство формы и материала, неподдельный юмор, с которым выполнены некоторые изделия, — например, композиция киевского мастера В. И. Щербини «У колодца» (фарфор), Ю. П. Верны из г. Борисполь Киевской обл. «Сватанье» (резьба по дереву) и др.

Произведения советского прикладного и декоративного искусства, экспонированные в Центральном выставочном зале в Москве, показали, что оно развивается на основе использования лучших общенациональных и местных традиций. Так, ковроделы городов Косов, Коломыя, Куты, Заболотов, Яблунowo (Стациславской обл.), г. Глыняны (Львовской обл.), г. Хотын (Черновицкой обл.) отдают предпочтение геометрическому орнаменту, иногда в сочетании со стилизованным растительным; ковроделы же городов Новые Санжары, Решетиловка (Полтавской обл.) и г. Клембовка (Винницкой обл.), наоборот, — растительному.

Декада украинской литературы и искусства в Москве, позволившая широким слоям трудящихся столицы познакомиться с многообразным и ярким профессиональным и самодельным искусством украинского народа, прошла с большим заслуженным успехом.

Б. П. Кирдан

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

9—16 августа 1960 г. в Москве проходила работа XXV Международного конгресса востоковедов¹.

Первый Международный конгресс востоковедов собрался в Париже в 1873 г., и периодически каждые 2—3—4 года ученые-востоковеды встречались на конгрессах в различных странах. Третий Международный конгресс проходил в Петербурге в 1876 г. Очередной XXV Международный конгресс востоковедов, по решению, принятому в Мюнхене, был создан в Москве. На Конгресс прибыли делегации ученых почти из 60 стран (в том числе из Афганистана, Ганы, Эфиопии, Демократической Республики Вьетнам, Индонезии, Ирака, Ливана и др.). Поэтому понятно то внимание, которое проявила общественность нашей страны к работе этого Конгресса.

На Конгрессе работали 20 секций: I — Египтология; II — Ассириология; III — Хеттология и урартоведение; IV — Семитология, гебраистика и библейская археология; V — Византиноведение и смежные дисциплины; VI — История арабских стран; VII — Арабская филология; VIII — История Ирана; VIIIA — Афганистан; IX — Иранская филология; X — История Средней Азии; XI — Алтаистика, с подсекциями: а) тюркской филологии, б) монгольской и тунгусо-маньчжурской филологии; XII —

¹ См.: Б. Г. Гафуров, Международный форум ориенталистов (К итогам XXV Международного конгресса востоковедов), «Вопросы истории», 1960, № 11, стр. 3—18.

История Турции; XIII — Кавказоведение: а) подсекция кавказской филологии, б) подсекция истории Кавказа; XIV — Индианистика: а) подсекция филологии и искусствоведения, б) подсекция истории и философии; XV — Юго-Восточная Азия; XVI — Китаистика, с подсекциями: а) истории Китая, б) китайской филологии; XVII — Корея; XVIII — История Монголии; XIX — Япония; XX — Африканистика: а) подсекция истории, б) подсекция филологии².

Большинство докладов по этнографии и смежным с нею отраслям исторической науки было зачитано на секции истории Средней Азии³. В работе других секций XXV Международного конгресса востоковедов этнографической тематике было посвящено небольшое число докладов.

На секции алтаистики с докладами по этой тематике выступили главным образом члены советской делегации. С. М. Абрамзон (Ленинград) в докладе «Этногенетические связи киргизов с народами Алтая» на основании этнографических, археологических, исторических и лингвистических материалов сумел доказать, что «алтайский» пласт (особенно южных алтайцев) в этнической истории и национальной культуре киргизов играет существенную роль.

Л. П. Потапов (Ленинград) выступил с докладом — «Новые материалы о древних этногенетических связях народностей Саяно-Алтайского нагорья». Материалы, полученные при изучении русских исторических документов XVII в., позволили докладчику высказать предположение об этногенетической связи буклинцев XVII в. с древним народом Бектинской степи, упомянутым в орхонских надписях. Л. П. Потапов считает, что термин «Böklri» орхонских надписей — не только географическое наименование, но и этноним. Он полагает, что в середине XVII в. буклинцы, слившись с моторцами и тубинцами, вошли в состав некоторых современных народностей Саяно-Алтайского нагорья (хакасов, тувинцев). А. П. Дульзон (Томск) в докладе «Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики» пришел к выводу о том, что в южной части Западной Сибири топонимов угорского происхождения не имеется и что современная граница проживания угров возникла в результате их продвижения с запада на восток (но не с востока на запад). В. М. Жирмунский (Ленинград) зачитал доклад «Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии». Взаимодействия народов Средней Азии в области их этического творчества докладчик объясняет широкими взаимовлияниями между народами Средней Азии в процессе их консолидации в условиях феодализма и в более позднее время.

В подсекции монгольской и тунгусо-маньчжурской филологии был заслушан доклад М. Г. Левина (Москва) «К проблеме этногенеза тунгусов». Докладчик рассмотрел антропологические, археологические, этнографические и лингвистические материалы, подкрепляющие его гипотезу о том, что этнические группы, оставившие памятники неолитическим и энеолитическим культур в Прибайкалье и на смежных территориях, лишь позднее были ассимилированы тунгусоязычными племенами, проникшими сюда из более восточных районов. На заседании подсекции тюркской филологии был заслушан доклад В. Зайончковского (Польша) «Состояние и ближайшие задачи изучения гагаузов».

На остальных секциях Конгресса по этнографической тематике выступало по два-три докладчика. Остановимся кратко на этнографической проблематике, получившей отражение в работе этих секций. Вопросам этногенеза было посвящено несколько докладов. А. Гхош (Индия) прочел доклад «Проблема доисторических культур и их носителей в Индии» (секция индианистики), Л. Шарп (США) — «Насколько новым был новокаменный век Юго-Восточной Азии» (секция Юго-Восточной Азии). Докладчик, основываясь на археологических, лингвистических, антропологических и этнографических материалах, дал новую концепцию этногенеза и развития материальной культуры народов Юго-Восточной Азии, подчеркнув самостоятельность процесса их исторического и культурного развития. Этногенезу одного из крупных народов Закавказья — армян, был посвящен зачитанный на секции кавказоведения доклад В. Бэнэцяну (Румыния) «Вопросы этногенеза армян». На секции истории Монголии были прослушаны доклады Х. Пэрлээ (МНР) «Монгольские племена в период киданьской империи (X — начало XII вв.)» и Г. Н. Румянцева (Улан-Удэ) «О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят». Автор подробно останавливается на одном из спорных вопросов, именно — о времени появления монголоязычных племен в степях северной Монголии (Халха) и в Забайкалье. Одним из первых племенных союзов на этой территории был гуннский союз (III в. до н. э.). Докладчик, исходя из исследований последних лет (преимущественно китайских ученых), приходит к готке зрения о монгольском происхождении гуннов, высказанной еще Н. Я. Бичуринным.

Проблеме национальной консолидации были посвящены доклады И. А. Гусейнова (Баку) «Формирование азербайджанской социалистической нации» (секция кавказоведения) и М. Г. Асланова (Москва) «Об исторических условиях и некоторых факторах формирования афганского национального языка».

² О работе секции Африканистики см. «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 146—148.

³ См. ниже заметку Л. Ф. Моногаровой.

Этнографическая характеристика элементов материальной и духовной культуры народов различных стран нашла отражение в докладах как советских, так и зарубежных ученых. К. Ратман (Индия) прочел доклад «Тамилы, их происхождение и культура» (секция индианистики). На секции Юго-Восточной Азии был заслушан доклад Ж. Кондоминас (Франция) «Протоиндокитайское племя Центрального Вьетнама (мнонг гар)», в котором автор охарактеризовал быт и верования этого племени. А. Сопер (США) выступил с докладом «Тоба и анти-тоба в пещерах Юньгана» (секция китаистики). Л. Беллинджер (США) зачитала доклад «Анализ техники ковров с драконами» (секция истории Ирана). Г. С. Читая (Тбилиси) выступил с докладом «Пахотные орудия и системы земледелия в Грузии» (секция кавказоведения).

Характеристике общественных отношений афганцев был посвящен доклад Л. Р. Гордон-Полонской (Москва) «Пережитки общинно-родового строя в социально-экономическом развитии афганцев в XIX в.» (секция Афганистана). Докладчик остановился на анализе пережитков родоплеменной организации, выявляя положительную роль одних (не утративших своих демократических традиций) в историческом развитии афганцев, и отрицательную — других. Известное отношение к вопросам истории развития семьи с точки зрения этнографии имели доклады японских ученых Масао Фукусима «Дзайбацу и японская семейная система с точки зрения их семейных конституций» и Сёдзен Накаяма «Положение женщины с точки зрения Тэнрикё» (оба доклада были заслушаны на секции Японии). В докладе С. Накаяма рассказывается о равноправном положении женщины и мужчины в секте Тэнрикё. Некоторые этнографические сведения были сообщены в докладе Р. М. Магомедова (Махачкала) «Адагы дагестанских горцев, как исторический источник» (секция кавказоведения).

Фольклору и народному эпосу были посвящены доклады М. Мокри (Франция) «Символические птицы в персидском и курдском фольклоре» (секция иранской филологии) и Г. Араслы (Баку) «Мотивы азербайджанского эпоса в «Деде Коркуд» и в творчестве Низами» (секция кавказоведения). Автор считает, что эпос «Деде Коркуд», известный по двум спискам XV—XVII вв., отразил ашугскую поэзию, развивавшуюся в Азербайджане в X—XI вв. и именно в эти века эпос был записан. Г. Араслы проследживает влияние азербайджанского народного эпоса как на «Деде Коркуд», так и на творчество Низами.

На секциях были заслушаны доклады по религиозным верованиям различных народов: Д. Бодде «Празднование Нового года в ханьском Китае» (секция китаистики), Дж. Боумана (Австралия) «Луна и соблюдение религиозных праздников евреев и самаритян», М. Роденсона (Франция) «Некоторые идеи, связанные с семитскими пищевыми запретами» (оба на секции семитологии, гебраистики, библейской археологии); доклад М. Мокри (Франция) «Рождение мира по верованиям курдов (ахл-е хакк)», был заслушан на секции истории Ирана. Г. Г. Стратанович (Москва) зачитал доклад «Добуддийские верования народов Западного и Центрального Индокитая». Докладчик, характеризуя пережитки анимистических верований некоторых народов Индокитая, остановился на культе природы и отдельных его частностях (тотемизм и пр.), на ритуальном убийстве животных как части культа плодородия, на культе духов и вместилища души.

Определенный интерес для этнографов представляет доклад К. Ирвина (Великобритания) «История и содержание индийских коллекций музея Виктории и Альберта» (секция индианистики).

Несмотря на относительно небольшое место, которое занимала этнографическая тематика в работе конгресса (за исключением секций Средней Азии и алтаистики), советскими и зарубежными учеными, выступившими на XXV Международном конгрессе востоковедов, внесен значительный вклад в этнографическую науку.

О РАБОТЕ СЕКЦИИ «ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ» НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

В работе секции «История Средней Азии» приняла участие делегация советских ученых (главным образом из Российской Федерации, союзных республик Средней Азии и Казахстана), а также ученые Великобритании, Индии, США, Франции, Чехословакии, Швейцарии и других стран. Секцией проведено 9 заседаний, на которых прослушан и обсужден 41 доклад.

Доклады, зачитанные на секции, касались различных проблем истории Средней Азии и Казахстана.

По археологической тематике наибольший интерес среди советских и зарубежных ученых вызвали доклады С. П. Толстова, М. А. Итиной (Москва), А. Х. Маргулана (Алма-Ата), Б. А. Литвинского (Сталинабад) и Дж. Клаусона (Великобритания).

С. П. Толстов в докладе «Приаральские скифы и Хорезм» охарактеризовал проблемы, стоящие в центре работ Хорезмской экспедиции, в том числе вопросы, связанные с историей древней ирригации, и вопросы общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружавших древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, в частности Хорезмский оазис. Докладчик дал анализ материалов, полученных экспедицией при раскопках археологических памятников культуры степной бронзы, апашиаских памятников (Бабиш-мулла, Баланды, Чирик-Рабат) и погребальных сооружений.

М. А. Итина в докладе «Степные племена Среднеазиатского междуречья во второй половине III — начале I тысячелетия до н. э.» по-новому поставила вопрос о путях заселения Индии индоевропейскими племенами, что представляет огромный интерес для изучения древней истории Индии. Андроновская культура докладчиком рассматривается как комплекс культур.

А. Х. Маргулан в докладе «Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана» дал анализ трех основных этапов развития этой культуры в Центральном и Северо-Восточном Казахстане: доандроновский этап — XX—XVIII вв. до н. э.; андроновский этап — XVIII—XII вв. до н. э.; Бечазы-дандыбаевский — XII—VIII вв. до н. э. Каждый из них имеет свои характерные формы погребальных сооружений, обряд погребения, инвентарь (керамика, украшения, орудия труда и т. п.). В то же время в ряде случаев можно проследить последовательный переход от одной формы к другой.

Б. А. Литвинский (Сталинабад) в докладе «Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности» изложил новые, интересные данные по археологии Памира. Доклад вызвал оживленную дискуссию. Г. Фрумкин (Швейцария) и С. П. Толстов критиковали докладчика за разделение скифов и саков, так как саки это те же скифы, и за то, что докладчик придает чрезмерное значение пути саков через Памир, тогда как западный путь был основным при движении саков в Индию. Дж. Клаусон в докладе «Ак-Бешим — Суйаб» предложил новое чтение легенд древних монет, позволяющее отождествить городище Ак-Бешим с Токмаком, что разрешает давний спор о действительном названии города. Доклад Дж. Клаусона имеет важное значение для разработки древней истории Киргизии.

По исторической тематике большое внимание участников работы секции привлекли доклады Т. А. Жданко (Москва), Мухаммеда Низамуддина (Индия) и С. А. Азимджановой (Ташкент).

В докладе Т. А. Жданко «Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана» показаны тесные связи между кочевыми и оседлыми племенами и выявлена большая роль в истории Средней Азии и Казахстана полуседлого населения, совмещавшего в своем хозяйственном укладе земледелие и скотоводство. Докладами С. П. Толстова и Т. А. Жданко опровергнута старая буржуазная концепция противопоставления и извечной вражды кочевников и оседлого населения этих стран.

Доклад индийского ученого М. Низамуддина «Ал-Бируни и его научные достижения» вызвал большой интерес у участников заседания секции. Докладчик живо охарактеризовал творчество великого хорезмийского ученого и рассказал о большой работе, проведенной Хайдарабадским университетом по изданию оригинальных текстов ал-Бируни.

С. А. Азимджанова посвятила свой доклад «Некоторые экономические взгляды Захир-ад-дина Мухаммеда Бабура, изложенные в «Мубайине» мало изученному литературному памятнику «Мубайина» — поэтическому произведению Бабура, в котором вместе с тем излагаются его экономические взгляды.

Большое внимание участники заседаний секции уделили докладам, посвященным проблемам этногенеза: Б. Х. Кармышевой (Москва) «О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным)» и В. В. Гинзбурга (Ленинград) «Антропологические данные к истории народов Средней Азии». По истории религии были заслушаны доклады Ю. А. Рапопорта (Москва) «Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности (по археологическим данным)» и Г. П. Снесарева (Москва) «Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии».

Интересные сведения сообщили В. А. Ромодин (Ленинград) в докладе «Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда», М. Ю. Юлдашев (Ташкент) — «Расшифровка 24-го дафтара из архива хивинских ханов», Н. А. Кисляков (Ленинград) — «Патриархально-феодальные отношения у оседлого населения Бухарского ханства», Е. М. Пещерова (Ленинград) — «Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX — начале XX в.».

Ряд докладов был посвящен истории национальной культуры и искусства. Г. А. Пугаченкова (Ташкент) в докладе «К проблеме среднеазиатской школы миниатюристов XVI—XVII вв.» убедительно показала большое значение этой школы в развитии данного вида искусства; по мнению Г. А. Пугаченковой, имеются все основания говорить о существовании среднеазиатской школы миниатюристов уже в XV в. А. М. Беленицкий (Ленинград), выступивший с докладом на тему «Древнее

изобразительное искусство в Шахнамэ», высказал мысль о том, что, кроме письменных первоисточников и фольклорного материала, определенное воздействие на творчество Фирдоуси оказали и произведения древнего изобразительного искусства. С. В. Иванов (Ленинград) и Е. И. Махова (Москва) выступили с докладом «Декоративно-прикладное искусство киргизского народа», в котором охарактеризовали особенности декоративного искусства киргизов (локальные варианты орнамента, различия в технических приемах северных и южных групп киргизов), отражающего этногенетические процессы и культурные связи этого народа.

Доклады Г. Н. Кары-Ниязова (Ташкент) «О некоторых результатах, полученных обсерваторией Улугбека», М. М. Хайруллаева (Ташкент) «Изучение научного наследия Фараби в Узбекистане», М. Раджабова (Сталинабад) «Изучение учеными Таджикистана истории общественно-политической и философской мысли таджикского народа» — имеют важное значение для истории развития науки у народов Средней Азии.

На секции прочитана советскими учеными группа докладов, посвященная ряду актуальных проблем современности: консолидации социалистических наций, переходу от кочевого к современному социалистическому хозяйству, переустройству быта и росту национальной культуры. Это доклады: Ш. Б. Батырова (Ашхабад) «К вопросу об образовании и развитии туркменской социалистической нации», М. Р. Рыскулбекова (Фрунзе) «Переход киргизов от кочевого к современному социалистическому хозяйству», С. Баншева (Алма-Ата) «Расцвет экономики советского Казахстана (1920—1960 гг.)», А. Н. Нусупбекова (Алма-Ата) «Новый быт у казахов», С. Ш. Табарова (Сталинабад) «Литературные связи Таджикистана со странами Азии и Африки (по материалам после второй мировой войны)». Председательствовавший на утреннем заседании секции 15 августа (когда было заслушано большинство из упомянутых докладов) М. Низамуддин в своем заключительном выступлении поздравил туркменов, киргизов и казахов с тем, что они «вышли на передний край цивилизованного мира». «Можно приветствовать советскую социалистическую систему, которая предоставила возможность каждой из наций идти вперед со всей страной и при этом сохранять свои национальные особенности», — сказал он.

Ученые зарубежных стран Запада, представившие свои доклады на секцию Истории Средней Азии, ограничились узкими темами по древней и средневековой истории Средней Азии и Казахстана. Кроме упомянутого доклада английского ученого Дж. Клаусона, были заслушаны доклады В. Уотсона (Великобритания) «Нефритовый кубок Британского музея с именем Улугбека», М. Б. Диксона (США) «Узбекская династийная теория в XVI столетии», Г. А. Лэма (США) «Наследственные и изменяющиеся культурные влияния последнего тимуридского периода в Самарканде», Л. Крадера (США) «Значение термина «казах» в XV столетии». Единственный доклад, в котором был затронут теоретический вопрос, это доклад географа Дж. Б. Кресси (США) «Пустыни Азии». Докладчик пытался доказать, что пустыни вечно останутся таковыми. Советские ученые выступили с критикой этого положения. Выступления С. П. Толстова, А. Н. Нусупбекова и Б. А. Федоровича, рассказавших о планомерном освоении пустынь (в СССР, в КНР), когда такие названия, как, например, «Голодная степь», отошли уже в область истории, произвели сильное впечатление на зарубежных ученых.

Обсуждение доклада М. Низамуддина «Ал-Бируни и его научные достижения» и доклада С. А. Азимджановой «Некоторые экономические взгляды Захир-ад-дина Мухаммеда Бабура, изложенные в Мубайине», показали, какие гигантские шаги сделала наука в Индийской Республике, а также огромную работу, проведенную Академией наук УзССР по изучению и публикации рукописного наследия великих ученых Средней Азии, особенно ал-Бируни, Бабура и Авиценны.

В ходе работы секции были установлены научные связи с зарубежными учеными, работающими в области истории и археологии Индии, Ирана, Афганистана, история которых с древнейших времен была связана с историей народов Средней Азии и Казахстана. От имени индийских коллег Музею антропологии и этнографии Академии наук СССР была передана директором археологической службы в Индии г-ном Гохшем в дар археологическая коллекция из Мохенджодаро и Хараппы.

Зарубежные ученые посетили открытую в Институте этнографии АН СССР выставку результатов последних работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

Л. Ф. Моногарова:

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ АККЛИМАТИЗАЦИИ И ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

28 ноября — 1 декабря 1960 г. в Москве проходило совещание по проблемам акклиматизации и питания населения на Крайнем Севере, созданное по инициативе Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения РСФСР и его Комиссии по акклиматизации и краевой патологии человека на Севере. В подготовке совещания приняли деятельное участие Комиссия по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Госэкономсовете СССР, Академия наук СССР, Академия медицинских наук СССР и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. В работе совещания участвовали работники более двадцати различных институтов, в том числе сотрудники сектора по изучению современной культуры и быта малых народов Севера Института этнографии АН СССР: Б. О. Долгих, И. С. Гурвич, А. В. Смоляк, З. П. Соколова. На совещании было прослушано более 30 докладов, свыше 50 человек выступило в прениях.

Такое совещание было первым в истории полярной медицины и вообще изучения Крайнего Севера. Оно открыло серию совещаний, подготавливаемых по различным вопросам Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Госэкономсовете СССР совместно с Академией наук СССР, Академией архитектуры и строительства, Академией медицинских наук, Проблемной комиссией Министерства здравоохранения и другими организациями и учреждениями.

В связи с осуществлением утвержденного XXI съездом КПСС планом освоения природных ресурсов на востоке и севере страны и связанной с этим миграцией населения в районы новостроек перед медицинской наукой и здравоохранением стоит задача максимально облегчить процесс акклиматизации пришлого населения на Севере и разработать основы для создания оптимальных условий жизни и производительного труда человека на Крайнем Севере. Участники совещания разработали рекомендации для решения основных вопросов акклиматизации пришлых кадров на Севере, питания всего населения и его оздоровления. Были затронуты также вопросы жилищного строительства.

Состоялись четыре пленарных заседания и четыре заседания двух секций: секции первой — по вопросам нормирования и рационализации питания населения Крайнего Севера и секции второй — по вопросам обеспечения населения Заполярья свежими высокопитательными продуктами сельского хозяйства.

В большинстве докладов и выступлений проблема акклиматизации рассматривалась как часть общей проблемы повышения жизненного уровня населения Севера.

Доклады, прочитанные на пленарном заседании, по тематике можно разделить на несколько групп. Первые два доклада (С. В. Славина и Н. И. Шишкина) были посвящены экономическим предпосылкам развития народного хозяйства в районах Крайнего Севера и созданию там постоянных кадров. С. В. Славин доложил о важнейших промышленных очагах на Азиатском и Европейском Севере, подчеркнув, что проблемы акклиматизации, улучшения жилищно-коммунальных условий, питания должны быть тесно связаны с повышением уровня жизни коренного населения. При этом необходимо учитывать национальные особенности малых народов Севера, значение которых очень велико, так как акклиматизировались они здесь давно и создали поколения людей, приспособленных к суровым северным условиям. Н. И. Шишкин, отметив недостаток в рабочей силе на Севере, указал, что для обеспечения Севера кадрами и устранения их текучести необходимо создать здесь комплекс жилищно-бытовых, производственных и социально-культурных условий, равноценный достигнутому в центральных областях Союза (если не более высокий). Он выдвинул идею создания новых перерабатывающих производств и говорил о необходимости подготовки местных кадров — рабочих и высококвалифицированных специалистов — из коренного населения.

С докладами, в которых рассматривались вопросы акклиматизации населения Севера, выступили Г. М. Данишевский, И. А. Арнольд и Н. Н. Литвинов, И. С. Кандрор, Е. И. Солтыцкий. По этим докладам разгорелась дискуссия, в основном о методах акклиматизации — методе отбора людей или методе приспособления организма к условиям Севера. Стронник второго метода И. С. Кандрор говорил о успешной акклиматизации видит в создании улучшенных жизненных условий на Севере, с тем чтобы Север могли освоить миллионы людей.

Биоклиматическую характеристику районов Заполярья дал в своем докладе Л. А. Чубуков. Интересными были доклады О. П. Молчановой о физиологических нормах питания населения на Севере и С. М. Драчева и А. И. Ицковой о санитарно-гигиенических требованиях по обеспечению населения Севера питьевой водой.

Пути развития сельского хозяйства на Севере для обеспечения населения местными продуктами растительного происхождения охарактеризовал главный инспектор районов Крайнего Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР П. С. Жигунов. Как в своем докладе, так и в прениях он много говорил о роли коренного населения в освоении Севера. Он подчеркнул, что основное внимание должно быть направлено «не только на освоение Севера и создание, где это возможно, продовольственной базы,

лю и на развитие экономики и культуры малых народностей Крайнего Севера». П. С. Жигунов призвал медицинских работников, наряду с агрономами, инженерами, строителями и другими специалистами, активно вмешиваться в процесс акклиматизации человека на Севере, разрабатывая типы одежды, жилища, полноценного питания и т. д. П. С. Жигунов отметил также, что земледелие на Севере целесообразно развивать «в тех районах, где для этого имеются необходимые природные условия и где это экономически целесообразно». При этом он заметил, что исконные отрасли коренного населения — охота и оленеводство — еще надолго сохраняют свое значение, но на новой, более высокой технической основе.

Три доклада — Ф. Ф. Ламперт и М. Г. Макеевой, Б. В. Муравьева, Т. В. Римской-Корсаковой и Г. И. Муравьевой — содержали рекомендации по планировке населенных мест, гигиене жилища и градостроительству на Севере. К сожалению, очень интересные проекты жилищ и общественных зданий, предложенные сотрудниками Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР, предназначены в основном для городов и крупных поселков городского типа, проектов же зданий сельского типа представлено не было. В прениях об этом говорили А. В. Смоляк, а также заведующий Ямало-Ненецким окружным отделом здравоохранения П. Т. Московкин, представители Якутии Г. У. Гермогенов и В. Н. Антипин.

В. Н. Беклемишев в докладе «Защита жителей Севера от гнуса» справедливо отметил недостаточность разработки мер борьбы с гнусом и подчеркнул, что защита населения СССР, в особенности населения Севера, от гнуса должна стать общегосударственным делом.

На заседаниях первой секции было сделано семь докладов и сообщений, посвященных проблеме рационального питания и витаминной обеспеченности населения Севера. В трех из них — Н. П. Добронравовой, Н. Н. Куинджи и Г. Л. Тороповой; В. С. Лукьянова и Н. Н. Пушкиной; Е. П. Ожогой — говорилось об особенностях питания коренного населения Севера. Во второй секции было сделано двенадцать докладов. Большая часть докладчиков предлагала рекомендации по возделыванию и использованию сельскохозяйственных и дикорастущих растений, по озеленению и цветочному делу на Крайнем Севере. В докладе А. И. Норина, а также в прениях говорилось об охране лесов на Севере. Другая часть докладов этой секции содержала практические рекомендации по развитию животноводства, птицеводства, рыбного хозяйства, оленеводства (мясного направления).

Выступавшие в прениях внесли ряд предложений по улучшению жизненных условий на Севере как для пришлого, так и для коренного населения (в том числе улучшение снабжения, жилищных условий, общественного питания, бытового обслуживания, условий труда), по рационализации планирования сельского хозяйства и пр.

О необходимости детальной разработки методов определения бюджета населения Севера говорил В. Н. Антипин. П. Т. Московкин сообщил о путях оседания коренного населения, подчеркнув важность скорейшего решения проблемы отопления жилищ на Севере. А. В. Смоляк поставила вопрос о недопустимости шаблонов в планировании развития сельского хозяйства на Нижнем Амуре. К сожалению, очень мало говорилось об организации охотничьего хозяйства и быта охотников. Об этом сказал только В. И. Орлов из Института географии АН СССР.

Заместитель министра здравоохранения РСФСР А. С. Сергеев, подводя итоги совещания, отметил большой недостаток его организации — незначительное количество докладов об улучшении быта коренного населения Севера. Он совершенно правильно обратил внимание на то, что поскольку охота и оленеводство, связанные с кочеванием если не семей, то самих пастухов и охотников, будут существовать не один десяток лет, то надо думать, как и в этих условиях более полно и рационально организовать медицинское и прочее обслуживание трудящихся на Севере.

Совещание приняло три резолюции — общую по работе пленарных заседаний и две по работе обеих секций. В этих резолюциях нашли отражение многие рекомендации, сформулированные в докладах и выступлениях.

Недостатком работы совещания следует считать то, что в основном его рекомендации имеют в виду пришлое население. О потребностях коренного населения в большинстве докладов и выступлениях, как уже указывалось, не было сказано. В особенности это касается рекомендаций по строительству и благоустройству поселков и жилищ. По сравнению с вопросами развития сельского хозяйства слишком мало внимания было уделено другим занятиям коренного населения — оленеводству и рыболовству, а в особенности охоте.

Тем не менее работа этого совещания имеет большое значение как для решения проблем акклиматизации на Севере пришлого населения, так и для улучшения быта коренного населения.

З. П. Соколова

МЕКСИКАНСКАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ

12 октября 1960 г. в Москве была открыта на 2 месяца выставка «Искусство Мексики с древнейших времен до наших дней». Еще никогда к нам не привозили подобной выставки, так полно представляющей историю искусства какой-либо страны. Мексика необычайно щедро раскрыла сокровищницу своих национальных богатств. Организаторы выставки не только отобрали для показа лучшие вещи, хранившиеся в Национальном музее в Мехико и во многих провинциальных музеях страны, но и пополнили свою коллекцию многочисленными произведениями искусства из различных частных собраний. Особенно обширная коллекция уникальных произведений была посвящена древнему искусству доколумбовой Мексики.

На выставке в Москве многие разделы были представлены более полно и, пожалуй, более совершенными образцами, чем в крупнейших музеях Мексики. Поэтому можно сказать, что даже побывав в Мексике, лишь при очень счастливом стечении обстоятельств можно было бы увидеть все то, что оказалось доступным обозрению москвичей.

Рис. 1. «Собачки» — глиняные сосуды («культура Запада»)

Еще у входа в Государственный Музей изобразительных искусств, где разместилась мексиканская выставка, внимание посетителей привлекали колоссальные каменные скульптуры: пятиметровая колонна — атлант, изображающая тольтекского воина, и огромная голова ольмекского юноши в плотно прилегающем шлеме. Эти замечательные памятники индейской скульптуры созданы за много столетий до прихода испанских завоевателей.

Собственно выставка открывалась произведением современного скульптора Франсиско Суньиги — композицией «Мексика изменяющаяся и неизменная». Ф. Суньига мастерски воспользовался необычной для нас, но традиционной для мексиканской пластики формой, создав двусторонний барельеф, на котором с одной стороны высечен орел, олицетворяющий Мексику, а с другой — фигура человека, своеобразный плоскостной разворот которой перекликается с древними барельефами доколумбовой Мексики. Это чудесное произведение из оникса отражает основную идею выставки — преемственность древних традиций, преемственность творческую, то «изменяющееся и неизменное», что есть в мексиканском искусстве.

Выставка, размещенная в шести больших залах музея, делилась на три отдела: археологический, отдел современного искусства и отдел современного народного творчества. Искусство колониального периода было представлено очень незначительно.

Наиболее широко и полно было показано разнородное искусство индейских народов доколумбовой Мексики. Оно экспонировалось в четырех залах из шести. Хорошо продуманная экспозиция, стремление показать наиболее типичные вещи, а также уникальные художественные достоинства большинства экспонатов создавали четкое представление о стиле каждой археологической культуры. Более того, утверждалась идея преемственности культур, поступательности их развития, их совершенствования.

Следует отметить еще одну характерную черту археологической экспозиции на выставке — ее большую художественную культуру: спокойный световой фон, создаваемый щитами, достаточно разнообразный, но не мешающий восприятию; прекрасное

освещение, умело подчеркивающее художественные качества и выразительность экспонатов.

Для этнографа археологический отдел давал много интересного, так как наряду с образцами профессионального искусства древности, представленными многочисленными предметами культового назначения, на выставке было множество чудесных образцов народного творчества, главным образом бытовой керамики, глиняных игрушек, мелких жанровых статуэток, помогающих воссоздать картину повседневной жизни индейцев тех времен.

Осматривая стенды, посвященные искусству «доклассического» периода, сравнительно малоизученной «культуры Запада», ольмекской, теотихуаканской, сапотекской и миштекской культур, посетитель знакомился с утонченным мастерством индейских умельцев.

Рис. 2. Сосуд в виде сидящего усталого мужчины («культура Запада»)

В витринах «доклассической культуры», заполненных многочисленными культовыми женскими статуэтками, выполненными, как правило, в довольно единообразной традиционной манере, бросались в глаза небольшие фигурки обнаженных женщин, сидящих в спокойных и непринужденных позах, удивительно реалистичные и живые. Очень хороши разнообразные сосуды самых необычных форм: один в виде плывущей важной и надутой утки, другой — изображающий акробата, застывшего в невероятной позе, третий — в форме человеческой ноги и т. п. Встречаются очень своеобразные сосуды, по форме напоминающие керамику индейцев Андского нагорья.

Несколько небольших витрин знакомили посетителя с самой загадочной древней культурой Мексики — ольмекской. Здесь обращали на себя внимание удивительной тонкостью и изяществом различные поделки из нефрита, а также выполненный из желтой глины торс спящего ребенка и характерное для ольмеков глиняное изображение детоподобного божества. В культуре ольмеков можно отметить ряд характерных деталей, которые как бы предвосхищают специфические особенности многих более поздних культур.

Но особенно долго и внимательно посетители рассматривали стенды, посвященные «культуре Запада», представленной главным образом разнообразными глиняными сосудами и фигурками. Поражает необыкновенное богатство тематики: здесь можно было видеть фигурки веселых музыкантов, настороженных воинов со щитами, работающих или же дерущихся женщин, пляшущих танцовщиц, карликов, несущих тяжелый груз, сосуды в виде попугаев, уток, раскормленных собак в самых разнообразных позах (подчас подмеченных с большим юмором). Отсутствие скованности в тематике

и манере выполнения, как и бытовое назначение большинства изделий, свидетельствуют, на наш взгляд, о глубокой народности этого искусства. Особо следует отметить сосуд в виде сидящего утомленного человека, в котором удивительное совершенство формы, предельная выразительность и реалистическое, хотя и в несколько обобщенной манере, выполнение, сочетаются с соответствием бытовому назначению — это свидетельствует о том, что искусство глубоко проникло в быт создателей «культуры Запада».

Жизнеутверждающее «искусство Запада», по-видимому, отнюдь не культового назначения, сменяли в экспозиции строгие каменные погребальные маски Теотихуакана, выполненные с большим вкусом и знанием материала, и сапотекские погребальные урны

Рис. 3. Общий вид зала, посвященного искусству майя. В центре — скульптурное изображение бога дождя Чак-Моола

в виде различных божеств в пышных и сложных одеждах и головных уборах. Обращала на себя внимание простотой и строгостью исполнения небольшая фигурка сидящего со скрещенными ногами писца.

Знаменитые изделия ювелиров доколумбовой Мексики, о которых так много писали испанские хронисты времен завоевания, дошли до нашего времени в очень незначительном числе, так как были переплавлены испанцами на золотые слитки; на выставке они были представлены золотым ожерельем и золотыми кольцами необычайно тонкой, изящной работы.

В следующем зале посетитель выставки ознакомился с искусством хуастеков и тонаков, живших на побережье Мексиканского залива. У входа в зал бросался в глаза барельеф божества сумерек, когтистого существа, надвигающегося на горизонт и поглощающего солнце. Тонакское искусство было представлено серией единственных в своем роде смеющихся головок и хохочущих человечков. Против нее были экспонированы так называемые «аче» — загадочные каменные изображения человеческих профилей, хищных птиц. Назначение аче не ясно. Они отличаются декоративностью и вместе с тем утонченностью в проработке деталей, великолепным соотношением пропорций, пластичностью.

Зал, посвященный искусству майя, напоминался, помимо прекрасного содержания, своим оформлением. Здесь особенно поражало умелое пользование световыми контрастами: часть экспонатов находилась в тени, часть — как бы на ярком тропическом солнце. Эффект достигался направленным освещением, подчеркивающим скульптурные формы и резьбу на каменных барельефах. Неволяно внимание посетителя концентрировалось на основном. Тусклые краснозато-коричневые плиты подчеркивали совершенно белой или светло-серой скульптуры. Экспонаты были размещены свободно, экспозиция не загромождена. От самого входа посетителя встречал настороженный взгляд полулежащего в традиционной позе Чак-Моола — бога дождя. В этом же зале экспо-

нировалось одно из наиболее прекрасных произведений искусства доколумбовой Мексики — голова воина, найденная в Паленке. Здесь же были показаны знаменитые многоцветные композиции из храма в Бонампаке и необычайно интересная (особенно для этнографа) серия небольших глиняных фигурок с о-за Хайна, среди которых — изображения мужчин и женщин, знатных майя и рабов, воинов. Все они очень достоверны даже в мелких бытовых деталях. Гри взгляде на них легко воссоздается облик жителей древних городов и селений индейцев майя.

Переходя в следующий зал, посетитель сразу попадал в мир монументального, несколько сурового искусства ацтеков — народа воинов. Бросался в глаза открытый стенд с каменными изображениями громадных свернувшихся змей; среди них — странные пернатые змеи, олицетворяющие бога Ке-цалькоатля. Голова мертвого человека, головы «воина орла» и «воина ягуара», коренастая фигура пленника, изображения богини смерти и земли Коатликуэ — определяли общий мрачноватый колорит этого зала.

После блестящей экспозиции археологического материала отдел, посвященный колониальному искусству, не производил особенного впечатления. Несомненно, показанные здесь произведения по художественным достоинствам намного ниже искусства доколумбовой Мексики. Искусство колониального периода воспринимается лишь как связующее звено между высокими цивилизациями древности и расцветающим искусством современной Мексики. Выставленные произведения скульпторов и художников убеждают, что искусство Испании, принесенное завоевателями в чужую страну, не смогло победить искусство коренного населения Мексики. Более того, плодотворное влияние индейского искусства — основа самобытности и главная причина художественного взлета современного искусства Мексики.

Это становится особенно очевидным, когда знакомишься с залами, посвященными современной живописи, где висят полотна таких художников, как Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос и Хосе Клемента Ороско.

Нельзя до конца понять современное изобразительное искусство Мексики, не будучи знакомым с мексиканскими древностями: традиционные мотивы очень сильны там и сейчас. Речь идет здесь не о стилизации, а о подлинной преемственности, о проникновении в самый дух народной традиции. Три крупнейших мексиканских художника современности, очень различные по творческому почерку, сходны в этом отношении. Для Д. Сикейроса наиболее характерно восприятие монументальных форм искусства ацтеков и их предшественников. Несколько мрачное философское содержание творчества Х. Ороско, его стремление к обобщенной символике перекликается с профессиональным религиозным искусством древней Мексики. Но особенно ярка и выразительна народная традиция в творчестве Д. Риверы. При взгляде на его картины, посвященные Мексике, сразу вспоминаются сочные жанровые статуэтки «культуры Запада», колорит и выразительность фресок Бонампака.

Показу современного народного творчества на выставке было отведено, к сожалению, очень мало места — только один небольшой зал. Кроме того, экспозиция явно была подчинена декоративным задачам. Отдельным любопытным, но не существенным произведениям народного творчества, например, картонным фигурам «нуд» и так называемым «калаверас» (картонные изображения черепов и скелетов) было отведено слишком много места — они подавляли все остальное, заслоняя собою гораздо более широко бытующие произведения народного творчества. В то же время на выставке совсем не были представлены ткачество и вышивка, очень богатые и разнообразные в Мексике, особенно у различных индейских народов, в орнаментике которых сохранились интереснейшие элементы доиспанских времен. Не было знаменитого мексиканского серебра и изделий из кожи, слабо было представлено плетение.

Лучше всего были показаны гончарные изделия: бытовая керамика и глиняные игрушки. Неисчерпаемо богатство их форм и расцветок. Интереснейшим образом переплетаются древние индейские и более поздние традиции. Особенно своеобразны изделия гончаров из Койотеpeка (Оахака). Огромный черный полированный кувшин для воды с удивительно пластичным гравированным орнаментом из листьев; «пичанча —

Рис. 4. Мужская голова с прической, украшенной перьями (культура майя)

Рис. 5. Статуя богини Коатликуэ (экспозиция ацтекского искусства)

Рис. 6. Глиняная жаровня и «опахало» для раздувания угля
(Пуэбла и Мехико)

Рис 7. Керамические изделия из Толимана (Герреро)

специальный сосуд для промывки зерен маиса; небольшие канделябры для одной свечи в виде любимого персонажа многих сказок — «сирениты» (маленькой сирены); звонкие колокольчики в виде ангелочков — выполнены из черной, с металлическим отливом, глины. Вся хозяйственная утварь — круглодонная, традиционной доколумбовой формы и до сих пор производится без гончарного круга, тогда как получение канделябров и колокольчиков в виде сирен и ангелочков связано с позднейшим католическим влиянием. Круглодонные сосуды из Койотепека, с которыми обязательны плетеные круглые подставки, соседствуют с «циновочной» расписной керамикой из Тонала

Рис 8. Сова и лягушка (глиняные игрушки из Гвадалахары, штат Халиско)

(Халиско); стиль ее, с характерным тонким сетчатым белым фоном (отсюда и название), сложился лишь в XIX в.

На открытом стенде посреди зала стояли изящные удлиненные сосуды из Толимана с коническим дном и тремя небольшими ручками для подвешивания. Это очень древняя для данных мест форма. Сосуды покрыты сюжетной стилизованной росписью, с удлиненными линиями, соответствующими их форме.

Глиняные фигуры, изображающие животных и птиц (львов, кошек, уток и т. п.), изготовленные в Гвадалахаре (Халиско), в какой-то степени продолжают традиции замечательных мастеров «культуры Запада», однако теперь принято всю статуэтку покрывать орнаментальной росписью.

Рис. 9. Олень и лягушка (глиняные игрушки из Оахаки)

Ряд гончарных изделий — игрушки и посуда из Атцомпы (Оахака) и Мичоакана покрыты переливчатой зеленой глазурью. Эта техника была воспринята индейцами от испанских ремесленников. Нельзя не отметить очень живописные, ярко раскрашенные сложные глиняные канделябры в виде райского «древа жизни», которые сейчас изготавливаются в селении Матаморос де Итцукар (Гуэбла).

Кроме гончарства, сравнительно полно были показаны изделия из лака, бытующие в настоящее время, в их числе — небольшой деревянный сундучок из Олинала (Герреро), покрытый многоцветной росписью. Интересна техника росписи: вся поверхность покрывается сплошными цветными слоями, а затем прорезается узор. Очень хороши деревянные расписные блюда из Уруапана (Мичоакан) и калесасы, расписанные крупными яркими цветами, — неперемнная принадлежность в хозяйстве многих селений Чиапаса.

Очень необычны изделия индейцев-хуичолой, которые на небольших деревянных табличках, по клею, делают аппликации из разноцветных шерстяных нитей. Аппликации делаются без предварительного нанесения рисунка; изображаются цветы, бабочки, козы, орлы. Их отличает особая красочность, декоративность и разнообразие: двух табличек с одинаковым рисунком не бывает.

Один из недостатков в экспозиции современного народного творчества — отсутствие указания, для какой этнической группы характерна выделка тех или иных изделий (в этикетках указан лишь район их производства). Можно лишь догадываться, что зеленая керамика Мичоакана принадлежит тараскам и т. п. Это вряд ли правильно при показе современного народного творчества такой многонациональной страны, как Мексика.

В целом этот раздел выставки производил впечатление некоторой скромности, после его просмотра у посетителей не возникало цельного представления о повседневной жизни мексиканцев. Этот пробел до некоторой степени восполняли великолепные фотовитрины, расположенные на галерее. В многочисленных фотографиях передана удивительная красота природы и людей Мексики. Вообще фотографии на мексиканской выставке заслуживают особого упоминания, они великолепно дополняли экспонируемый материал (например, фотоснимки архитектурных деталей и целых архитектурных комплексов древних майя), а подчас помогали полнее выявить художественные достоинства отдельных экспонатов, особенно — небольших по размерам.

Следует пожалеть, что мексиканская экспозиция перебивалась залами, не имеющими никакого отношения к мексиканскому искусству. Не всегда достаточно профессиональным был перевод каталога выставки и этикеток на стендах. Но все это — детали, отнюдь не определяющие общего впечатления от выставки.

Выставка «Искусство Мексики» — радостное и важное событие в культурной жизни советского народа. Множество людей непосредственно познакомились с выдающимися достижениями «самобытного и своеобразного искусства дружеской страны. Особо хочется отметить, что выставка в Москве состоялась в 1960 году, в юбилейный для мексиканского народа год 150-летия начала борьбы за независимость. После Москвы, мексиканская выставка в течение февраля — марта демонстрировалась в Ленинграде, где она имела столь же блестящий успех, каким пользовалась у москвичей.

* * *

После закрытия выставки на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 21 декабря 1960 г. выступил вице-директор Национального музея изящных искусств в г. Мехико, директор выставки «Искусство Мексики» д-р Фернандо Гамбоа. Он сделал очень содержательное сообщение о деятельности этнографических учреждений в Мексике, выслушанное с большим вниманием. Другое сообщение Ф. Гамбоа — «О принципах экспозиции в музеях Мексики», содержавшее много новых и любопытных сведений и обобщений, также вызвало очень большой интерес. Сообщение д-ра Гамбоа было тем более убедительным, что мы видели на только что закрывшейся выставке прекрасный образец искусства музейной экспозиции.

В заключение были продемонстрированы несколько фильмов о древнем и современном искусстве Мексики и этнографический фильм о карнавале в одном из мексиканских селений.

Директор Института этнографии С. П. Толстов тепло поблагодарил д-ра Ф. Гамбоа за ценное и увлекательное выступление на Ученом Совете Института и выразил надежду на дальнейшее укрепление научных связей между учеными Мексики и Советского Союза.

М. Ф. Хорошаева

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. работало восемь историко-бытовых экспедиций Музея, развернувших свою деятельность в разных районах Советского Союза — в Одессе и Николаеве, в Московской области, Криворожье и Средней Азии, на Херсонщине, Ангаре, Северной Двине и на Дальнем Востоке.

Особняком среди экспедиций 1959 г. стоят Северодвинская и Приангарская. В задачу первой (начальник С. К. Жегалова) входило не столько пополнение коллекций музея, сколько сбор материалов для определения и изучения старых, не паспортизированных предметов, хранящихся в фондах. Работа, проделанная экспедицией, имеет большое значение и для изучения северодвинской крестьянской росписи¹.

Приангарская экспедиция (начальник И. В. Маковецкий) ставила своей целью изучение архитектурных традиций Приангарья и сбор бытового материала. Экспедиция доставила в Москву одну из двух сохранившихся сторожевых башен Братского острога — интересного памятника деревянного зодчества XVII в. Башня восстановлена в филиале Государственного исторического музея — в с. Коломенском. Вторая башня восстанавливается в Новом Братске.

Для изучения архитектурных памятников члены экспедиции обследовали Старый Братск и ряд сел вверх и вниз по Ангаре (Падун, Дубынно, Аникино, Подбеланка, Суворово, Долгий Луг и другие). В селе Долгий Луг обнаружена изба XVIII в. Она была разобрана, и фрагменты ее использованы для восстановления Братской башни. Верхнее Суворово славится большим разнообразием наличников; некоторые из них

¹ См.: С. К. Жегалова, Экспедиция Государственного исторического музея на Северную Двину, «Сов. этнография», 1960, № 4.

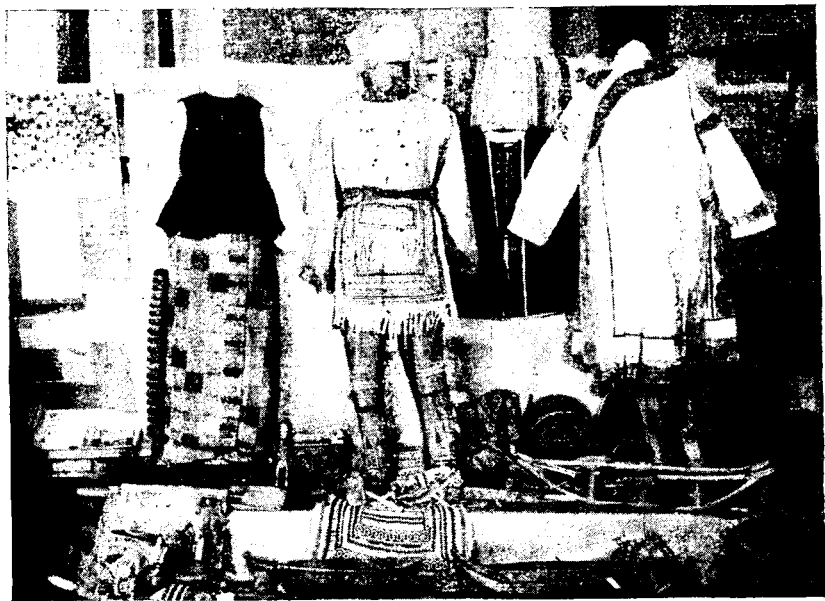

Рис. 1. Материалы Дальневосточной экспедиции

привезены экспедицией. В остальных селах получено большое количество предметов быта, охотничьих и рыболовных принадлежностей, которые будут использованы для воссоздания жилого комплекса в Северной башне Братского острога.

За исключением этих двух экспедиций все остальные ставили своей целью сбор материалов для экспозиции Государственного исторического музея по периоду империализма.

Дальневосточная экспедиция (начальник Е. И. Розенталь) собирала материал по теме: «Города Дальнего Востока как экономические и культурные центры. Революционное движение на Дальнем Востоке в 1890—1917 гг.» Основную работу проводили в Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке. Кроме того, совершали выезды в Спасск-Дальний, вошедший в историю как один из важнейших центров партизанской борьбы, в Сучан — центр угледобычи на Дальнем Востоке в дореволюционные годы и в переселенческие села — Астрахановку (близ Благовещенска), Лохвицу Белогорского района, Спасское и Красный Кут Спасского района.

Значительная группа собранных экспедицией материалов характеризует экономическое развитие Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в.: фотографии и документы, отражающие строительство и эксплуатацию Уссурийской, Китайско-Восточной и Амурской железных дорог, уникальный альбом фотографий владивостокских временных мастерских, где в годы первой империалистической войны производили сборку 13160 большегрузных вагонов, заказанных в Америке, и др. О Сучанских угольных копях рассказывают фотоснимки шахтерских поселков и узкоколейной железной дороги, построенной в 1907 г. и соединявшей Сучанские копи с портами Владивосток и Находка.

Экспедицией собраны также материалы об изучении и освоении Дальнего Востока. Приморский музей передал экспедиции вещи и документы, связанные с именем одного из исследователей северо-восточного побережья Дальнего Востока — финна-переселенца шкипера Фридольфа Гека (1880-е годы): охотничье и рыболовное снаряжение, оленью упряжь, каменный молоток и другие предметы, собранные Геком в становищах чукчей; сделанные им фотографии. Более поздние материалы, полученные экспедицией от Приморского и Хабаровского музеев, были собраны в 1900-х годах Б. К. Арсеньевым, изучавшим быт нанайцев (гольдов) и удэгейцев: летняя мужская одежда (халат, торбоза и рукавицы из рыбьей кожи), иглы и мерки для вязания и плетения сетей, модель нарт характерной формы (прямоугольные, с двусторонне-загнутыми полозьями). Деревянная резная ложка для кормления медведя и расшитый нарукавник, надевавшийся во время медвежьей охоты, характеризуют существовавший у удэгейцев культ медведя. От уроженки Хабаровска получен альбом с фотографиями В. К. Арсеньева и членов одной из его экспедиций.

Группа вещей связана с историей заселения Дальнего Востока украинскими переселенцами: холщевый домотканый рушник и рубаха из Черниговской губернии, скатерть, гребень от пряхи, веретено и рубель из Полтавской губернии. Интересен серп, найденный экспедицией в с. Красный Кут. По рассказам жителей, такие серпы делали местные кузнецы. Ими пользовались первые украинские переселенцы, основавшие се-

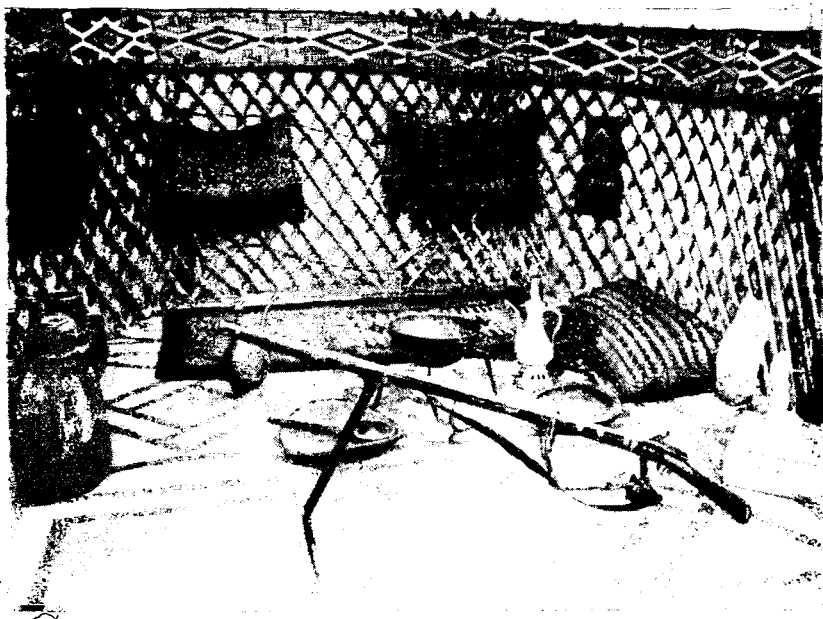

Рис 2. Материалы Туркменской экспедиции. Предметы из юрты номулов

ло. Женская «корсетка», приобретенная там же, сшита в с. Спасском в начале 1900-х годов по украинской моде.

Целый комплекс привезенных экспедицией материалов относится к периоду русско-японской войны: винтовка, самодельные гранаты, снаряды, пишущая машинка из штаба Порт-Артура, серия фотографий, запечатлевших оборону крепости.

Ряд предметов характеризует революционное движение на Дальнем Востоке. Наиболее ценными из них являются фотографии митингов в Благовещенске в связи с манифестом 17 октября 1905 г. и солдат-защитников Порт-Артура, находившихся в японском лагере для военнопленных в г. Хамадера в том же году, а также листовка Амурской группы Сибирского Союза РСДРП, отпечатанная в августе 1906 г. в Благовещенске.

Туркменская экспедиция (начальник Э. С. Коган) ставила своей задачей сбор материала для той части готовящейся экспозиции по истории России периода империализма, которая должна показать патриархальный уклад населения ее окраин. Экспедиция обследовала область расселения в прошлом полукочевого племени номулов в западной части Туркменской ССР (нынешний Красноводский район). Материал собирался в селах Чагыл и Аккун, расположенных в пустыне Каракумы, где главным занятием населения было полукочевое скотоводство.

К ценным приобретениям экспедиции можно отнести юрту — основное жилище иомудов и текинцев, а также одну из кошм, обычно покрывавших пол юрт. Кошма украшена традиционным узором, свидетельствующим о скотоводческих занятиях населения. Местные жители трактуют его следующим образом: желтая кайма — изображение жителя песков — скорпиона, центральный узор — стилизованные рога барана, край — след верблюда, идущего по песку.

Хозяйство скотоводов-иомудов не было полностью натуральным. Некоторые предметы они покупали как на местных, так и на относительно отдаленных рынках. Капкан, веретена, ложки приобретали, например, в соседнем селении Чагыл, а блюда — в дальнем Ташаузском районе.

Интересны привезенные экспедицией предметы, которыми пользовались пастухи во время кочевок: бурка «ефанджи», сделанная из войлока и служившая не только верхней одеждой, но в случае нужды и шалашом; вещевой мешок «кошторба», обувь из сыромятной кожи и др.

Другим районом работы экспедиции была долина р. Сумбар, заселенная в ее верхней части туркменами-нохурли, в прошлом занимавшимися преимущественно земледелием. Были обследованы селения Тутли-кала, Куруждей и Дузул-тепе. Здесь приобретена типичная нохурская мужская рубашка из красного шелка; у ворота и на концах рукавов она расшита геометрическим узором, разрез — на правой стороне груди, ворот завязывается тесемками. Интересно женское шелковое платье того же излюбленного красного цвета с вышивкой и невысоким в виде стойки воротником. Под платье надевали богато расшитые штаны. Привезены, кроме того, халаты, которые

Рис. 3. Материалы Туркменской экспедиции. Одежда туркмен-нохурли

носили нохурские женщины. Они двух типов: «елек» и «пуренджек». Елек украшен большим количеством серебряных бляшек. Рукава его сильно удлинены, сужены к концам и соединены на спине небольшой полоской ткани. Елек шили обычно из красной шелковой ткани с белыми и черными продольными нитями. Пуренджек сделан из ткани черного цвета и богато расшит цветными нитками. Рукава этого халата также имеют декоративное назначение, но в отличие от елека значительно укорочены. Надевая халат, женщина накрывала голову левым рукавом.

Третьим районом работы экспедиции был Мургабский оазис в низовьях р. Мургаб, где живут туркмены-текинцы, занимающиеся земледелием на поливных землях. Здесь собран комплекс сельскохозяйственных орудий: сошник плуга «омач», кетмень, борона, серпы, лопаты, вилы и т. д. Приобретены также женские серебряные украшения, изготовленные местными мастерами и говорящие о значительном развитии ювелирного ремесла у текинцев: «гуляха» — нагрудное украшение, сделанное в форме цветка с сердоликовыми и бирюзовыми глазками, «туван» — шейное украшение, «чечме» — головной убор и т. д.

Херсонская экспедиция (начальник Л. П. Минарик) работала в б. Херсонском уезде, центре крупного помещичьего землевладения. Члены экспедиции ставили своей задачей сбор материалов, характеризующих развитие капитализма в сельском хозяйстве Херсонщины в начале XX в. Были обследованы бывшие селения Грушевка, где находилось поместье великого князя Михаила Николаевича, Новая Воронцовка, принадлежавшая Воронцовой-Дашковой, Осокоровка, Золотая Балка, Архангельское и другие.

Экспедиции удалось собрать материалы, свидетельствующие о значительном распространении в начале XX в. вольнонаемного труда во владениях херсонских помещиков, эксплуатировавших как местных, так и пришлых крестьян. Привезено несколько комплектов одежды, которую носили сельскохозяйственные рабочие Грушевского имения. Местные крестьяне-батраки пользовались преимущественно покупной одеждой, приобретаемой в большом торговом селе Новая Воронцовка и сшитой из плотной шелковой ткани, называвшейся «немецкой». Женское платье состояло из кофты с узким воротом и рукавами с буфами у плеча и «рясной» — очень широкой, в сборку, юбки.

Помимо местных батраков, земельные магнаты Херсонщины широко использовали труд пришлых крестьян, большей частью из Полтавской губернии. Последние привезли с собой домотканную одежду и характерные вышитые рушники, получившие широкое распространение у местного населения; женщины заказывали их полтавским пришельцам или же вышивали сами, заимствуя узор.

Об условиях труда и оплаты сельскохозяйственных рабочих Грушевского имения рассказывает принадлежавшая одному из них расчетная книжка. В ней имеются сведения о заработной плате, норме продовольственного пайка и т. д. Расчетная книжка свидетельствует о значительной концентрации сельскохозяйственного пролетариата в Грушевском имении: такие книжки выдавались лишь в помещичьих хозяйствах с большим числом батраков.

Рис. 4. Материалы Московской областной экспедиции

Экспедиция собрала ряд документов, показывающих деятельность склада сельскохозяйственных машин в б. Херсонском уезде. Документ о задолженности крестьян свидетельствует, что этот склад, содействуя развитию кулацких хозяйств, в то же время способствовал разорению крестьян-середняков.

Московская областная экспедиция (начальник А. В. Ушаков) ставила своей целью сбор материалов по теме «Развитие текстильной промышленности; формирование, положение и революционная борьба рабочих-текстильщиков Московской губернии в период империализма».

В Серпухове, Щелкове, Пушкине, Ивантеевке экспедиция собрала более тысячи предметов (тканей, изделий из металла, дерева, керамики, документов, фотографий и т. д.). Записано большое количество рассказов старых рабочих. Особенно интересны рассказы участников революционного движения.

Экспедиция получила много образцов тканей, вырабатывавшихся текстильными фабриками б. Московской губ. Они говорят о высоком мастерстве русских фабричных художников и мастеров по крашению, выражавшемся в особой прочности крашения, своеобразии и красоте рисунков, в богатстве и сочности красок. Семья бывшего управляющего красильным отделением фабрики Рабенец И. М. Слотинцева передала музею ряд ценных документов. Среди них — договор 1878 г. между помощником красильного мастера, крестьянином Владимирской губернии М. А. Слотинцевым и Рабенеком о том, что Слотинцев обязуется ввести на фабрике ализариновое крашение, не разглашая его секрета.

О замечательном искусстве мастеров-граверов на ситценабивных фабриках свидетельствует ситценабивный вал, выгравированный талантливым мастером фабрики Коншина в Серпухове. Экспедиция приобрела набор граверного инструмента, резную деревянную шкатулку, в которой граверы нескольких поколений хранили свой инструмент, и т. д.

Экспедиция привезла комплекты одежды, характерной для крестьян Тульской, Калужской, Смоленской, Рязанской и других губерний, а также разных уездов Московской губ. Ее носили недавние выходцы из деревни, поступавшие на подмосковные текстильные предприятия. Городские костюмы носили рабочие, проработавшие на фабрике уже более продолжительное время, и кадровые рабочие. Все эти материалы, а также книги найма, обнаруженные на б. фабрике Лыжина в Ивантеевке, паспорта рабочих, фотографии позволяют судить о формировании рабочего класса текстильной промышленности Московской губ. преимущественно из крестьян этой и смежных с ней губерний.

Многие вещи, документы и фотографии убедительно говорят о чрезвычайно тяжелом положении рабочих-текстильщиков. Большой интерес представляют расчетные книжки рабочих разных профессий, дающие подробные сведения о заработной плате рабочих, штрафах, продолжительности рабочего дня и т. д., документы о несчастных случаях и сборах больничных налогов, глиняная и деревянная (индивидуальная и

артельная) посуда и т. д. Экспедиция произвела фотосъемки, обмеры и сделала зарисовки сохранившихся старых жилищ рабочих.

Старые рабочие-революционеры передали музею материалы, рассказывающие о героической борьбе текстильщиков Московской губ. с самодержавием и капиталистами. На фабрике «Красный текстильщик» в Серпухове сохранились три объявления Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина, написанные в период Всероссийской политической стачки 1905 г. В них говорится об увольнении рабочих ввиду их отказа прекратить забастовку. Старейший рабочий-революционер Н. М. Смирнов, член КПСС с 1893 г., член Московского рабочего союза и один из основателей серпуховской партийной организации вручил членам экспедиции один из номеров «Правды» за 1913 г., листовки, а также дореволюционные фотографии — свою и жены, М. И. Комовой, участницы Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. У участника революционного движения в Серпухове К. Д. Игнатова получена подлинная фотография делегатов X Всероссийской конференции РКП(б) 1921 г. Они сфотографированы с В. И. Лениным в зале заседаний после окончания конференции. Член КПСС с 1904 г. П. М. Шабанов подарил музею фотографию членов первого фабричного комитета на Ивантеевской суконной фабрике, сделанную в марте 1917 г. Получена также фотография членов первого Комитета рабочего контроля на фабрике Рабенека в Щелкове.

В задачи Криворожской экспедиции (начальник Н. Д. Столова) входило изучение труда, быта и революционной борьбы рабочих железорудной промышленности юга России в 1900-х годах. Объектом обследования были избраны рудники, принадлежавшие наиболее крупным акционерным обществам: Шмаковский (Южно-Бельгийского акц. об-ва), Карноватский и «Дубовая балка» (Брянского акц. об-ва), С. Н. Колачевского (в аренде у Русско-Бельгийского металлургического об-ва) и др. Экспедицией собраны планы, альбом, чертежи, в которых содержатся интересные сведения об истории создания рудников, их техническом оснащении, количестве добываемой руды и т. д. Коллекция инструментов (бур, молотки, кайла, лопаты) дает наглядное представление о тяжелом ручном труде рудокопов. Интересны фотографии, изображающие производственные процессы: бурение шпуров в карьерах, перевозку руды тачками и т. д.

Серия материалов характеризует формирование криворожского пролетариата. Оно шло преимущественно за счет крестьян-украинцев из Киевской, Полтавской, Херсонской и Черниговской губерний. Став рабочими, крестьяне долго сохраняли свои старые местные обычаи и одежду: черниговцы работали в свитках, а полтавчане и киевляне — в «серяках» из домашнего сукна. Экспедиция привезла «серяк» и «свитковый пиджак» из домотканого сукна овечьей шерсти, принадлежавшие рабочему В. И. Биценку («серяк» предназначался для работы, а «свитковый пиджак» надевали только по праздникам).

Одесско-Николаевская экспедиция (начальник Г. Д. Алексеева) работала по теме «Развитие науки, культуры, промышленности и революционного движения на юге России» в начале XX века». Значительная группа собранных материалов характеризует историю Новороссийского университета в 1867—1914 гг. и отношение его профессуры к первой русской революции; ряд предметов позволяет судить о работе ученых юга России.

Участники экспедиции побывали также на крупнейших заводах — судостроительном (б. Новаль) в Николаеве, судоремонтном (б. Белинна-Фендрих) и сельскохозяйственных машин (б. Гена) в Одессе. На этих предприятиях собраны инструменты, фотографии, расчетные книжки и другие вещи, показывающие условия труда и быта рабочих в начале XX в. О каторжном труде портовых грузчиков говорят их инструменты: деревянная лопата для погрузки зерна, крюк для захвата кип хлопка или джута, «гачек» для передвижки рельсов, лом с лапкой для перекачивания железнодорожных вагонов, вилы для погрузки отсортированного угля, куртка и специальный пояс, который надевали во время работы.

У старых коммунистов Одессы и Николаева собраны материалы, рассказывающие о героической борьбе рабочего класса юга России с самодержавием и капиталистами. Особенно интересны фотографии участников восстания на броненосце «Потемкин» — И. Малышева и Н. Чебанова. Получена рубашка николаевского рабочего-революционера Н. Рубцова (по словам рабочих, в подобных рубашках, носивших название «наше дело», ходили многие революционеры) и кошелек, в котором руководитель николаевского пролетариата И. Чигрин хранил партийные документы.

В начале марта 1960 г. состоялась расширенная сессия Ученого совета Государственного исторического музея, посвященная обсуждению итогов работы экспедиций 1959 г. К ней была подготовлена выставка собранных материалов. В заседании приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР, Научно-исследовательского института музееведения, Исторического факультета Московского государственного университета, Государственного музея революции, Музея истории и реконструкции Москвы, Архангельского, Вологодского, Нижне-Тагильского краеведческих музеев и др. Как было отмечено на сессии, работа экспедиций 1959 г. дает возможность не только пополнить фонды музея и приступить к построению новой экспозиции, но и ввести в научный оборот ранее не известные материалы, способствующие более глубокому изучению истории отдельных районов страны.

А. В. Ушаков.

PERSONALIA

ПАМЯТИ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОПОВА

3 марта 1960 г. в Ленинграде скоропостижно скончался старший научный сотрудник Института этнографии Академии наук СССР, кандидат исторических наук Андрей Александрович Попов. В его лице ушел от нас крупный специалист по этнографии Сибири, в частности по этнографии якутов, долганов и нганасанов, опытный педагог и музейный работник.

А. А. Попов родился в 1902 г. в с. Угуляты бывшего Вилюйского округа Якутской области; среднее образование получил в Якутске.

Культуру якутов он начал изучать еще до поступления в Ленинградский университет, будучи школьным учителем в с. Батулинцы в б. Вилюйском округе Якутской АССР (1922—1925). В эти годы он собирал материалы по фольклору, верованиям и шаманству якутов, делал зарисовки построек. Свободное владение якутским языком позволило ему обходиться в этнографической работе без помощи переводчиков, вести свои записи по-якутски, глубоко изучить мировоззрение якутов и особенности их устного народного творчества.

Уже в эти первые годы своей научной деятельности Андрей Александрович проявил себя как вдумчивый и серьезный этнограф, неутомимый собиратель и превосходный знаток якутского языка и культуры.

Годы пребывания в Ленинградском университете (1925—1929) значительно расширили и углубили научные интересы Андрея Александровича. В эти годы он работал на договорных началах в Отделе Сибири Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР под руководством Л. Я. Штернберга, а затем В. Г. Богораза, и состоял одновременно научным сотрудником Комиссии по изучению Якутской АССР при Академии наук.

С мая 1930 г. по август 1931 г. Андрей Александрович находился на полуострове Таймыр, где по заданиям Комиссии по изучению естественно-производительных сил и Музея антропологии и этнографии Академии наук изучал культуру и быт долганов и нганасанов. В 1931 г. он был принят в штат Института этнографии Академии наук СССР и состоял научным сотрудником его до последних дней жизни.

В 1936 г. Андрей Александрович преподавал якутский язык аспирантам Института народов Севера, а с осени 1940 г. был зачислен доцентом Ленинградского государственного университета по кафедре этнографии.

В 1936—1938 гг. в составе Тавгийской этнографической экспедиции Андрей Александрович вторично посетил Таймыр.

Собранные в течение ряда лет материалы были широко использованы им при написании работ, посвященных этнографии якутов, долганов и нганасанов. Основное внимание А. А. Попов уделял материальной культуре и религиозным верованиям изучаемых народов. Отличительной чертой его работы было стремление описывать виденное с максимальной точностью, со всеми подробностями, с приведенным местными терминовою. Андрей Александрович старался не упустить ничего, даже такого, что могло, на первый взгляд, показаться незначительным и лишним. Он не спешил с научными обобщениями, считал для себя преждевременным выдвигать какие-либо теории, делать далеко идущие выводы. Лишь в последние годы своей жизни, разрабатывая темы Сибирского этнографического атласа и одновременно готовя материал для большой монографии «Религиозные представления долганов», Андрей Александрович подошел к решению ряда теоретических вопросов, имеющих важное значение для этнографии, в частности для проблемы этногенеза и культурных связей народов Сибири. К работам такого рода, кроме упомянутой монографии, относятся две его большие статьи: «Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия» (1954) и «Жилище у народов Сибири» (печатается в Сибирском этнографическом атласе). К той же серии принадлежит законченная, но еще не опубликованная работа «Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия», хранящаяся в архиве Института этнографии. Читатель найдет в этих трудах весьма обильный, всегда тщательно подобранный и проверенный этнографический материал, его классификацию, типологию и ценные историко-этнографические выводы.

Двенадцать опубликованных Андреем Александровичем в разное время статей о долганах освещают хозяйственную деятельность, общественный строй и формы идео-

логии этого крайне интересного в этнографическом отношении народа. В целом эти статьи представляют собой почти законченную монографическую работу о культуре долганов и являются крупным вкладом в сибиреведческую этнографическую науку. Следует отметить, что в старой этнографической литературе сведения по этнографии долганов носили отрывочный характер.

Исключительный интерес имеют работы А. А. Гопова, посвященные нганасанам, в том числе первая часть монографии под названием: «Нганасаны. Материальная культура» (1948). Вторая часть ее (около 15 авт. листов), включающая сведения об

общественных отношениях, верованиях и изобразительном искусстве этого народа, подготовлена к печати, но пока не опубликована.

Кроме указанных, А. А. Попов опубликовал ряд статей по другим народам Сибири — енисейским ненцам, кетам, затундренским крестьянам. В 1936 г. вышла в свет его работа «Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов».

Большой интерес проявлял А. А. Попов и к изучению фольклора народов Севера, видя в нем ценнейший историко-этнографический источник. Он неустанно призывал собирать, исследовать и публиковать фольклор народов Севера, изучать их языки. Тщательно собирая произведения устного народного творчества якутов, долганов, нганасанов и энцев, он широко пользовался ими в своих этнографических исследованиях. Деля переводы, Андрей Александрович всегда стремился сохранить специфику языка фольклорных произведений, их своеобразие и полноту художественных образов. Важное научное значение таких переводов отмечено В. Я. Проппом в рецензии на одну из последних работ Андрея Александровича о якутском олонхо «Кулун Куллустуур». По переводу А. А. Попова, пишет В. Я. Пропп, исследователь сможет изучить не только сюжетную основу этого образа классической эпической песни якутов, но и стиль и поэтику

якутского эпоса. Е. Убрятова отметила высокое качество этой работы Андрея Александровича: точность перевода и тончайшую передачу своеобразия образов древних скотоводов и охотников, какими были создатели олонхо. Той же тщательностью отличаются и переводы долганских и якутских сказок, опубликованные А. А. Поповым.

Многочисленные труды Андрея Александровича имеют важное значение и для археологии. Будучи знатоком материальной культуры народов Сибири, он обобщил ценнейшие сведения, позволяющие оживить многие ныне немые археологические памятники, реконструировать не только формы материальной культуры многотысячелетней давности, но и реальные формы производственной деятельности первобытного человека. Столь же ценны для археологов материалы по духовной культуре народов Сибири, собранные А. А. Поповым. Его анализ дорелигиозных и религиозных представлений дает в руки исследователя первобытного общества ключ к разгадке многих, недостаточно ясных ранее моментов в мировоззрении древних людей.

Личный архив Андрея Александровича содержит много зарисовок и акварелей, сделанных им во время неоднократных экспедиций. Собранные им этнографические коллекции — крупный и ценный вклад в собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.

А. А. Попов был преданным и опытным музейным работником. Еще в студенческие годы он провел в Отделе Сибири МАЭ большую работу по определению этнографической принадлежности и регистрации старых музейных поступлений. Наряду с этим он принимал участие во всех экспозициях Отдела и был постоянным членом Музейного совета.

Андрей Александрович был не только видным ученым-сибиреведом, но также чутким и требовательным воспитателем молодого поколения этнографов. На Этнографическом отделении Ленинградского университета он вел курсы по истории первобытного хозяйства и техники, по методике полезной работы. Критически анализируя взгляды буржуазных ученых, применяя марксистско-ленинскую методологию, Андрей Александрович в увлекательной форме излагал студентам важнейшие проблемы, связан-

ные с развитием материальной культуры народов, стоявших на ранних ступенях общественного развития (классификация форм хозяйства, проблемы происхождения орудий труда, одежды и т. п.). Щедро делясь своими знаниями и богатым опытом, Андрей Александрович внимательно относился к интересам каждого студента. Его бывшие слушатели, работающие ныне в различных учреждениях Ленинграда и далеко за его пределами, нередко обращались к нему за советами и всегда встречали с его стороны ценную помощь.

Светлая память об Андрее Александровиче Попове — крупном ученом и педагоге, отзывчивом и чутком человеке навсегда останется в сердцах его товарищей по работе, друзей и учеников.

Группа товарищей

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. А. ПОПОВА

Печатные труды

- Материалы по шаманству. Культ богини Ансыт у якутов. «Культура и письменность Востока», кн. 3, Баку, 1928.
- Поездка к долганам. «Сов. этнография», 1931, № 3—4, стр. 210—212.
- Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов. Л., 1932, 117 + XV стр.
- Consecration ritual for a Blacksmith Novice among the Yakuts. «The Journal of American Folklore» т. 46, № 181, 1933, стр. 257—271.
- Затундренские крестьяне (Русские на Пясинс. Путевые заметки). «Сов. этнография», 1934, № 3, стр. 77—86.
- Материалы по родовому строю долган. «Сов. этнография», 1934, № 6, стр. 116—139.
- Слениводство у долган. «Сов. этнография», 1935, № 4—5, стр. 184—205.
- Тавгийцы. Материалы по этнографии авамских и вадеевских Тавгийцев. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. I, в. 5, М.—Л., 1936, 112 стр.
- Якутский фольклор (Тексты и переводы А. А. Гопова. Лит. обработка Е. М. Тагер. Общ. ред. М. А. Сергеева). Л., 1936, 320 стр.
- И. И. Майнов (некролог). «Изв. Географического об-ва», т. 68, вып. 6, 1936, стр. 960—961.
- О жизни и устно-народном творчестве долган. В кн.: «Долганский фольклор», М.—Л., 1937, стр. 7—23.
- Долганский фольклор. Вступительная статья, тексты и переводы А. А. Попова (Литературная обработка Е. М. Тагер. Общая ред. М. А. Сергеева). М.—Л., 1937, 256 стр.
- Охота и рыболовство у долган. В кн.: «Памяти В. Г. Богораза (1865—1936)», М.—Л., 1937, стр. 147—206.
- Техника у долган. «Сов. этнография», 1937, № 1, стр. 91—136.
- Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии наук СССР. «Сов. этнография», Сборник статей, т. III, М.—Л., 1940, стр. 247—249.
- Енисейские ненцы (юраки). «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. XXVI (76), вып. 2—3, 1944, стр. 76—95.
- Нганасаны. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1, М., 1946, стр. 37—40 (Автореферат монографии).
- Семейная жизнь у долган. «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 50—74.
- Получение «шаманского дара» у вилейских якутов. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 282—293.
- Нганасаны. Вып. I. Материальная культура. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. III, М.—Л., 1948, 116 стр.
- Старинная якутская берестяная юрта. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. X, 1949, стр. 98—106.
- Материалы по истории религии якутов бывшего Вилейского округа. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI, 1949, стр. 255—323.
- Якутские записи А. Ф. Миддендорфа. «Тюркологический сборник», вып. I, М.—Л., 1951, стр. 155—163.
- Переводы нганасанских, долганских и якутских сказок. В сб. «Сказки народов Севера», М.—Л., 1951, стр. 109—126; 265—279; 607—627.
- Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (По материалам 1930—1931 гг.). «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVIII, 1952, стр. 142—172.
- Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI, 1954, стр. 41—146.
- Долганы. В кн.: «Народы Сибири», под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л., 1956, стр. 742—759.
- Кеты. Там же, стр. 687—700.
- Нганасаны. Там же, стр. 648—660.

- Научный труд о народах Севера (Рец. на книгу М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера»). Журн. «Дальний Восток», 1956, № 6.
- Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVIII, М.—Л., 1958, стр. 5—121.
- О жизни и деятельности Э. К. Пекарского. В кн.: «Эдуард Карлович Пекарский (К столетию со дня рождения)», Якутск, 1958, стр. 3—9.
- Пережитки древних дореligиозных воззрений долганов на природу (Из работы «Религиозные представления долганов»). «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 77—99.
- Die «Kuojka» Familien und Sippen Schutzgeister bei den Nganasanen. В кн.: «Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biro Sacra», Budapest, 1959, стр. 23—37.
- Долганские и нганасанские сказки. Запись и перевод А. А. Попова. В сб.: «Сказки народов Севера», М.—Л., 1959, стр. 131—132; 136—140; 251—252.
- Жилище. В кн.: «Историко-этнографический атлас Сибири», 5,5 авт. л. + 63 табл. (в печати).
- Исторические предания и рассказы якутов, ч. 1 и 2. (Под ред. А. А. Гопова), М.—Л., 1960.

Рукописи, подготовленные к печати
(хранятся в архиве Ин-та этнографии АН СССР)

- Нганасаны. Вып. 2. Социальный строй, религия и изобразительное искусство (около 15 авт. л.).
- Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия (13,5 авт. л. текста + более 600 рисунков на XVIII таблицах).
- Религиозные представления долганов (Монография, свыше 30 авт. л.).
- Изобразительное искусство нганасанов (около 2 авт. л.).
- Строптивый Кулун Куллуштуур. Якутское олонхо. Запись Э. К. Пекарского. Перевод, вступительная статья и комментарий А. А. Попова (свыше 27 авт. л. Рукопись находится в Ин-те мировой литературы АН СССР).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. *Ленские писаницы (Наскальные рисунки у деревни Шишкино)*. М.—Л., 1959, 199 стр.

Недавно вышел в свет труд А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской, посвященный публикации и исследованию одного из самых выдающихся по своему значению памятников археологии Сибири — наскальным изображениям у дер. Шишкино на Лене¹.

Рецензируемая книга, привлекавшая внимание широкого круга специалистов — археологов, этнографов, историков-сибиреведов, состоит из небольшого предисловия и трех основных разделов, посвященных истории изучения шишкинских наскальных изображений, описанию и публикации наскальных рисунков по объектам, интерпретации и датировке памятников. В приложении публикуются графические таблицы, выполненные В. Д. Запорожской, одним из соавторов книги и участницей многих экспедиций, проводившихся под руководством А. П. Окладникова.

Богатейшие комплексы, зафиксированные на шишкинских скалах, распадаются, согласно классификации А. П. Окладникова, на следующие основные группы: палеолитические рисунки (древнейшая группа); изображения времени неолита; петроглифы бронзового и раннего железного века; курыканские писаницы; и наконец, позднейшие писаницы, представляющие этнографическую современность.

Говоря о публикации объектов, следует заметить, что авторы поступили совершенно правильно, дав таблицы замечательных шишкинских изображений в последовательном порядке, не сводя их в определенные рамки каких-либо хронологических схем. Учитывая, что общие принципы датировки и классификация изображений, предлагаемые авторами, изложены в соответствующих разделах книги, такой принцип публикации памятников позволит любому специалисту, который будет пользоваться книгой, подойти к интерпретации рисунков со своих собственных позиций. Это даст возможность объективно сравнивать с шишкинскими материалами и те новые данные, которые неизбежно будут накапливаться при дальнейшем исследовании петроглифов Сибири и Центральной Азии.

Вопрос о датировке — наиболее сложный в исследовании любых наскальных рисунков. В рецензируемой книге применен правильный метод датировки, наскальных изображений по их стилю и смыслу путем сравнения с надежно датированными вещевыми сериями. Этот метод, одним из пионеров которого является А. П. Окладников², все чаще находит применение в современных исследованиях, посвященных петроглифам.

Особенно трудны для датировки, вне всякого сомнения, рисунки, относимые А. П. Окладниковым к палеолитическому времени. Пока при датировке этих рисунков возможны аналогии лишь с соответствующими ориньякскими памятниками (например Ла-Ферраси во Франции). Однако эти аналогии, хотя и проливающие свет на общие вопросы смыслового значения и обнаруживающие действительно поразительное сходство

¹ Небезынтересно отметить, что результаты публикации шишкинских писаниц вызвали оживленные отклики и в зарубежной прессе. Выдающееся значение исследования ленских писаниц отметил, например, известный шведский археолог К. А. Мoberг, опубликовавший рецензию на книгу А. П. Окладникова «Шишкинские писаницы (Памятник древней культуры Прибайкалья)», вышедшую в 1959 г. в Иркутске (см.: Carl-Axel Moberg, Hållbilderna vid Sjisjkino, «Côteborgs handels-och sjöfarts-tidning», 12 декабря 1959 г.).

² См.: А. П. Окладников, О датировке Забайкальских писаниц (в связи с работами Бурят-Монгольской археологической экспедиции), «Зап. Бурят-Монгольского научно-исслед. института культуры», вып. XVI, Улан-Удэ, 1952, стр. 57—62.

с шишкинскими памятниками, в то же время являются для датировки аргументами косвенного порядка. Поэтому важнейшее значение приобретает палеозоологическое определение животных, изображенных среди древнейших шишкинских комплексов. Особенно важна в этом отношении фигура быка-бизона. Как определил известный советский специалист по мамонтовой фауне В. Е. Гарутт, среди древнейших шишкинских рисунков изображен именно бизон, а не какое-либо другое животное (рис. 32, табл. XX, стр. 531). Таким образом, шишкинская фигура быка-бизона изображает представителя древней фауны Сибири, вымершего около 10 тыс. лет назад, т. е. именно в эпоху палеолита³. В то же время публикуемые А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской изображения лошадей стилистически сходны с фигурой быка-бизона. Последнее обстоятельство в сочетании с несомненно палеолитическим возрастом бизона полностью подтверждает правомерность предлагаемой А. П. Окладниковым датировки этих памятников палеолитическим временем.

Выделяемая А. П. Окладниковым неолитическая группа наскальных рисунков дает ряд крайне интересных в смысловом отношении объектов — фигуры животных (олени, лоси) и весьма сложные по своей семантике изображения антропоморфных существ. Очень важным представляется зафиксированное исследователями перекрывание неолитическими памятниками палеолитических объектов. Это весьма любопытный штрих, характеризующий «вживание» более молодых сюжетов в более древние.

Одну из самых интересных групп шишкинских писаниц, несомненно, представляют рисунки, оставленные курыканами (гулиганами китайских династийных хроник) — одним из наиболее многочисленных в древнетюркское время (VII—X вв. н. э.) племенных объединений, обитавших в Прибайкалье. Главный сюжет курыканских писаниц — изображение коней, всегда составлявших основное богатство курыканской знати. Помимо чисто художественной ценности — конные сцены поражают своей силой и экспрессией, — эти памятники представляют важный источник, иллюстрирующий культурные связи курыканов. В этом отношении особенно показательны изображения грив в виде зубцов — мотив, возникший в Центральной Азии, как предполагает О. Мэнчен-Хельфен, еще во второй половине I тысячелетия до н. э.⁴ и получивший впоследствии чрезвычайно широкое распространение от Китая до берегов Босфора.

Как документально свидетельствуют приводимые в книге данные китайских хроник, гоны курыканов, столь живо изображенные на шишкинских писаницах, поставались даже китайскому двору, и не случайно китайский государственный деятель, полководец и дипломат — император Танской династии Тайцзун посвятил курыканским скакунам особую поэму.

Но связи курыкан вели, как об этом свидетельствуют шишкинские памятники, не только на юго-восток, в далекий Китай, но и к более близким соседям — енисейским кыргызам-хягасам. Концепция А. П. Окладникова о близости курыканских и хягасских наскальных изображений, в сочетании со свидетельствами памятников собственно Центральной Азии, дает основания для весьма важных заключений по истории древних историко-культурных связей.

Дело в том, что курыканские наскальные изображения и стилистически примыкающие к ним памятники среднего Енисея явно образуют особую культурную зону наскального искусства древнетюркской эпохи. В то же время в свете новейших исследований в Туве и Средней Азии можно утверждать, что на территориях, занятых некогда племенными объединениями, входившими в состав каганатов орхонских тюрков, бытовали совершенно иные виды наскальных изображений. Реализм изображений, найденных на территориях курыкан и енисейских кыргызов-хягасов, петроглифам орхоно-алтайских тюрков не свойствен. К югу от Саян — в Туве, Монголии, а также на Южном Алтае, в Казахстане, Киргизии, в Фергане и Восточном Туркестане древнетюркские наскальные изображения представлены многочисленными, но в то же время весьма монотонными тамгообразными символами, часто «вписанными» в более ранние комплексы скифского и гунно-сарматского времени. Из сказанного видно, что изучение курыканских комплексов шишкинских скал дает возможность констатировать известную оторванность курыканской и хягасской групп от древнетюркских групп Центральной Азии, а это, в свою очередь, дает почву для важных выводов исторического порядка.

Интересен вопрос о сравнительно немногочисленных среди огромной массы шишкинских писаниц изображениях верблюда, публикуемых в книге А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской и датироваемых курыканским временем. По мнению авторов, эти изображения следует связывать со скотоводством. Нам кажется возможным предложить еще одно объяснение этих рисунков. Дело в том, что на изображенных верблюдах нет выюков или седловки. Между тем разработка вопроса об изображениях верблюда, обнаруженных среди многих памятников Казахстана, Средней Азии, Монголии и Тувы,

³ Как любезно сообщил мне В. Е. Гарутт, анализы методом С-14, проведенные недавно американскими учеными, показывают, что в Сибири вымирание фауны, сопутствующей мамонту, произошло еще в палеолите, т. е. раньше, чем это считалось до сих пор.

⁴ Otto Maenschen-Helfen, Crenelated Mane and scabbard Slide, «Central Asiatic Journal», т. VIII, № 2, 1957, стр. 95—100.

позволила установить, что в большинстве случаев изображены дикие, а не домашние верблюды. Более того, в Центральной Азии пока известна лишь одна сцена (датируемая чонгольским временем), безусловно показывающая домашних верблюдов (Тува, пункт Теве-Хая)⁵. Итак, какие же верблюды — домашние или дикие изображены на шишкинских писаницах? На этот вопрос помогут ответить будущие исследования петроглифов бассейна Лены.

Необходимо отметить широкое привлечение в книге этнографического материала, в ряде случаев дающего ключ к разгадке значения тех или иных сюжетов. «Историко-этнографичность» характерна и для собственно археологических разделов книги — это весьма положительно сказывается при реконструкции вопросов быта, материальной и духовной культуры древних насельников Прибайкалья, оставивших шишкинские памятники. Книга А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской — еще одно доказательство того, насколько неправилен выдвигающийся иногда тезис о «непознаваемости» идейно-смыслового содержания наскальных изображений. Методы комплексного исследования — сочетание данных археологического изучения памятников наскального искусства с данными этнографии — дает возможность разгадать многие сложные в смысловом отношении сюжеты и превратить наскальные изображения в чрезвычайно ценный исторический источник, как это и сделано с шишкинскими материалами.

Историческая ценность шишкинских памятников наскального искусства определяет и их широким диапазоном: рисунки отражают не только историю древних обитателей бассейна Лены, но и историю позднейших обитателей этого края — населения, вошедшего в состав двух современных крупных народов Сибири: якутов и бурятов.

В рамках нашей рецензии мы, разумеется, не смогли охватить все вопросы, поднимаемые в книге А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской, — круг этих вопросов весьма многообразен, и мы считали своей задачей остановиться лишь на основных. Несомненно, некоторые вопросы изложены в книге остро, в дискуссионном плане, но спорность ряда предложенных интерпретаций заставит искать новые пути в решении сложных проблем изучения наскального искусства.

Публикация ленских писаниц еще раз побуждает поставить вопрос о создании новых сводных трудов, посвященных исследованию петроглифов СССР, и организации интенсивных поисков этих ценных исторических памятников. Будущее в исследовании петроглифов — это прежде всего сочетание археологических данных с материалами исторической этнографии. Только такой подход дает ключ к решению важных исторических проблем, связанных с изучением различных форм наскального искусства.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга выпущена Ленинградским отделением Издательства Академии наук СССР на высоком полиграфическом уровне исполнения, ее характеризует большая культура издания.

А. Грач

⁵ Еще одна сцена, показывающая домашних верблюдов, была обнаружена на территории Южной Сибири (Сулейская писаница в Хакасии). Эти изображения датируются надписями VII—VIII вв. н. э., обнаруженными на той же скале. См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1951, стр. 628—630, табл. LX.

Матеріали з антропології України, вып. I. Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії, Київ, 1960, 102 стр., 20. табл.

Антропологическое изучение украинцев на протяжении длительного времени оставалось на уровне дореволюционной науки. При попытке использовать антропологические материалы по украинцам для сопоставления с другими народами приходилось прибегать к данным Ф. К. Волкова и его учеников. Не только тенденциозное освещение этих данных в работах «волковской» школы, но и сама их немногочисленность и выборочность делали их малопригодными для целей этногенетического исследования, что было отмечено еще Д. Н. Анучиным. Таким образом, второй по численности народ Советского Союза в антропологическом отношении оставался практически не изученным в соответствии с требованиями современной антропологической техники.

Рецензируемый сборник в значительной мере восполняет этот пробел. При этом содержание его шире, чем содержание предшествующих работ по антропологии Украины¹. Помимо результатов антропологического исследования украинского народа в нем представлены статьи общего характера о задачах изучения палеоантропологии Украины и антропологии ее современного населения и специальные публикации, основанные на разработке палеоантропологического материала разных эпох. Полезным дополнением к антропологическим статьям является краткое археологическое описание могильников, раскопанных на территории Украины после Великой Отечественной войны.

¹ См., например, Ф. К. Волков, Антропологические особенности украинского народа, Сб. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916.

Сборник открывается статьей И. Г. Пидопличко — единственной, не имеющей непосредственного отношения к проблемам украинской антропологии. Она посвящена рассмотрению географических условий, в которых возникло первобытное человечество и при которых происходило его расселение по всей эйкумене. К сожалению, автор игнорирует обширную литературу вопроса, поэтому его выводы носят в известной мере декларативный характер. По его мнению, тропические леса являлись той зоной, в которой эволюция приматов протекала в направлении выработки ряда черт специализации и где не мог осуществиться переход к прямохождению. В общей форме этот тезис, по-видимому, правилен. Однако, опираясь на него нельзя не учитывать, например, того обстоятельства, что истинный обитатель тропического леса — гиббон, характеризующийся крайней специализацией среди всех ныне живущих человекообразных обезьян, в наибольшей степени в сравнении с ними способен к передвижению на задних конечностях. Очевидно, вопрос в достаточной мере сложен, и его прямолинейное решение вряд ли можно считать плодотворным.

Темпы расселения людей по земному шару И. Г. Пидопличко связывает с толщиной снегового покрова. Нельзя не признать такой подход к этому вопросу чрезвычайно интересным и заслуживающим большого внимания. Однако в конкретной аргументации автор, с нашей точки зрения, опять становится на путь прямолинейного и одностороннего подбора фактов. Приложенная к его статье карта показывает толщину снегового покрова в различных областях земного шара. И. Г. Пидопличко утверждает, что древнейшие люди, или архантропы, нигде не выходили за пределы ареала, внутри которого толщина снегового покрова превышала бы 10 см. По отношению к палеоантропам в качестве верхней границы толщины снегового покрова он называет 20 см. Однако, не говоря уже о том, что выделение человека из животного мира, по-видимому, произошло на территории, свободной от снега круглый год, вряд ли возможно относить современные границы снеговых зон к началу четвертичного периода. Несомненно, в ледниковые эпохи границы этих зон смещались в северном полушарии к югу. Правда, И. Г. Пидопличко является страстным противником теории существования четвертичных оледенений. Однако его точка зрения неоднократно подвергалась обстоятельной критике и стоит особняком. Но даже не принимая во внимание оледенения в качестве причины смещения границ снеговых зон в четвертичное время, правомерно предполагать, что они не оставались постоянными. Поэтому более оправданно воссоздавать ареалы, занимавшиеся древнейшими людьми, на основании археологических данных, как это и делается в большинстве специальных работ, а не на основании современных ландшафтно-зональных карт без их палеогеографической интерполяции, как это делает автор рецензируемой статьи. Ведь сама зависимость темпов расселения древнейшего человечества по земному шару от толщины снегового покрова в разных областях является интересным предположением, но не твердо доказанным фактом.

Отдельные утверждения И. Г. Пидопличко не могут не вызвать недоумения. Он пишет, что заселение людьми тропических областей началось довольно поздно — в середине верхнего палеолита. Как относится тогда И. Г. Пидопличко к многочисленным находкам нижнепалеолитического времени в Африке и Индии?

Статья В. В. Бунака посвящена задачам антропологического изучения украинского народа. Публикация ее, конечно, запоздала, так как основной материал по антропологии современного населения Украины в настоящее время уже собран и большая его часть публикуется в следующей за статьей В. В. Бунака работе В. Д. Дяченко. Тем не менее статья В. В. Бунака представляет известный интерес, как выражение взглядов руководителя крупнейшего по объему антропологического обследования русского народа на проблемы антропологического изучения украинцев.

Рассмотрение антропологического состава современного населения, являющееся предметом статьи В. Д. Дяченко, базируется на исследовании более чем 40 групп, равномерно охватывающих территорию Украины и смежные области. Большим достоинством материалов В. Д. Дяченко можно считать то обстоятельство, что в них представлены не только все основные территориальные группы украинского народа, но и родственные народы — русские, белорусы, молдаване; это дает возможность плодотворно использовать приводимые данные в целях изучения вопросов этногенеза. Все материалы сведены в приложенные к статье таблицы и карты. Их просмотр показывает, что пигментация, длина тела, диаметры головы и лица обнаруживают вполне закономерное распределение на исследованной территории и могут послужить надежной основой для выделения типов. Автор выделяет четыре типа — центральноукраинский, днепровский, полесский и карпатский, ареал которых виден из данных им названий. Два из них — центральноукраинский и днепровский — убедительно сближаются В. Д. Дяченко с типами, выделенными в составе русского народа; центральноукраинский — с валдайским, днепровский — с типом «восточного великоруса». Однако автор не закрывает глаза на существующие между ними различия и справедливо полагает, что речь в данном случае может идти не о тождестве, а лишь о принадлежности к обширным группам антропологических вариантов, имеющих общее происхождение. Таким образом, основной вывод исследования состоит в том, что в состав русского и украинского народов вошли родственные типы и что украинцы ничуть не в большей мере «славяне», чем русские и белорусы, как это в свое время утверждали Ф. К. Волков и его ученики. Удельный вес темноглазых и брахицефальных типов среди украинцев,

конечно, выше, чем среди белорусов и русских, но эти типы ни в коей мере нельзя считать характерными для средневекового славянского населения. Значение работы В. Д. Дяченко состоит, следовательно, не только в публикации нового материала, но и в острой постановке не потерявших своей политической актуальности вопросов происхождения и родства восточнославянских народов.

Остальные статьи посвящены палеоантропологии и связанным с ней проблемам. Первая из них, принадлежащая перу Г. Ф. Дебеца, подводит краткий итог палеоантропологическим исследованиям на Украине. Она основана на материалах специальных исследований самого Г. Ф. Дебеца, И. И. Гохмана и Т. С. Кондукторовой. В статье отсутствует развернутая аргументация выводов, но это и понятно, ввиду ее небольших размеров. Автор справедливо полагает, что в период от верхнего палеолита до эпохи бронзы история антропологических типов Украины может быть уложена в рамки взаимодействия двух типов европеоидной большой расы — широколицего, сопоставляемого им с типом черепов из верхнепалеолитических погребений Западной Европы, и узколицего, который, по его мнению, сложился где-то в районах южного Средиземноморья и Передней Азии. В неолитическом населении возможно наличие небольшой монголоидной примеси. В эпоху позднего железа монголоидная примесь чувствуется очень отчетливо, а узколицый европеоидный тип становится преобладающим, что, по мнению Г. Ф. Дебеца, связано не столько с увеличением доли южных компонентов, сколько с морфологической перестройкой широколицего типа. По существу идеи автора повторяют концепцию, изложенную в соответствующих разделах его сводного труда по палеоантропологии СССР, однако дополненную и обогащенную новыми материалами.

Статья Д. Я. Телегина и М. Ю. Брайчевского дает краткий, но очень полезный обзор археологических материалов, добытых в могильниках разных эпох, раскопанных за последние десять лет на территории Украины. Вполне оправданным выглядит тот факт, что авторы уделяют наибольшее внимание могильникам, давшим палеоантропологический материал. К сожалению, четкое и ясное описание археологических материалов не сопровождается изложением тех исторических проблем, которые встают при их изучении. При рассмотрении вопросов взаимодействия различных культур Д. Я. Телегин и М. Ю. Брайчевский ограничиваются изложением результатов палеоантропологических исследований. В антропологическом издании интересно было бы в первую очередь видеть изложение итогов собственно археологического исследования с тем, чтобы иметь возможность сопоставлять их с данными антропологического анализа.

В статье Т. С. Кондукторовой описывается большая серия черепов из поздненеолитических могильников у села Вовниги — первых из неолитических могильников на территории Украины, давших обширный палеоантропологический материал. Черепа характеризуются рядом признаков, сближающих их с верхнепалеолитической серией Западной Европы, что показано автором не только путем сопоставления типологических особенностей обеих серий, но и статистически. При вычлениии средних по верхнепалеолитической серии Т. С. Кондукторова исключила из нее морфологически своеобразные черепа из гротов Гримальди и Шанселяд и череп Лауч I ввиду его молодого возраста. Таким образом, представленные в ее работе средние по серии верхнего палеолита Западной Европы удовлетворяют требованиям гораздо более строгого отбора материала, чем данные Дж. Моранта, которыми все исследователи пользовались до сих пор.

Вслед за Г. Ф. Дебецом, Т. С. Кондукторова называет основной тип исследованной серии «кроманьонским» и считает, что морфологические варианты, характерные для населения данной территории в эпоху бронзы, являлись результатом эпохальной перестройки этого типа. Допуская интенсивную изменчивость типа во времени, что само по себе весьма вероятно, нельзя не учитывать, что разница в абсолютных размерах черепной коробки и, особенно, лицевого скелета довольно значительна. В ширине лица, например, она достигает 6—10 мм. Этот факт говорит о том, что узколицый европеоидный тип, преобладавший на территории Украины в эпоху мезолита, сыграл, по-видимому, не меньшую роль, чем «кроманьонский», в образовании антропологических особенностей населения более позднего времени.

Статья Г. П. Зиневич посвящена краткому описанию палеоантропологического материала из Каирского могильника, расположенного в Херсонской области и датируемого XI—XIII вв. н. э. Малое количество черепов и отсутствие хронологически одновременных сравнительных материалов из южных районов Украины мешают определить этническую принадлежность населения, оставившего могильник. Однако автор, основываясь на антропологических сопоставлениях, совершенно справедливо указывает на то, что оно не могло быть славянским. Отличаются черепа из Каирского могильника и от верхнесалтской серии, главным образом по величине черепного указателя. Однако этот признак имеет существенное значение для дифференциации различных типов европеоидной расы в эпоху средневековья. По нему, а также по ряду других признаков каирская серия сближается с европеоидными черепами из Зливкинского могильника и ранних погребений Саркела. Отмеченная Г. П. Зиневич неоднородность серии по черепному указателю не подтверждена статистически и поэтому не может считаться бесспорной. Нельзя также не обратить внимания на отсутствие в таблицах индивидуальных измерений данных по всем размерам, приведенным в таблице средних величин, и, в частности, по таким важным, как углы горизонтальной профилировки лица и высота переносы.

В целом рецензируемый сборник является ценным вкладом в антропологическую литературу; публикуемые материалы представляют большой интерес не только для специалистов-антропологов, но и для представителей смежных наук. Высокое качество иллюстраций выгодно отличает этот сборник от антропологических изданий, публикуемых другими нашими издательствами, не исключая и издательство АН СССР. Жаль только, что он выпущен неоправданно малым тиражом (500 экземпляров) и поэтому уже сейчас стал библиографической редкостью.

В. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Andrej Melicherčik. *Slovenský folklór. Chrestomatia*. Bratislava, 1959, 790 стр.

В 1959 г. издательство Словацкой академии наук выпустило в свет хрестоматию по словацкому фольклору д-ра А. Мелихерчика, автора многочисленных и интересных работ по вопросам словацкой народной словесности и межславянских фольклорных связей.

Это — солидное научное издание, имеющее целью познакомить широкий круг читателей с историей развития и образцами основных жанров словацкого фольклора. Хрестоматия является ценным пособием для научных работников и педагогов, преподающих историю словацкой литературы и народной словесности. Необходимость в антологии словацкого фольклора уже давно назрела. В Словакии публикуется довольно много фольклорных материалов, но систематизированного, снабженного научными комментариями сборника, представляющего все фольклорные жанры, до сих пор, к сожалению, не было. Хрестоматия, составленная А. Мелихерчиком под редакцией д-ра Божены Филовой, — своевременная и ценная книга, в которой широко представлено жанровое и идейно-художественное богатство словацкого народно-поэтического творчества.

При составлении хрестоматии автор исходил из марксистско-ленинского понимания и определения народной словесности. Книга открывается кратким предисловием, в котором объясняется актуальность и важность издания антологии словацкого фольклора. Собрание и исследование его имеет богатую традицию, связанную с именами выдающихся словацких ученых-просветителей первой половины XIX в. П. Шафарика и Я. Коллара, их последователей С. Реусса, Л. Штура, П. Добшинского и других. Обширная собирательская работа вызвала необходимость всестороннего изучения народной словесности, успешно начатого Л. Штуром и П. Добшинским. Однако собирательская деятельность в словацкой фольклористике преобладала, теоретическая же сторона изучения словацкой народной поэзии оставалась несколько в тени. А. Мелихерчик не только собрал богатый хрестоматийный материал, но и сопроводил его интересными научными комментариями.

Словацкому фольклору и фольклористике посвящена большая вступительная статья, в которой А. Мелихерчик характеризует основные черты словацкого народно-поэтического творчества.

В разделе «Исторические пути развития словацкого фольклора» автор кратко знакомит с развитием отдельных жанров и их исследованием словацкими учеными. Вторая половина XV в. прошла под знаком кризиса феодализма. Центральный образ словацкого фольклора этого времени — король Матей Корвин, ставший во главе централизованного государства. В словацком фольклоре — это образ справедливого государя, выступающего против феодалов и внешних врагов — турок. Тема борьбы с турецкими поработителями отображена главным образом в исторических легендах, народной эпике и народной балладе XVI—XVIII вв. Эти века были временем идейно-художественного созревания поэтического творчества словацкого крестьянства, усиления его социальной тематики, которая наиболее ярко выразилась в рекрутских, солдатских и особенно в разбойничьих песнях.

Характеризуя фольклор XIX в., А. Мелихерчик отмечает появление новых жанров, связанных с развитием капиталистических отношений в Словакии, — рабочих песен, и тесную связь в этот период народно-поэтического творчества с литературой. Ценно то, что А. Мелихерчик неоднократно проводит параллели с фольклором других славянских народов, однако их следовало бы еще углубить в научных комментариях и ссылках. Составитель хрестоматии видит близость словацкого фольклора и фольклора других славянских народов прежде всего в способе поэтического выражения, в чертах этнической близости (например, в социально-хозяйственном укладе жизни наших славянских предков). Черты эти проявились в анимистических представлениях, отображенных в обрядовом фольклоре, в народном календаре. Фольклорный материал показывает, что близость словацкого фольклора к восточнославянскому является результатом культурного обмена. С одной стороны, словацкий фольклор носит следы связей с западноев-

ропейским народно-поэтическим творчеством, с другой стороны, — с материалом восточнославянским, например, с украинским, а также с польским и венгерским. А. Мелихерчик во вступительной статье подчеркивает национальное своеобразие отдельных жанров словацкого фольклора, останавливаясь на общих темах и образах (король Матей Корвин, «разбойник» Яношик, турецкие завоеватели), которые получили различное художественно-поэтическое истолкование у разных славянских народов.

Сторонник сравнительно-исторического анализа как действенного и плодотворного способа изучения славянского фольклора. А. Мелихерчик призывает словацких фольклористов на основе сравнительно-исторического изучения показать культурное единение славян, формирование этнического профиля словацкого фольклора в его идейно-художественном своеобразии.

Композиция хрестоматии не вызывает замечаний. Материал в ней расположен по жанрам. К каждому разделу дана краткая сопроводительная статья. Думается, что большая вступительная статья о путях развития словацкого фольклора и сопроводительный научный материал к каждому жанру совершенно необходимы, поскольку хрестоматия предназначена не только для научных работников и педагогов, но и для широкого круга читателей, интересующихся словацкой народной культурой. Эти статьи будут полезны и советским славистам, изучающим фольклор и фольклористику братского словацкого народа.

Большая часть публикуемого в рецензируемой книге материала была записана и издана в XIX и XX вв. Внутри жанров составитель стремится расположить материал в исторической последовательности, но сделать это порой трудно, так как многие жанры существуют, соответственно изменяясь, в течение разных исторических периодов. Автор сам признает, что жанры в современной словацкой фольклористике по существу не исследованы и что «настоящая публикация не может еще сегодня дать окончательное распределение материала».

В хрестоматии представлены все жанры словацкого фольклора. Исследуя их, автор руководствуется высказываниями М. Горького о литературе и искусстве и широко привлекает богатый исторический материал, проводя параллели между фольклором западных и восточных славян. Хорошо подобраны заговоры и заклинания. Нам кажется, что такому архаическому жанру отведено даже слишком много места, тем более, что в хрестоматии совершенно обойдены старинные трудовые песни. А рассказать хотя бы о следах их в словацком фольклоре следовало.

Широко представлена в хрестоматии календарная обрядовая поэзия, еще сохраняющая элементы дохристианских верований предков словаков. Приведены рождественские песни и колядки, новогодние песни религиозного содержания, песни, связанные с обрядом хождения на св. Томаша с плугом, с выносом Морены (Мармурены) и Дедка, с приглашением лета; песни на Цветочное воскресенье, на св. Юра и т. д. Художественно-поэтическая ценность приведенного материала очевидна. Далее идут загадки, пословицы и поговорки, которые в Словакии систематически начали изучать и собирать в XIX в. А. Затурецкий, П. Добшинский и А. Браксаторис. Автор в основном использовал материалы из сборников упомянутых фольклористов — выдающихся знатоков этих жанров. Приведенные в книге загадки охватывают такие темы, как человек и его жизнь, труд и орудия производства, явления природы и окружающий мир.

В хрестоматии собран интереснейший материал по семейному обрядовому фольклору, народным сказкам (демонологические, фантастические, сказки о зверях, сказки сатирические) и историческим легендам. Очень хорошо, что после текстов сказок дан раздел «Людovit Штур о словацких народных сказках» и статья П. Добшинского «Povesti, ako veštectvá narodnej budúcnosti». Большой интерес представляют исторические песни, народные баллады и лирические песни — жанры, наиболее отличающиеся национальным своеобразием. Исторические песни подобраны весьма тщательно и отражают важнейшие периоды истории словаков. Значительная часть их посвящена борьбе с турецкими и татарскими завоевателями, королю Матею Корвину, народным героям, наполеоновским войнам. Для историка раздел исторических песен представляет большую ценность, ибо дает возможность выяснить отношение народных масс к отдельным событиям и историческим лицам («Pod Zníovským zámkom», «Už Turek ide», «Odpisal nam Kral'Uherský, V Uherskej Krajine veľ'ká šturma stojí»). Особую группу составляют песни о легендарном Яношике, рекрутские и солдатские песни.

Гордость словацкого народа — баллады и лирические песни. Тексты их, взятые в основном из известных собраний Яна Коллара и Кароля Медвецкого и составляющие обширные разделы хрестоматии, знакомят читателей с эмоциональной жизнью и духовным миром словаков. Словацкие баллады и лирические песни издавна привлекают внимание многих писателей, ученых и музыкантов, они сыграли большую роль в развитии национальной литературы и оставили глубокий след в творчестве словацких писателей, особенно первой половины XIX в. (Я. Коллар, Я. Краль, Л. Штур, Я. Ботто). Недаром в эпоху национально-освободительной борьбы обращение словацких писателей-романистов к балладам и историческим песням приобретало подчас особенное патристическое звучание. Наиболее ранние варианты баллад свидетельствуют о связи с календарным обрядовым фольклором — интересная и своеобразная черта, бесспорно привлекающая внимание исследователя фольклора западных славян.

Хорошо представлены в хрестоматии детский фольклор (считалки, скороговорки, побасенки, игры), народный театр (народная игра о св. Дороте и другие тексты из

сборников Антона Гребля и Яна Чапловича) и, наконец, песни рабочих (горняцкие, революционные, песни о Словацком народном восстании). К сожалению, современный фольклор Словакии мало представлен в хрестоматии; он ограничен сделанными в 1951 г. записями отдельных рабочих песен и песен о Словацком народном восстании, взятых из архива Института музыковедения Словацкой академии наук. По нашему мнению, последний раздел хрестоматии следовало посвящать фольклору послевоенных лет. Общественное переустройство Чехословакии, отразившееся на всех сторонах жизни словацкого народа, не могло не сказаться на развитии таких традиционных жанров, как лирическая песня, сказка и легенда, пословица и поговорка. Фольклорные и этнографические экспедиции последних лет собрали много интересного материала (например, экспедиция 1956 г. Веры Носалевой и Евы Врabcовой в Восточную Словакию; экспедиции Института этнографии Словацкой академии наук и др.); современному фольклору посвящают работы многие словацкие фольклористы¹.

Научная ценность хрестоматии, составленной А. Мелихерчиком, велика. Книга знакомит с идейным и художественным богатством словацкого народно-поэтического творчества, с его историческим развитием. Автор уделит много внимания комментариям, которые нужно признать удачными. Фольклористу, впервые знакомящемуся со словацким фольклором, они помогут разобраться в обширном материале, понять жизнь того или иного жанра, его связь с бытом и обрядом.

В заключение приведен обширный перечень (около 100 работ) основных источников и литературы о словацком фольклоре, с краткой аннотацией и резюме на русском, немецком и английском языках. Появление этой хрестоматии нужно приветствовать. Она отвечает современным научным требованиям и свидетельствует об успехах словацкой фольклористики, развивающейся в условиях небывалого расцвета культуры народов Чехословацкой Социалистической Республики.

М. Гайдай

¹ Приведем некоторые из них: В. В а г а б á š o v á, *Prispevok k problematike vzniku nového folklóru na Slovensku*, «Narodopisný zborník», XI, 1952; J. K o v á č o v a, *Odrasť sociálneho postavenia ľudu a revolučné myšlienky v slovenských ľudových piesňach*, «Pod zástavou socializmu», 1955, № 16, стр. 1030—1036; В. F i l o v á - B a r a b á š o v á, *Referát o výskume kultúry a spôsobu života robotníckej triedy*, *Prednesené na právopnej porade Národopisného ústavu SAV*, 12 января 1955; M. H u s k a, *Slovenské národné povstanie v súčasnom folklóre*, «Ľudova tvorivosť», 1959, № 9, стр. 386; J. M i c h a l e k, *Ľudova rozprávka a súčasnosť*, «Kultúrny život», Bratislava, 1959, № 16, стр. 8, и др.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия. М., 1959, 501 стр.

Почти три года прошло с тех пор, как вышел первый выпуск большой сводной работы, выполняемой Институтом этнографии АН СССР, — серии «Очерков общей этнографии». Первый выпуск был посвящен народам Австралии и Океании, Америки и Африки; во втором выпуске авторский коллектив поставил перед собой задачу рассказать о жизни и борьбе народов огромной части земного шара — зарубежной Азии. Каждому, кто хоть немного знаком с развитием нашего востоковедения, ясно, как нелегко было создать такую книгу. Даже такие страны, как Китай, Индия, Арабский Восток, Иран, этнографически изучались в нашей стране сравнительно слабо, специальные же исследования по Бирме, Таиланду, Вьетнаму, Лаосу, Индонезии и многим другим странам практически отсутствовали. Европейские источники по этнографии всех этих стран часто недоброкачественны и спорны даже фактографически, не говоря уже о неприемлемости для советской науки теоретических положений буржуазных ученых.

Перед авторами рецензируемой книги стояла и другая трудная задача: изложить на пятистах страницах огромное количество материала, не только дать описание жизни разных народов, но и проследить их этническую историю, рассказать об основных этапах национально-освободительного движения и о современном состоянии хозяйства и культуры всех народов зарубежной Азии.

Бесспорным достоинством книги является то, что авторы, как это и требуется от советских ученых, обратили особое внимание на процессы, происходящие в современной жизни народов Азии. Это выгодно отличает «Очерки» от многочисленных работ зарубежных авторов, которые видят задачи этнографии лишь в изучении прошлого; едва ли в какой-нибудь из этих работ мы нашли бы замечания о новом типе одежды в Таиланде или Бирме или о новом законе о браке, изданном в Китайской Народной Республике в 1950 г.

Достоинствами книги являются и четкое, ясное изложение, сведение до минимума неизвестных широкому читателю специальных антропологических и этнографических терминов (хотя местами все-таки следовало бы дать их разъяснение). Авторы смогли сжато и весьма содержательно рассказать в книге о многом. Особенно стоит отметить, что, в отличие от большинства востоковедческих работ, где факты, касающиеся одного народа, даются, как правило, изолированно от истории других, даже соседних, государств и народов, здесь мы часто находим многочисленные сопоставления, — например типа жилища или одежды различных народов; это создает у читателя впечатление единства исторического процесса. Вместе с тем подчеркивается своеобразие развития отдельных народов.

Многие народы зарубежной Азии — как, например, национальные меньшинства Китая или Вьетнама, отдельные малые этнические группы населения Индостана или арабских стран, — вообще впервые описаны этнографически на русском языке. Особое внимание авторами рецензируемого труда обращено на сложные комплексные проблемы происхождения и этнической истории народов зарубежной Азии (в частности китайцев и других народов Китая, японцев, айнов, вьетнамцев, бирманцев, индонезийцев, арабов), на историю и современные особенности их хозяйства и культуры, в первую очередь материальной, очень плохо описанной в старых работах, на социалистические преобразования в Китайской и Монгольской Народных Республиках, Корейской Народно-Демократической Республике, Демократической Республике Вьетнам, на национально-освободительную борьбу народов азиатских стран, освободившихся от ярма колониализма или находящихся на пути к освобождению. Авторы впервые ввели в обращение немало новых и оригинальных этнографических и антропологических материалов, частично собранных сотрудниками Института этнографии в Китае, Монголии, Вьетнаме, Бирме, Индии.

К сожалению, как и во всякой сложной и большой работе, в рецензируемой книге имеется ряд пробелов, неточностей и прямых ошибок. Остановимся лишь на наиболее существенных из них. Большинство замечаний касается вопросов, смежных с этнографией (истории, литературы, религиозных верований, театра и др.), однако в книге имеются и некоторые ошибки в этнографических описаниях.

Как сообщается в предисловии «От редакции», часть книги, посвященная народам Передней Азии, является кратким изложением соответствующего тома серии «Народы мира», остальные же разделы книги, напротив, в известной мере предвосхищают будущие тома этой серии. Поэтому вполне естественно, что большинство замечаний вызвано именно новым материалом.

Один из существенных пробелов, свойственный многим разделам книги, — недостаточное внимание к средневековью, а отсюда и отсутствие внутренней динамики изложения в каждом конкретном случае. Нередко даются сведения о древности, так как это связано с проблемами этногенеза, а потом сразу делается скачок к новому или новейшему времени. Особенно это сказалось на самом большом разделе книги — китайском, где сведения об эпохах Инь и Чжоу часто перемежаются с данными о современном или цинском Китае. Так, в описании животноводства (стр. 51) авторы переходят от неолита и иньского периода прямо к современности. Некоторая статичность изложения видна и при описании обрядов, празднеств, религии. Думается, что следовало бы говорить не о старом Китае вообще, а об определенных конкретных периодах его истории. Недостаточное внимание к истории средневековья приводит, например, к тому, что абзац о «золотом веке» феодального Китая — периоде Тан (618—910) написан во многом неточно (стр. 33—35).

Некоторые замечания вызывает и изложение вопросов новейшей истории. Так, в главе о Монголии недостаточно учтены изменения, происшедшие в стране за последние годы. Стоило бы более подробно и, самое главное, более четко сказать о развитии промышленности в МНР, о быстро развивающемся земледелии. Теперь уже нельзя писать: «В республике имеют место и объединения аратов для ведения коллективного хозяйства — начатки широкого производственного кооперирования аратских хозяйств». Известно, что уже в 1958 г. (за год до выхода книги) кооперированием было охвачено 35% аратских хозяйств. Сейчас кооперирование индивидуальных аратских хозяйств завершено¹.

Общим недостатком большинства разделов книги является слабая разработка вопросов духовной культуры, особенно в области народной литературы и искусства. Авторы обошли молчанием многие эпические произведения различных народов. Читатель не найдет, например, упоминания о таком всемирно известном эпосе, как «Гэсер» (о нем говорится лишь в разделе о бурятах в другом томе «Очерков»), а ведь живая эпическая традиция имеется сейчас в основном на Востоке. Китайскому фольклору в книге отведена почти целая страница, но большое количество неточностей и даже прямых ошибок снижает полезность описания устного народного творчества и литературы китайцев. Например, касаясь периода Цин, авторы ошибочно сообщают о баснях, «в которых эзоповским языком высмеивались предательство китайских феодалов и продажность маньчжурского двора, воспевалась героика знаменитого крестьянского восстания тайпинов» (стр. 87). Между тем надо было говорить о развитии в эту эпоху романа (тогда были созданы «Сон в красном тереме», «Неофициальная история

¹ См. статью Ю. Цеденбала «Боевой авангард», «Правда», 2 марта 1961 г.

конфуцианства» и цикл обличительных романов конца XIX — начала XX в. «Путешествие Лао Цаня». «Наше чиновничество», «Краткая история цивилизации» и др.).

Не повезло основоположнику современной китайской литературы великому Лу Синю. На стр. 90 ему приписан лозунг «От литературной революции к революционной литературе», который в действительности был провозглашен представителями общества «Творчество» Чэн Фан-у и другими и к которому Лу Синь не имел никакого отношения.

Вызывают возражения страницы «Очерков», посвященные театральным представлениям. Тут много прямых неточностей, ошибок в названиях драматических жанров и неясных формулировок. Так, авторы путают жанр танской новеллы «чуаньци» (неправильно транскрибируя его как «чжун-ци») с драмой той же эпохи. В библиографии же к очерку «Восточная Азия», приложенной к рецензируемой книге, указана статья И. Гайды о представлениях периода Тан, где все трактуется вполне правильно.

Разбирая весьма подробно развитие китайского театра, авторы не сочли нужным упомянуть ни о кукольном и теневом театре, ни о современном драматическом искусстве европейского типа. Следует отметить, что в разделах о народах Ирана, Индии, Индонезии кукольному и теневому театрам отведено определенное место.

Недостаточное внимание к вопросам религии также сказалось на «Очерках». Это легко проиллюстрировать на примере разделов о Китае и Корее. Тут не вскрывается специфика распространения различных религиозных систем на Дальнем Востоке. Три религии Китая (конфуцианство, буддизм и даосизм) подаются статично — так, как их рассматривали еще в XIX в. (например, акад. В. П. Васильев в книге «Религии Востока»). Из этого изложения читатель едва ли поймет, что все эти три религии мирно сосуществовали, что только в некоторые краткие периоды истории между ними шла борьба, что вместо того, чтобы выступить против новой религии, даосы изобрели миф о том, будто основатель даосизма Лао-цзы отправился путешествовать на Запад (т. е. в Центральную и Среднюю Азию, откуда, как свидетельствуют древние письменные памятники, в Китай был занесен буддизм) и вернулся оттуда под именем Будды. Известно, что в народе приглашали лечить болезни и изгонять «нечистую силу» даосских монахов, а если человек умирал, то читать молитвы звали уже обычно буддийских монахов. Следовало бы сказать об определенном слиянии к периоду Мин всех трех религий, на что указывали Лу Синь и Чжэн Чжэнь-до². Едва ли была в мире другая страна, где человек мог быть конфуцианцем на службе и буддистом — дома, где конфуцианские идеи сыновней почитальности (сяо) входили бы в буддийские канонические книги³, а лицо Будды составляли бы из профилей Конфуция и Лао-цзы⁴. Характерно, что с периода Мин в Китае возникали различные тайные религиозные секты, которые ставили своей целью объединение трех религий. Именно в недостаточном подчеркивании китайского религиозного синкретизма, в невыявлении специфики религии в Китае следует упрекнуть авторов. Не то происходило в Корее. Там с введением конфуцианства (XIV в.) буддизм был официально запрещен, буддийские монахи не имели даже права входить в Сеул и другие крупные города, даосизм получил крайне значительное распространение.

Имеются пробы и в описании народных празднеств. О празднике Цинмин (стр. 85) не сказано главного — что это праздник поминовения. Нигде не говорится о китайском крестьянском календаре с 24 подразделениями сельскохозяйственного года.

Можно указать пробы и в описании духовной культуры и других народов Азии. Так, при рассмотрении вьетнамской литературы (стр. 206) указаны только произведения, заимствованные из Китая, и нет ни слова о самобытной вьетнамской литературе. Крайне скудно описание духовной культуры бирманцев. В разделе об Индии неправильно объясняются Веды, как сборники преданий, тогда как в действительности это сборники гимнов и песен (стр. 318).

Лингвистическая сторона «Очерков» весьма уязвима. В разделах о китайцах и вьетнамцах имеются случаи неверного толкования иероглифики, неточно характеризуются некоторые алфавиты (японский и другие), не всегда правильно рассуждения о китайском языке, много транскрипционных неточностей в очерке о народах Юго-Восточной Азии, что связано с недостаточной изученностью этих языков в нашей стране. В разделе об Индии вызывает сомнение правомерность выделения языка хиндустани, когда отдельно рассматриваются урду и хинди. Ведь хиндустани — это не особый язык, а общая для обоих языков разговорная норма. На стр. 472 упоминается сирийско-арамейский язык, хотя в действительности существует лишь сирийский (западный) диалект арамейского языка. Не очень четко изложена и классификация языков китайско-тибетской семьи.

Из прямых ошибок в этнографических описаниях мы укажем здесь только наиболее яркие. Так, читателю трудно уснуть себе цифровые данные о населении Индонезии. На стр. 263 сказано: «Основной группой населения являются малайцы (около 97%)»,

² См. Чжэн Чжэнь-до, История китайской простонародной литературы (на кит. яз.), Пекин, 1954, т. II, стр. 328.

³ Цуда Со кити, Буддизм в Китае (на японск. яз.), Токио, 1957, стр. 235—262.

⁴ См. В. М. Алексеев, Из области китайского храмового синкретизма, сб. «Восточные записки», Л., 1932, стр. 284, 285.

а на стр. 271 читаем: «яванцы... составляют почти две трети населения Индонезии». Можно думать, что авторы включают яванцев в состав малайцев, а под малайцами на стр. 263 понимают индонезийцев вообще. Но, во-первых, такое понимание термина «малайцы» давно уже вышло из употребления, а во-вторых, в дальнейшем те же авторы употребляют термин «малайцы» в гораздо более узком смысле.

На стр. 197 приведена специальная таблица, которая должна доказать, что так как название народа мяо с древности записывалось иероглифом мяо «росток риса», а народ юэ — предки вьетнамцев — иероглифом, в верхней части которого имеется ключ «рис», то, следовательно, китайцы знали все эти народы как земледельцев, возделывающих рис. Если утверждение о мяо далеко не доказано, то с юэ вопрос обстоит

иначе. Во-первых иероглиф — юэ пишется , а не как дано в книге. Во-вто-

рых, если бы авторы обратились к словарям древнекитайского языка, то увидели бы, что первоначально в этом иероглифе был ключом не рис, как сейчас, а птичьи следы; следовательно вся концепция авторов неверна. К этому следует добавить, что в древних текстах для обозначения юэ обычно писали другой иероглиф — «превосходить». Так, во всем классическом конфуцианском каноне, состоящем из тринадцати книг, иероглиф юэ, приведенный в рецензируемой книге, встречается всего лишь один раз, а юэ — «превосходить» для записи народа юэ — несколько десятков раз⁵.

Весьма важная для этнографии проблема терминологии родства освещена в отношении китайцев (хань) с ошибками. Нельзя утверждать, что терминология родства в современном китайском языке описательная, и приводить примеры «сын брата отца», «сын брата деда» (стр. 79). По всей вероятности авторы имеют в виду не современную, а древнекитайскую систему родства, существовавшую до нашей эры и отраженную в словаре «Эрья»⁶.

Рассмотрение народов по странам приводит к тому, что читателю не всегда ясно, идет ли речь об уже известном народе или нет. Так, на стр. 91 упоминаются кава, а на стр. 247 — ва. Читатель-неспециалист едва ли разберется в том, что это два названия одного народа. То же относится к палаун и бэнлун (первое название — бирманское, второе — китайское, для того же народа). Такого разнобоя необходимо избежать при втором издании книги.

Следует сказать несколько слов и об ее оформлении. В книге большое количество хороших иллюстраций, четкие и продуманные карты расселения народов Азии. Очень жаль, однако, что авторы текста и карт действовали несогласованно. В результате получилось, что многие этнические группы и подразделения, обозначенные на карте, отсутствуют в тексте и наоборот. Жаль, что прекрасные этнические карты, составленные С. И. Бруком и М. Я. Берзиной, изданы не в цвете, — это облегчило бы читателям пользование ими. Следовало бы также поместить в книге таблицы одежды, сельскохозяйственных орудий и других элементов материальной культуры.

Вспомогательный аппарат к книге недостаточен. Библиография неполна и плохо систематизирована. Достаточно сказать, что известная работа К. Маркса «Британское владычество в Индии» значится почему-то в разделе Герцедней Азии. Указателя совсем нет, а оглавление состоит всего из четырех строк, повторяющих шмуцтитулы. Читателю приходится тратить много времени, чтобы навести справку. А ведь такого рода книга будет для многих служить справочником. Характерно, что при переводе первого выпуска «Очерков» на румынский язык, румынскими этнографами были составлены подробные указатели, даже со ссылками на карты⁷.

В книге встречаются досадные опечатки. Так, дата свержения господства маньчжуров указана 1912 г. вместо 1911 г. (стр. 87), время изобретения книгопечатания — IX в. вместо XI в. (стр. 89); в подписуночной подписи к изображению Храма Неба — X в. вместо XV в. (стр. 83); на стр. 67 под фотоснимком озера Бэйхай написано, что это озеро Сиху; на стр. 371 под изображением сельского дома напечатано «типичный городской дом».

Перечисленные пробелы, неточности и ошибки могут быть легко восполнены и исправлены при подготовке второго издания книги. А такое издание представляется нам очень нужным, особенно если учесть крайне небольшой тираж «Очерков» (всего 4 тыс. экземпляров) — в целом полезной и интересной книги, в которой впервые в советской науке сведены ценные сведения об этническом составе стран зарубежной Азии, об их этногенезе, материальной культуре, обычаях и т. п. Эти сведения, да и то далеко не все, до выхода рецензируемой книги можно было найти только в специальных журналах и отдельных статьях, порой недоступных широкому читателю.

Б. Рифтин

⁵ См. Е. Шао-цзюнь, Индекс к тринадцати классическим книгам (на кит. яз.), Пекин, Изд-во «Чжунхуа шущэнь», 1957.

⁶ См. Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

⁷ «Etnografie continentelor. Studii de etnografie generală», București, 1959.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Antonio Nuñez Jimenez. *Facatativa. Santuario de la Rana*. Editado por la Universidad Central de las Villas. La Habana, 1959, 96 стр.

Автор рецензируемой работы — один из выдающихся ученых и революционных деятелей современной Кубы. Этнограф по образованию, профессор географии Центрального университета в городе Санта-Клара, основатель Спелеологического общества Кубы, Нуньес Хименес занимает в революционном правительстве Кубы пост директора Национального института аграрной реформы. В 1960 г. Н. Хименес посетил Советский Союз, где ему была присвоена Московским гос. университетом ученая степень доктора наук *honoris causa*. Находясь в Москве, кубинский ученый ознакомился с работами Института этнографии АН СССР и высказал пожелание установить творческие связи между этнографами Кубы и Советского Союза. Эти связи при содействии Н. Хименеса в настоящее время успешно развиваются.

Перу Н. Хименеса принадлежит ряд ценных исследований по этнографии и географии Кубы¹. В 1951 г. он обследовал «Камни Факататива» — один из интереснейших в археологическом отношении районов Южной Америки. Рецензируемая книга — результат полевых работ автора. Этот район расположен в 40 км к северо-востоку от столицы Колумбии Боготы на высоте около 2000 м над ур. моря. «Камни Факататива» образуют группу беспорядочно расположенных скал, достигающих 15 м высоты. В скалах имеются естественные пещеры глубиной до 5 м. Некоторые из скал, или камней, как их называют местные жители, своим внешним видом напоминают гигантских лягушек или жаб. На стенах пещер имеется множество рисунков красного цвета, среди которых преобладает стилизованное изображение лягушки. Всего в районе Факататива имеется около 60 групп наскальных изображений, некоторые из них имеют протяженность до 10 м.

Хотя «Камни Факататива» давно известны американским и европейским археологам и этнографам, о происхождении и значении имеющихся там наскальных рисунков высказывались довольно противоречивые мнения. Следует отметить, что наскальные изображения периодов позднего палеолита и неолита, открытые в различных местностях Южной Америки, изучены еще недостаточно.

Н. Хименес дает подробное археологическое описание района Факататива. Он приходит к выводу, что этот район был одним из святилищ племен чибча, культура которых играла роль связующего звена между культурами майя на Севере и инков на юге. Остановившись на культе лягушки, Н. Хименес отмечает, что он был распространен не только в районе Карибского бассейна, включая Кубу, но и в других областях американского континента, а также среди первобытных народов Европы, Азии и Африки.

Автор подробно анализирует и сравнивает различные мифы и предания индейских племен Карибского бассейна, в том числе такие памятники, как эпос «Попол Вух» и священные книги «Чилам-Балам», в которых лягушка фигурирует в качестве героя. Он также дает описание различных предметов, изображающих лягушку.

Обращает на себя внимание огромное разнообразие приписываемых лягушке магических свойств. Лягушка предстает у различных племен в виде символа плодородия, деторождения, повелителя вод, она перевоплощается в человека или сама является перевоплощением человека, выступает в роли Прометея, похищающего огонь, доброго или злого духа и т. д.

Н. Хименес отмечает, что в древнейших захоронениях индейцев племен армос, ансермос и хуакас (Колумбия) обнаружены фигурки лягушек, отлитые из золота.

Объясняя широкое распространение культа лягушки в районе Карибского бассейна, автор правильно указывает, что причины возникновения этого культа следует искать в роли «естественного барометра», которую лягушка играла в первобытном мире: она «предсказывала» дождь, циклоны и землетрясения. Автор отмечает также присущее некоторым видам американским лягушек свойство регенерации, которое, несомненно, способствовало ее обожествлению.

Интересное исследование Н. Хименеса является серьезным вкладом в изучение древнейших культов аборигенов Америки.

Н. Григулевич

¹ См.: Antonio Nuñez Jimenez, *El Piro Tarquimo. Exploración y Estado*, La Habana, 1945; его же, *La Cueva de Bellamar*, La Habana, 1952; его же, *Geografía de Cuba*, La Habana, 1959 (Русский перевод: Антонио Нуньес Хименес, *География Кубы*, Изд-во иностранной литературы, М., 1960).

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

J. W. Coulter. *The Pacific dependencies of the United States*. New York, 1957, XV+388 стр.

Рецензируемая книга принадлежит перу известного американского географа и социолога Джона Коултера, который в течение 13 лет был профессором университета на Гавайских островах и неоднократно посещал другие важнейшие архипелаги Океании. В 1949—1950 гг. Д. Коултер возглавлял Тихоокеанско-азиатский отдел секретариата Совета ООН по опеке. Как сообщает автор, книга готовилась им в тесном контакте с американскими чиновниками, которые снабжали его информацией, давали многочисленные «советы» и читали работу в рукописи (стр. VIII—IX). Это наложило на труд Коултера определенный отпечаток.

Книга состоит из введения и разделов, посвященных Гавайским островам, Американскому Самоа, Гуаму и находящимся под опекой США архипелагам Микронезии. В каждом разделе дается физико-географический обзор, сообщаются краткие сведения о хозяйстве, культуре и быте местного населения, описывается его современное положение и рассматриваются перспективы на будущее. Значительный интерес представляют приводимые автором физико-географические данные, в частности результаты новейших исследований в области строения и природы коралловых атоллов. В книге можно найти интересную информацию о механизме американской колониальной администрации. Но через всю работу красной нитью проходит стремление защитить и приукрасить политику США в Океании, и это ведет к многочисленным недомолвкам и искажениям.

Для подкрепления своих шатких позиций Коултер охотно использует различные реакционные теории. Так, в духе пресловутой теории «исключительности» американского капитализма он во введении заявляет, будто «Америка, несомненно, не эксплуатировала зависимые от нее народы в том традиционном смысле, в каком державы-метрополии эксплуатировали колониальные народы»; она лишь «не смогла полностью избежать ответственности за серьезные последствия воздействия западной цивилизации на их традиционный образ жизни», хотя и старалась его сохранить (стр. 10—11).

Чтобы опровергнуть это апологетическое утверждение, достаточно вспомнить, как происходила «американизация» Гавайских островов. Уже в начале XIX в. «бostonцы» начали массовый вывоз отсюда драгоценного сандалового дерева, во время заготовок которого в горах погибли от голода и холода многие тысячи островитян¹. А позднее архипелаг был превращен в плантационную колонию американского капитала, производящую ежегодно до миллиона тонн сахара-сырца. «Как индейцы Северной Америки были ограблены и вытеснены со своего материка белыми,— писал Джек Лондон,— гавайцы были ограблены и вытеснены со своих островов белыми же»². Примечательно, что, как мы увидим ниже, сам Коултер порой приводит факты, идущие вразрез с его утверждением о «бескорыстном» характере политики США в Океании.

Пытаясь объяснить низкий уровень жизни коренного населения зависимых от США территорий в Океании и предсказывая возможность его дальнейшего снижения в будущем, Коултер уделяет большое внимание демографическим вопросам. По его словам, для большинства этих островов серьезнейшей проблемой является перенаселение (стр. 62—64, 106, 108, 258—260, 315—316, 321—323). Преувеличивая роль природных факторов и оставляя в тени социально-экономические причины бедственного положения островитян в условиях колониального режима, Коултер скатывается к мальтузианству. В связи с этим небезынтересно отметить, что его поездка в Океанию, связанная со сбором материалов для рассматриваемой книги, частично финансировалась нью-йоркской организацией мальтузианского толка — Ассоциацией планируемого материнства (стр. VIII).

Говоря о Самоа и подопечных архипелагах Микронезии, где в настоящее время наблюдаются различные стадии перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, Коултер по существу призывает к консервации родоплеменной организации и других архаичных институтов и обычаев. Он ссылается на то, что все элементы культуры якобы находятся в органическом единстве, а потому устранение или изменение части из них может вызвать разрушение всей социальной организации, или, как он выражается, «социальный и экономический хаос» (стр. 90, 371). Кроме того, автор заявляет, что народам Океании чужда «западная» идея демократии с ее всеобщим избирательным правом, выборными органами власти и т. д., что этим народам присуща своя особая демократия, воплощением которой является родоплеменная организация и господство наследственных вождей (стр. 105, 364).

Коултер уверяет, что его призывы к сохранению отживающих первобытно-общинных институтов (которые в условиях колониального режима все более превращаются в пустую оболочку, не соответствующую новому содержанию) диктуются заботой об интересах коренного населения. На деле же эти призывы являются лишь повторением известных реакционных идей и практических предложений представителей функцио-

¹ G. Simpson, *Narrative of a journey round the world, during the years 1841 and 1842*, т. II, London, 1847, стр. 13—14.

² Дж. Лондон. *Сандвичевы острова* М.—Л., 1927, стр. 10.

нальной школы в англо-американской этнографии³. Коултер сам раскрывает политическую направленность своей концепции, указывая, что ликвидация в общественной жизни островитян «стабилизирующих влияний» создаст «социальный вакуум, который может породить смуту среди народа» (стр. 314).

Сравнительно более объективно написаны разделы книги, посвященные Гавайским островам, хотя и здесь автор не отступает в целом от своих воззрений. Апологетически изложена им история присоединения этого архипелага к Соединенным Штатам (стр. 7—8). Однако, говоря (очень кратко) о судьбе гавайцев в условиях колониального режима, Коултер признает, что их уделом, особенно после «аграрной реформы» 1848—1850 гг., стало «разочарование, крушение всех надежд и полнейшая безысходность» (стр. 44). В настоящее время на островах осталось не более двух тысяч чистокровных гавайцев, но и они, по мнению автора, вскоре растворятся в массе пришлового населения (стр. 16—17). Самобытной гавайской культуры фактически больше не существует лишь отдельные «экзотические» атрибуты ее искусственно сохраняются для развлечения богатых туристов (стр. 16, 48—49).

Коултер подробно описывает организацию производства на гавайских сахарных и ананасных плантациях, принадлежащих американским капиталистам. В отличие от других буржуазных авторов⁴, он признает, что высокий уровень механизации на плантациях является ответом предпринимателей на послевоенные успехи местного профсоюзного движения, добившегося в результате нескольких всеобщих забастовок значительного повышения заработной платы плантационным рабочим (стр. 23—24). Техническое перевооружение плантаций было предпринято, однако вовсе не потому, что в противном случае, как утверждает автор, их владельцам грозило банкротство. Местные предприниматели используют комплексную механизацию, которая в условиях капитализма приводит к сокращению числа работающих и росту резервной армии труда, и в качестве орудия борьбы с организованным рабочим движением, и в качестве средства дальнейшего увеличения прибылей.

Как известно, большинство современного шестисоттысячного населения Гавайских островов составляют потомки десятков тысяч рабочих-кули, ввезенных из Азии американскими капиталистами во второй половине XIX — начале XX в. для работы на плантациях. Как указывает Коултер (стр. 56—58), в настоящее время на Гавайях происходит формирование новой этнической общности, возникающей на базе смешения японцев, китайцев, филиппинцев и корейцев между собой и с остатками коренного населения, а также с португальцами, пуэрториканцами и некоторыми другими иммигрантами. Что же касается «белых» американцев, занимающих верхние ступени социальной лестницы на Гавайях, то они, как правило, не включаются в указанный процесс, сохраняя свою замкнутость.

Внешним выражением процесса этнической консолидации на Гавайях является неуклонно увеличивающийся процент смешанных браков. Одновременно складывается общая культура, представляющая собой синтез соответствующих национальных культур и культурных влияний, идущих из Соединенных Штатов, а также вырабатывается языковое единство (на основе английского языка, обогащенного множеством слов местного и азиатского происхождения). Если учесть к тому же наличие общности территории и экономической жизни, то следует признать, что на Гавайях складывается новая нация. По мнению Коултера, указанные процессы завершатся в течение жизни двух ближайших поколений (стр. 57). Но, описывая эти процессы, автор предпочитает умолчать о том, что руководящую и цементирующую роль в сближении различных национальностей играют на Гавайях трудящиеся, объединенные в прогрессивные профсоюзы, тогда как американские капиталисты пытались и пытаются затормозить эти процессы, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Уже после выхода в свет книги Коултера, в марте 1959 г., конгресс США представил Гавайским островам статус штата. При решении этого вопроса немаловажную роль сыграли пропагандистские соображения: американские правящие круги пытались таким путем снять с США обвинения в колониализме и показать народам Азии пример «подлинной демократии»⁵. В связи с этим значительный интерес представляет содержащиеся в книге Коултера указания на то, что экономика Гавайев до сих пор сохраняет полуколониальный характер, что она контролируется «большой пятеркой» концернов, принадлежащих американским капиталистам, что «белые» американцы «удерживают лидерство во всех видах предпринимательской деятельности» (стр. 40, 53—54).

Гавайские острова являются важнейшей тыловой базой вооруженных сил США, расположенных на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. На Гавайях находятся штабы главнокомандующего этими войсками и командира американского тихоокеанского флота, а также многочисленные аэродромы, порты, верфи, склады и другие

³ См. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин, *Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма*, Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIII, М., 1951, стр. 41—66.

⁴ См. Д. Д. Тумаркин, *Две книги о Гавайях*, «Сов. этнография», 1959, № 5, стр. 195—197.

⁵ См. там же, стр. 197.

военные сооружения. С каждым годом все большую роль в экономике архипелага играют военные расходы. Львиная доля ассигнований на военные нужды попадает в карманы местных капиталистов. Если в 1953 г. военное ведомство и военнослужащие США израсходовали на Гавайях 201 млн. долларов (стр. 37), то в 1959 г. эти расходы удвоились⁶. Коултер указывает, что «сегодня военные расходы превосходят по стоимости весь гавайский экспорт», и «если оборонная активность на Гавайях в течение ближайших нескольких лет сократится столь же резко, как она возросла после 1950 г., данную территорию охватит экономический кризис» (стр. 37). Это обстоятельство позволяет яснее понять, почему крупные капиталисты на Гавайских островах противятся ослаблению международной напряженности и призывают к усилению гонки вооружений.

Следующие главы рассматриваемой книги посвящены другим «старым» колониям США — Американскому Самоа и острову Гуам, захваченным в конце XIX в. Автор признает, что положение на Американском Самоа «печально», но в соответствии со своей реакционной теорией утверждает, будто тяжелые условия жизни обитателей этой колонии являются «главным образом следствием перенаселения» (стр. 106). Коултер полностью одобряет проводимую американскими колониальными властями политику «косвенного управления» и связанную с нею политику консервации первобытно-общинных институтов и обычаев (стр. 86, 91, 93, 101, 118). Жонглируя понятиями, он заявляет, что «ликвидация системы матаи (власти родоплеменных вождей. — Д. Т.) имела бы такое же значение для самоанцев, какое имело бы для американцев введение системы матаи в аналогичного размера деревень Соединенных Штатов» (стр. 91). Это антинаучное сравнение тем более удивительно, что, как признает сам Коултер, многие островитяне, особенно молодежь, жаждут освободиться от сковывающих их родоплеменных порядков и обычаев и, не желая больше терпеть нынешнего положения, ищут выхода в эмиграции (стр. 89—90, 109).

В последнее время внимание мировой общественности привлечено к Самоанскому архипелагу в связи с тем, что его западная часть, находящаяся под опекой Новой Зеландии, должна получить в январе 1962 г. независимость⁷. Население этой территории добилось такого обещания в результате многолетней национально-освободительной борьбы. Движение против колониального режима наблюдается и на Американском Самоа, но Коултер говорит об этом лишь вскользь и притом с иронией (стр. 104—105). Зато он охотно подчеркивает разрыв между вождями западной и восточной частей архипелага, видя в ней препятствие на пути к сплочению самоанцев в едином независимом государстве (стр. 86—88). Нужно, однако, сказать, что стремление к объединению очень велико в обеих частях Самоа. Так, один из лидеров Западного Самоа, выражая мнение местного населения, сказал несколько лет назад английскому журналисту У. Прайсу: «Мы являемся одним народом и должны быть объединены»⁸. Коултер вынужден признать, что аналогичные настроения существуют и на Американском Самоа, особенно среди рядовых островитян (стр. 115). Предоставление независимости Западному Самоа, какими бы оговорками оно ни сопровождалось, несомненно, найдет широкий отклик в восточной части архипелага. Американским империалистам, цепляющимся за эти острова по военно-стратегическим соображениям, вскоре придется столкнуться здесь с новым подъемом национально-освободительной борьбы.

Большая часть коренного населения Гуама была истреблена в XVII в. испанскими завоевателями, а его остатки смешались с поселившимися здесь испанцами, мексиканцами и филиппинцами. Захват в 1898 г. этого острова Соединенными Штатами, не повлек за собой существенных перемен; местные жители, находящиеся под сильнейшим влиянием католической церкви, сохранили много черт быта испанской деревни XIX в. (стр. 144).

Как отмечает Коултер, Гуам был единственной территорией США, полностью испытавшей на себе все ужасы второй мировой войны, причем наибольший ущерб был причинен острову американскими войсками при освобождении его от японцев (стр. 128, 152). Раны, нанесенные войной, полностью не залечены до сих пор; это касается, в частности, кокосовых плантаций. Положение еще более осложняется тем, что после войны многие гуамцы были согнаны со своих земель, так как свыше трети всей территории острова было взято под строительство авиационной базы, одной из крупнейших в западной части Тихого океана, и других военных сооружений (стр. 136—137). Участие в военном строительстве и обслуживание многих тысяч американских военнослужащих и членов их семей составляют ныне для большинства гуамцев основной источник средств к существованию (стр. 131, 148, 154). Коултер утверждает, что в послевоенные годы уровень жизни местного населения заметно повысился. Действительно, по сравнению со всеобщим разорением, наблюдавшимся на Гуаме в 1944 г., материальное положение островитян несколько улучшилось. Но нынешний жизненный уровень гуамцев в целом вряд ли выше довоенного, хотя отдельные островитяне, как пишет Коултер, и приобрели за последние годы джипы и некоторые предметы из излишков американских военных материалов.

⁶ J. J. A. Bulka, Hawaii, the island state, «Britannica book of the year», 1960, стр. 10.

⁷ «The New Zealand official Year-book, 1960» Wellington, 1960, стр. 1137.

⁸ W. Price, Adventures in Paradise. Tahiti, Samoa, Fiji, Kingswood, 1956, стр. 169.

В связи с нашествием американской военщины на Гуам (до войны численность местного гарнизона не превышала ста человек) островитяне на практике познакомились с «американским образом жизни». Результаты самые печальные: наблюдается падение нравственности, резко увеличилась детская и юношеская преступность, широко распространился алкоголизм (стр. 147—148, 151). Чрезвычайно вредно действуют на молодежь пресловутые комиксы, а также голливудская кинопродукция. Пытаясь в какой-то мере защитить от нее островитян, местное законодательное собрание постановило ввести цензуру на фильмы, но американский губернатор наложил вето на этот законопроект (стр. 151). Вместе с военщиной на Гуам хлынули бизнесмены-американцы. С каждым годом они все больше вытесняют из мелкой торговли гуамцев (стр. 154).

В 1950 г. конгресс США предоставил гуамцам американское гражданство, а также некоторую долю самоуправления. Но полномочия созданного в соответствии с этим актом однопалатного законодательного собрания весьма ограничены, так как любой принятый им закон может быть отменен колониальной администрацией (стр. 150). Поскольку местные жители и после этой реформы по-прежнему не допускаются к участию в выборах президента и членов конгресса США, предоставление им прав гражданства свелось на практике к снятию запрещения на продажу гуамцам спиртных напитков (стр. 151). Зато как «американские граждане» они должны платить теперь не только местные, но и федеральные налоги, достигающие весьма значительной в здешних условиях суммы в 7 млн. долларов (стр. 152). Так выглядит в изображении самого Коултера «прогресс» гуамцев по пути «демократии».

Больше половины рецензируемой книги отведено рассказу о микронезийских архипелагах (Марианские, Каролинские и Маршалловы острова), которые были в 1944 г. захвачены американскими войсками у японцев и ныне находятся под опекой Соединенных Штатов. Американская политика в Микронезии, противоречащая целям и задачам опеки, справедливо подвергалась суровому осуждению как со стороны мировой общественности, так и в выступлениях официальных представителей СССР и ряда других государств в ООН. Коултер стремится во чтобы бы то ни стало оправдать эту политику. В результате апологетическая направленность его книги особенно наглядно проявляется в главах, посвященных этим подопечным островам.

Усердно защищая американских колонизаторов, Коултер в некоторых случаях противоречит самому себе. Так, в книге содержится немало широковещательных фраз о «гуманных» целях политики США в Микронезии. Но автор сам опровергает эти утверждения, заявляя, что «поддержание приемлемого уровня жизни и общественного благосостояния (микронезийцев.—Д. Т.) должно рассматриваться в зависимости от стратегической ценности этих островов для Соединенных Штатов» (стр. 184—185), ибо с точки зрения американских государственных интересов важно обеспечить «дружелюбие и лояльность» местного населения (стр. 366). Коултер уверяет, будто политика США в Микронезии и других частях Океании направлена на «содействие их (островитян.—Д. Т.) прогрессу по пути современной цивилизации» (стр. 11—12). И в то же время он сообщает, что администрация США, стремясь к максимальному сокращению расходов на нужды подопечной территории, добивается «самообеспеченности» микронезийцев на базе возвращения их к примитивному натуральному хозяйству (стр. 206, 354).

Пытаясь обеспечить необходимую «лояльность» местного населения, а также под давлением мировой общественности американские власти в первые послевоенные годы приняли кое-какие меры, чтобы помочь микронезийцам выйти из того катастрофического положения, в котором они оказались к концу второй мировой войны. Но даже в области здравоохранения, где, по словам Коултера, одержаны наибольшие успехи, существенных изменений не произошло, ибо на подопечных островах по-прежнему свирепствуют туберкулез, филариоз и многие другие болезни (стр. 176—177, 234—235, 355—356)⁹. Что же касается местной экономики, то она не только не смогла полностью оправиться от последствий войны, но и испытала новые потрясения, вызванные политикой американских колонизаторов.

В период японского владычества в Микронезии насаждалось высокотоварное плантационное хозяйство, развернулась добыча полезных ископаемых (фосфоритов и бокситов), на крупных островах появились поселки городского типа с гостиницами, кино, ресторанами и т. д. Разумеется, эксплуатация природных ресурсов Микронезии произволилась в интересах японских монополий и притом в значительной мере руками десятков тысяч переселенных сюда японских рабочих. Но быстрое экономическое развитие островов коснулось и коренного населения, которое снабжало поселенцев фруктами и овощами, обслуживало их, а также трудилось на плантациях, тем более что до начала второй мировой войны японские колонизаторы, проводя политику земельных конфискации, одновременно пытались заигрывать с микронезийцами в расчете на их быструю ассимиляцию (стр. 172—173, 192, 247, 275—277).

Страшные разрушения и опустошения, причиненные войной, репатриация по окончании военных действий всех японских поселенцев, отсутствие экономической заинтере-

⁹ См. также L. A. Mander, The U.S. mission's 1956 survey of the Pacific Trust Territory, «Pacific affairs», т. XXIX, № 3, сентябрь 1956 г., стр. 369, 374.

сованности у капиталистов США в использовании местных природных ресурсов и, наконец, приводимая американскими властями политика возвращения микронезийцев к примитивному натуральному хозяйству вызвали крах насаждавшейся японцами системы товарно-денежных отношений¹⁰. В настоящее время по существу единственным предметом вывоза из Микронезии является копра. Между тем в период японского владычества почти все местные ремесла были подорваны, и теперь островитяне нуждаются в значительном количестве привозных изделий, которые им не на что купить, не говоря уже о рисе, сахаре и некоторых других продуктах питания, употреблявшихся ими при японцах (стр. 275—276, 298—299, 302).

Положение микронезийцев серьезно ухудшается вследствие того, что американские власти, несмотря на многочисленные протесты коренного населения и неоднократные «рекомендации» Совета ООН по опеке, не только не вернули островитянам подавляющего большинства захваченных японцами земель, но и дополнительно произвели значительные земельные конфискации в связи со строительством военных объектов и испытаниями атомно-водородного оружия¹¹. По данным, приведенным в рецензируемой книге, микронезийцам принадлежит теперь лишь 36% территории их родных островов (стр. 176). Неудивительно, что, по признанию самого Коултера, жизненный уровень этих островитян в настоящее время ниже довоенного, хотя и при японцах они испытывали большие лишения (стр. 179, 278).

Несмотря на тяжелое материальное положение микронезийцев, американская колониальная администрация, проводя политику «экономии», постепенно перекладывает на их плечи все расходы на здравоохранение и просвещение¹². Это вызывает рост налогов, весьма мучительный для островитян, и препятствует улучшению медицинского обслуживания и работы школ, влачащих жалкое существование. В отчете миссии Совета ООН по опеке, посетившей в 1956 г. Микронезию, отмечается, что островитяне не в состоянии сами содержать школы¹³. Коултер избегает критиковать политику США, но и он вынужден признать, что «система просвещения на Палау, как и на других островах подопечной территории, только еще пытается встать на ноги» (стр. 285).

Начиная с 1946 г. внимание всего мира привлечено к Микронезии в связи с происходящими там испытаниями американских атомных и водородных бомб. Как известно, эти испытания причинили огромный вред здоровью местного населения, особенно жителей Маршалловых островов. Достаточно сказать, что только в результате экспериментального взрыва термоядерной бомбы в начале 1954 г. серьезно пострадали 236 островитян¹⁴. Кроме того, в связи с испытаниями жители Бикини, Эниветок, Ронгелапа и Утирика были переселены на другие атоллы, где они бедствуют в непривычной для них обстановке. Представители коренного населения неоднократно обращались с жалобами и петициями в ООН, умоляя спасти их от грозной опасности.

Как же рассказывает обо всем этом такой хорошо информированный человек, как Коултер? Подробно останавливаясь на различных второстепенных вопросах, он лишь мимоходом, буквально в нескольких строках, упоминает об американских атомных испытаниях, причем только для того, чтобы уверить читателей, будто островитяне, переселенные с атоллов Бикини и Эниветок, хорошо устроились на новых местах (стр. 307—308). И это говорится несмотря на то, что все население подопечных островов находится в постоянном страхе за свою жизнь и требует навсегда прекратить бесчеловечные эксперименты! Даже корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Р. Трамбл, который написал о Микронезии книгу с целью, как сообщается на суперобложке, дать «фактический ответ на предъявляемые США Кремлем обвинения в колониальной эксплуатации», указывает: «То, что Соединенные Штаты, начиная с 1946 г., делают с ни в чем не повинными маршалльцами в связи с атомными и термоядерными испытаниями, возмущает и оскорбляет островитян. Я обнаружил, что такие чувства распространены по всей Микронезии. Я часто слышал вопрос: «Почему Соединенные Штаты не испытывают этих бомб на своей территории?». С микронезийской точки зрения нет никакого морального оправдания проведению испытаний этого оружия на подопечной территории Объединенных Наций, где Соединенные Штаты являются лишь опекуном»¹⁵.

В кривом зеркале изображает Коултер не только современную обстановку в Микронезии, но и историю ее открытия и изучения, игнорируя выдающийся вклад русских мореплавателей и путешественников. Более того, автор допускает прямую фальсификацию, приписывая честь открытия острова Понапе испанцу Менданья, тогда как

¹⁰ W. R. Robson (comp.), Pacific islands year book, Sydney, 1956, стр. 182.

¹¹ См. М. А. Гречев, Колониальная политика США после второй мировой войны, М., 1958, стр. 150—151; L. A. Mander, Указ. раб., стр. 373.

¹² L. A. Mander, Указ. раб., стр. 373—374.

¹³ Там же, стр. 374. См. также R. Trumbull, Paradise in trust. A report on Americans in Micronesia, 1946—1958, New York, 1959, стр. 126—128.

¹⁴ См.: «Марианские, Маршалловы и Каролинские острова (справка)», «Международная жизнь», 1958, № 9, стр. 131.

¹⁵ R. Trumbull, Указ. раб., стр. 43.

общепризнано, что Понапе вместе с близлежащими островами был открыт в 1828 г. Ф. П. Литке, назвавшим эту группу островами Лазарева¹⁶.

Как мы уже указывали, Коултер одобряет и защищает все аспекты политики США в Микронезии и других частях Океании. Но в то же время он делает некоторые замечания, призванные помочь более успешному проведению этой политики в жизнь. Основными недостатками в деятельности американской колониальной администрации он считает частую сменяемость чиновников и слабое знакомство их с культурой и бытом местного населения. Автор напоминает, что в первые послевоенные годы, когда управление подопечными островами было поручено морскому министерству, при Стэнфордском университете действовали курсы по подготовке колониальных администраторов. В 1951 г., когда Каролинские и Марианские острова были переданы в ведение министерства внутренних дел, эти курсы перестали существовать. Коултер призывает правительство США организовать тщательное обучение лиц, отбираемых для службы на Американском Самоа и островах Микронезии, рекомендуя использовать соответствующий опыт других колониальных держав (стр. 122—126, 368—369).

В связи с этим автор поднимает вопрос о необходимости в еще большей мере поставить на службу американской колониальной политике буржуазную науку США, особенно этнографию. Как сообщается в рецензируемой книге, в 1947—1956 гг. в Микронезии побывало не менее 120 научных работников из 30 научно-исследовательских учреждений Соединенных Штатов (стр. 371—372). Все они представили отчеты о своих изысканиях, часть из которых была опубликована. Но Коултеру этого мало. Он требует, чтобы ученые, посещающие Микронезию, создавали труды чисто прикладного характера, доступные для сотрудников колониальной администрации и помогающие ей при решении практических вопросов. «Необходимо,— подчеркивает он,— написать больше исследований о туземном образе жизни и особенно о туземном образе мышления с точки зрения их отношения к административным проблемам» (стр. 371). Примером такого рода продукции, очевидно, должна служить рецензируемая книга, в которой изложение большинства вопросов носит упрощенный, прикладной характер и сопровождается практическими рекомендациями¹⁷.

Коултер ни слова не говорит о наличии в Микронезии движения за освобождение от колониального гнета, в частности он умалчивает о существовании на Палау религиозно-политической организации Модекгней (Союз народа) с ярко выраженной антиимпериалистической направленностью. Более того, в заключении к данному разделу он утверждает, что «повсюду наблюдаются дружелюбие и высокая оценка американских усилий», что микронезийцы «верят в добрые намерения американцев» (стр. 347). Но в одном месте мы находим любопытное признание: пожилые маршаллы, утешая молодежь, недовольную правлением США, говорят, что этот режим не вечен, что американцам придется покинуть архипелаг (стр. 318).

В апреле 1960 г. на сессии Совета ООН по опеке выступили два представителя коренного населения Микронезии, с большим трудом добравшиеся до Нью-Йорка. Гневно осудив американские власти за атомные испытания и земельные конфискации, они заявили: «Соединенные Штаты Америки построили на наших островах военные базы. Зачем? Чтобы «защитить» нас? Мы не нуждаемся в этих огромных базах, чтобы защищать наше немногочисленное население или наше жалкое имущество... Было бы лучше, если бы нам вернули нашу свободу. Народы Африки и Азии обретают свою свободу. Мы могли бы управлять собой так же, как это делают новые страны»¹⁸. Факты показывают, что в Микронезии, как и на Американском Самоа, быстро растет политическая сознательность масс, активизируется национально-освободительное движение. Его успехам не смогут помешать ни репрессии, ни маневры колонизаторов, какие бы хитроумные советы ни получали они от своих ученых консультантов, вроде автора рецензируемой книги.

Д. Тумаркин

¹⁶ См.: Дж. Бейкер, История географических открытий и исследований, М., 1950, стр. 521; И. П. Магидович, Очерки по истории географических открытий, М., 1957, стр. 517; R. W. Robson, Указ. раб., стр. 183.

¹⁷ Об использовании этнографов в аппарате американской колониальной администрации в Микронезии и Самоа см.: Ю. П. Аверкиев, Служебное значение этнографии в США, «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, стр. 71—72; Г. Макгрегор, Этнография в правительственных учреждениях США, там же, стр. 82—85.

¹⁸ Газ. «Труд», 21 мая 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К событиям в Республике Конго	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Г. Ф. Дебед (Москва). О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида	9
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Л. Н. Терентьева (Москва). Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии	24
Я. С. Смирнова (Москва). Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху	41
Т. А. Жданко (Москва). Проблема полuosедлого населения в истории Средней Азии и Казахстана	53
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
М. Г. Левин (Москва). Некоторые проблемы этнической антропологии Японии	63
Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии	
П. Н. Третьяков (Ленинград). У истоков этнической истории финно-угорских племен	76
Из истории этнографии и антропологии	
Э. В. Померанцева (Москва). Первые публикации русских народных сатирических сказок	97
Сообщения	
Л. С. Клейн (Ленинград). Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы	105
Хроника	
В. А. Александров (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1960 году.	110
Б. П. Кирдан (Москва). Декада украинской литературы и искусства в Москве	115
Этнографическая тематика на XXV Международном конгрессе востоковедов	117
Л. Ф. Моногарова (Москва). О работе секции «История Средней Азии» на XXV Международном конгрессе востоковедов	119
З. П. Соколова (Москва). Сопещение по вопросам акклиматизации и питания населения на Крайнем Севере	122
И. Ф. Хорошаева (Москва). Мексиканская выставка в Москве	124
А. В. Ушаков (Москва). Историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея в 1959 году	131
Personalia	
Памяти Андрея Александровича Попова	137
Критика и библиография	
Народы СССР	
А. Грач (Ленинград). А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы (Наскальные рисунки у дер. Шишкино)	141
В. Алексеев (Москва). Матеріали з антропології України	143
Народы зарубежной Европы	
М. Гайдай (Москва). <i>Andrej Melicherčik. Slovensky folklor</i>	146
Народы зарубежной Азии	
Б. Рифтин (Москва). Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия	148
Народы Америки	
И. Григулевич (Москва). <i>Antonio Nuñez Jimenez. Facatativa, Santuario de la Rana</i>	152
Народы Океании	
Д. Тумаркин (Ленинград). <i>J. W. Coulter. The Pacific dependencies of the United States</i>	153

SOMMAIRE

Aux événements à Congo	
Problèmes d'ethnographie et d'anthropologie générales	
G. F. Débetz (Moscou). Certains aspects des transformations somatiques de l'Homo sapiens	9
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS	
L. N. Téréntiév (Moscou). Formation de nouvelles traditions dans le mode de vie des kolkhoziens-lettons	24
Y. S. Smirnova (Moscou). Coutume «d'éviter la rencontre» chez les Adygués et sa disparition à l'époque soviétique	41
T. A. Jdanko (Moscou). Problème de la population mi-nomade dans l'histoire de l'Asie Centrale et du Kazakhstan	53
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers	
M. G. Lévine (Moscou). Quelques problèmes d'anthropologie ethnique du Japon	63
Problèmes d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique	
P. N. Trétiakov (Léningrad). Aux sources de l'histoire ethnique des peuples magyaro-finnois	76
Histoire d'ethnographie et d'anthropologie	
E. V. Poméran'tzeva (Moscou). Premières publications des contes satiriques populaires russes	94
Communications	
L. S. Klein (Léningrad). Crânes enduits de goudron dans les sépultures de l'âge d'airain	105
Chronique	
V. A. Alexandrov (Moscou). Travaux de l'Institut d'ethnographie de l'Académie des sciences de l'URSS en 1960	110
B. P. Kirdane (Moscou). Décade de la littérature et l'art d'Ukraine à Moscou	115
Les thèmes ethnographiques au XXV Congrès International des Orientalistes	117
L. F. Monogorova (Moscou). Travaux de la section «Histoire de l'Asie Centrale au XXV Congrès International des Orientalistes	119
Z. P. Sokolova (Moscou). Conférence sur les problèmes d'acclimatization et d'alimentation à l'Extrême Nord	122
I. F. Khorochaëv (Moscou). L'Exposition Mexicaine à Moscou	124
A. V. Ouchakov (Moscou). Expéditions du Musée Historique d'Etat en 1959	131
Personalia	
A la mémoire d'André Alexandrovitch Popov	137
Critique et bibliographie	
Peuples de l'URSS	
A. Gratch (Léningrad). A. P. Okladnikov, V. D. Zaporozskaïa, Lenskié pysanitsi (Images sur les rochers près du village Chichkino)	141
V. Alexeïev (Moscou). Materialy z antropologii Ukraïni (Matériaux sur l'anthropologie de l'Ukraine)	143
Peuples de l'Europe étrangère	
M. Gaïdaï (Moscou). A. Melicherčik. Slovenský folklor	146
Peuples de l'Asie étrangère	
B. Rištine (Moscou). Otcherki obščteï etnografii. Zarubejnaïa Asia (Précis d'ethnographie générale. Asie non soviétique)	148
Peuples de l'Amérique	
I. Grigoulévitch (Moscou). Antonio Nunez Jimenez. Facatitiva, Santuario de la Rana	152
Peuples de l'Océanie	
D. Toumarkine (Léningrad). J. W. Coulter. The Pacific dependencies of the United States	153

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
6	17 сн.	Хаммершельд	Хаммаршельд
13	27 сн.	3,0	3,07
	1 столб. слева		
71	20 сн.	япоцев	японцев
86	4 сн.	П. К. Цветкова	И. К. Цветкова
104	5 сн.	13th	18th
160	5 сн.	Facatotiva	Facatativa